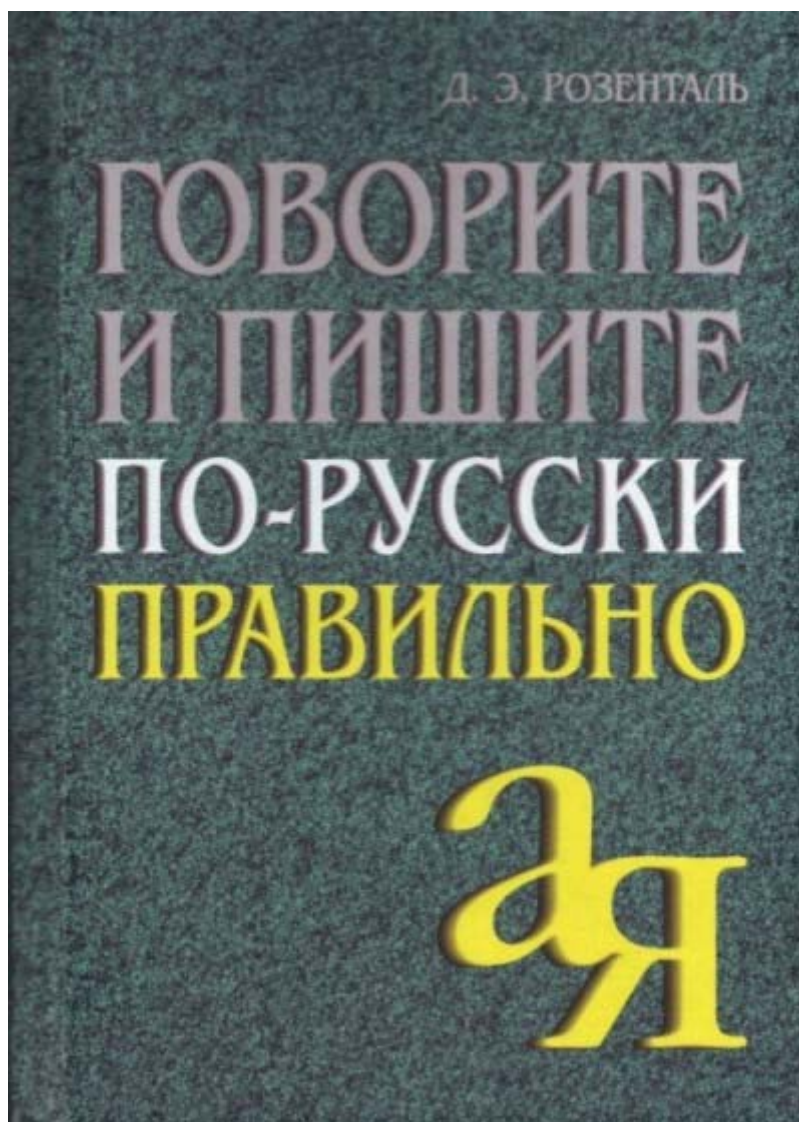

Д. Э. РОЗЕНТАЛЬ

ГОВОРИТЕ
И ПИШИТЕ
ПО-РУССКИ
ПРАВИЛЬНО

а я

Дитмар Эльяшевич Розенталь
Говорите и пишите по-русски правильно

«Говорите и пишите по-русски правильно»: Айрис-пресс; Москва; 2007
ISBN 978-5-8112-2447-0

Аннотация

В пособии в занимательной форме излагаются важнейшие вопросы речевой культуры, связанные с нормативностью речи, ее благозвучием, выразительностью. Многочисленные живые примеры помогут без труда усвоить лексические, грамматические, стилистические и орфоэпические нормы русского языка, то есть научиться писать по-русски не только правильно, но и красиво.

Книга адресована школьникам, преподавателям русского языка, студентам-филологам, журналистам и всем, кто интересуется русским языком.

Д.Э. РОЗЕНТАЛЬ
ГОВОРИТЕ И ПИШИТЕ ПО-РУССКИ ПРАВИЛЬНО

К читателю

Эта книга расскажет много интересного о «великом и могучем» русском языке и поможет вам, мои юные читатели, повысить свою речевую культуру и грамотность.

Во все времена грамотность была нужна и высоко ценилась. Грамотных людей уважали и почитали. Встает вопрос: а что же такое грамотность в широком смысле этого слова?

Подлинной грамотностью следует считать не только умение читать и писать без орфографических и пунктуационных ошибок, но и умение правильно выражать свои мысли в устной и письменной форме. Человек должен быть культурным во всех отношениях, должен стремиться овладеть духовными народными богатствами, в том числе богатствами национального языка, культурой родной речи.

Что понимать под **культурой речи**? Культурной можно считать такую речь, которая отличается **смысловой точностью, богатством и разносторонностью словаря, грамматической правильностью, логической стройностью, выразительностью**. Культурная речь — это речь **нормированная**. В своей устной форме она должна отвечать существующим в настоящее время нормам произношения, в письменной форме — нормам орфографии и пунктуации.

Что понимать под языковой нормой? Нормы бывают двоякого рода. Одни из них строго обязательны и не допускают никакого нарушения, как, например, нормы грамматические или орфографические. Такие нормы применяются, когда решается вопрос: как **надо** сказать или написать? Другие нормы представляют собой наиболее распространённые, предпочтительные языковые (речевые) варианты, закрепившиеся в практике использования, наилучшим образом выполняющие свою функцию. Именно с вариантами норм мы сталкиваемся в стилистике, когда решается вопрос: как **лучше** сказать?

Напрасно пытаться ответить на этот вопрос однозначно, дать своего рода рецепты на все случаи речевой практики. Дело в том, что, несмотря на известную свою устойчивость (иначе перед нами будет что-то преходящее в языке, а не «прижившийся» образец употребления), **норма изменяется** в ходе развития самого языка. Эта подвижность нормы нередко приводит к тому, что в данный период для одного и того же языкового явления существует несколько способов выражения: прежняя форма ещё не утрачена, но наряду с ней уже возникла новая. Сравните сочетания слов *много народу* — *много народа*, *чашка чаю* — *чашка чая*, в которых формы на *-у/-ю* свойственны прежнему употреблению, а формы на *-а/-я* — современному. Другой пример: произношение суффикса *-ся* в возвратных формах глагола: с твёрдым [с] — прежняя форма, с мягким [с'] — теперешняя. В обоих случаях старая и новая нормы сосуществуют, между ними возможен выбор. (В этом случае перед нами хронологические варианты нормы, т.е. нормы в их временной последовательности.)

Другой путь появления вариантов нормы связан с тем, что в языке, в зависимости от выполняемой им функции, от конкретных условий его использования (служить посредником при общении, или способом передачи мыслей и чувств, или средством воздействия на других членов данного языкового коллектива) возникают особые разновидности — **стили**. Каждый стиль характеризуется своими признаками: преимущественным использованием определённых лексических и фразеологических средств, синтаксических конструкций и т.д. Среди стилей выделяются две большие группы:

- 1) книжные стили (чаще в письменной форме);
- 2) разговорный стиль (чаще в устной форме).

Каждая группа стилей обычно располагает своими вариантами норм. Сравните формы именительного падежа множественного числа *догово́ры* — *догово́ра*, *слёса́ри* — *слесаря́*, из которых одни (с окончанием *-ы/-и*) являются книжными, а другие (с окончанием *-а́/-я́*) — разговорными. Другой пример: формы предложного падежа единственного числа *в отпуске*, *в цехе* (с окончанием *-е*) — книжные, а формы *в отпуску́*, *в цеху́* (с окончанием *-у́*) — разговорные.

Таким образом, наряду со старыми и новыми вариантами нормы сосуществуют

варианты, обязанные своим появлением выделению в языке различных стилей — книжные и разговорные. И надо заметить, что, как правило, старые варианты совпадают с книжными, а новые — с разговорными.

Наличие вариантов нормы, т.е. двояких форм для выражения одного и того же языкового явления, обогащает язык, позволяет нам более точно передать мысль, оформить высказывание. Но при этом выбор варианта в каждом конкретном случае должен быть обоснован, стилистически оправдан. Уместно вспомнить слова А.С. Пушкина: «Истинный вкус состоит не в безотчётном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности».

Какие же требования предъявляются к хорошей речи? Какие признаки её характеризуют? Охарактеризуем десять основных признаков хорошей, точной речи и напомним, что говорили о необходимости уметь точно и лаконично передать мысль русские писатели.

Правильность речи — это её соответствие принятым в определённую эпоху литературно-языковым нормам. «Неправильное употребление слов ведёт за собой ошибки в области мысли и потом в практике жизни» (*Д. Писарев*).

Точность речи — это её соответствие мыслям говорящего или пишущего. «Точность слова является не только требованием здорового вкуса, но прежде всего — требованием смысла» (*К. Федин*).

Ясность речи — это её доступность пониманию слушающего или читающего. «Говори так, чтобы тебя нельзя было не понять» (римский учитель красноречия *Квинтилиан*).

Логичность речи — это её соответствие законам логики. Небрежность языка обуславливается нечёткостью мышления. «Что неясно представляешь, то неясно и выразишь; неточность и запутанность выражений свидетельствует только о запутанности мыслей» (*Н. Чернышевский*).

Простота речи — это её естественность, отсутствие «красивостей», вычурности слога. «Под напыщенностью и неестественностью фразы скрывается пустота содержания» (*Л. Толстой*).

Богатство речи — это разнообразие используемых языковых средств. «Задачи, которые вы ставите перед собой, неизбежно и настоятельно требуют большего богатства слов, большего обилия и разнообразия их» (*М. Горький*).

Сжатость речи — это отсутствие лишних слов, повторов. «Если пишет многословно, — это тоже значит, что он сам плохо понимает то, о чём говорит» (*М. Горький*).

Чистота речи — это отсутствие в ней слов диалектных, жаргонных, просторечных, вульгарных, а также слов иноязычного происхождения, если в использовании их нет никакой надобности. «Употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово, — значит оскорблять и здравый смысл, и здравый вкус» (*В. Белинский*).

Живость речи — это её выразительность, образность, эмоциональность. «Язык должен быть живым» (*А.Н. Толстой*).

Благозвучие речи — это её соответствие требованиям приятного для слуха звучания, т.е. подбор слов с учётом их звуковой стороны. «Вообще следует избегать некрасивых, неблагозвучных слов. Я не люблю слов с обилием шипящих и свистящих звуков, избегаю их» (*А. Чехов*).

К сожалению, нередко в письменной и особенно устной речи людей любого возраста встречаются значительные отклонения от литературной нормы. Пролистаем письменные работы старшеклассников и абитуриентов, т.е. лиц, поступающих в вузы. Наверняка многие цитаты из сочинений вызовут у вас улыбку.

«Салтыков-Щедрин изобразил тяжёлое положение крестьянства в лице лошади»; «Базаров — молодой человек с захудалым лицом»; «Катерина и Кулигин — лучшие представители „тёмного царства“». (Авторы приведённых курьёзов не точно знают значения слов, не учитывают способности слов соединяться друг с другом по смыслу.)

«Сатин первый раскусывает Луку»; «Манилов умеет только трепать языком».
(Ошибочно употреблены просторечные слова.)

«Иудушка отличается от своих братьев подхалимством и *дурманными* методами».
(Автор занимается неоправданным словотворчеством.)

«Партизан спрятался в *закуте*»; «При этом известии у них *сполох* произошёл».
(Неоправданное употребление диалектных слов.)

«Роман „Что делать?“ *сыграл* большое значение в литературе и обществе».
(Искажение устойчивых оборотов.)

Таков далеко не полный перечень характерных лексических ошибок. Не лучше обстоит дело с использованием форм частей речи, с построением предложений.

В последующих разделах книги мы обратим внимание на точность словоупотребления, на вопросы грамматической стилистики, на использование изобразительно-выразительных средств языка, оживляющих речь, создающих её выразительность, на нормы произношения и ударения.

Нам предстоит проделать небольшое путешествие в разные области языка — его лексику, грамматику, стилистику, орфоэпию.

Итак, в добрый путь!

ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

Начнем наше путешествие с лексики, т.е. области, в которой сосредоточено основное богатство языка — его словарный состав. Если язык в целом является первоэлементом литературы, то первоэлементом языка является слово.

Слово — одежда мыслей (смысловой и стилистический отбор лексических средств)

«Слово — одежда всех фактов, всех мыслей», — этими словами М. Горький подчёркивал неразрывную связь между содержанием и формой высказывания: эту одежду

необходимо подбирать «по мерке» и «со вкусом». В первую очередь важно учитывать присущее каждому слову значение.

Возьмём такой пример: «Образ Базарова был подмечен Тургеневым верно». Но *подметить* — это «наблюдая, заметить, обнаружить», — значит, И.С. Тургенев был не создателем образа Базарова, а только наблюдателем со стороны.

Другой пример: «В романе „Евгений Онегин“ представителем лучшей части дворянской интеллигенции является образ Евгения Онегина». Здесь слово *образ* излишне: представителем дворянской интеллигенции в романе был сам Евгений Онегин, а не его образ. И ещё пример: «Образ Печорина крайне противоречив в романе». Получается, что М.Ю. Лермонтов был слабым писателем, не сумевшим создать цельный, законченный образ. На самом деле, противоречив не *образ* Печорина, а *характер* Печорина.

Кстати, термин *образ*, часто встречающийся в школьных работах, многими понимается нечётко. Например: «Героем романа М. Горького „Мать“ является образ Павла Власова». Но ведь герой («главное действующее лицо») этого произведения — сам Павел Власов, а не его образ («художественное изображение человека в литературе»).

Говоря о литературоведческих (и лингвистических) терминах, встречающихся в ученических работах, нельзя не упомянуть и о таких, как «язык» и «стиль». В сочинениях пишут: «В стиле романа „Отцы и дети“ простые предложения чередуются со сложными, используются разные эпитеты, имеется много метафор, сравнений и т.д.» (вместо *В языке романа...*) ; «Для языка ранних произведений М. Горького характерна романтическая приподнятость» (вместо *Для стиля...*).

Если **язык** — совокупность лексико-фразеологических и грамматических средств, используемых его носителями для целей общения, воздействия, то **стиль** — приёмы, способы, манера их использования. Неразличение этих понятий и приводит к ошибкам.

Строя высказывание, важно учитывать не только значение отдельно взятого слова, но и его связь с другими словами, так называемую **лексическую сочетаемость**, т.е. способность одного слова образовать по смыслу сочетание с другим словом. Возьмём для примера такое предложение: «Наш народ сумел завоевать техническую революцию и начать покорять космос». Ученик, написавший эту фразу, не учёл, что *революцию* не *завоёвывают*, а *совершают*. С этой точки зрения попробуйте сами оценить «достоинства» таких предложений:

«Однажды Павел предупредил мать, что к нему придут запрещённые люди» (сочетается ли слово *запрещённый* с названиями одушевлённых предметов?);

«В конце романа Павел Власов — это уже закоренелый революционер» (подходит ли прилагательное *закоренелый* со своими значениями «застарелый, неисправимый» как определение к слову *революционер* ?);

«Молодогвардейцы верили в неминуемую победу советского народа в Великой Отечественной войне» (сравните: *неминуемая беда*, *неминуемая гибель* и укажите, каким подходящим словом можно заменить в сочетании «неминуемая победа» прилагательное *неминуемый*);

«Добролюбов под Катериной видел луч света, а под Кабанихой — тёмное царство» (удачно ли использован глагол *видеть* ?);

«Ученик подробно рассказал автобиографию писателя А.А. Фадеева» (следует *биографию*, так как *автобиография* — «описание своей жизни»).

В речи нередко нарушается логическая связь слов в предложении, т.е. сопоставление понятий. Рассмотрим такое предложение: «Сложный и оригинальный внутренний облик Катерины нашёл своё отражение в её языке, самом ярком среди действующих лиц „Грозы“» («действующим лицом» оказался... язык).

А теперь сами найдите ошибки в сопоставлении понятий и исправьте предложения:

1) «Самым бедным из этой группы действующих лиц является язык Варвары».

2) «Подобно многим другим его произведениям идея этой повести вынашивалась писателем в течение ряда лет».

Попытки расширить лексические связи, не считаясь с логикой высказывания, приводят иногда к курьёзам. Встречаются и такие тексты: «Юноши и девушки животноводческого хозяйства решили полностью взять в свои руки откорм свиней и уже в этом году добиться, чтобы две трети молока, производимого в хозяйстве, были молодёжными».

Ступень ноги (паронимы)

Приведя фразу «Верней клади ступень ноги» в качестве примера неправильного употребления слов, смешения смысла, М. Горький иронически указывал, что автор «не замечает некоторого несходства между ступнёй ноги и ступенью лестницы». Случаи подобного смешения близких по звучанию, но далёких по значению или расходящихся в своих значениях слов (такие слова называют **паронимами**) встречаются в речи довольно часто.

Так, в школьном сочинении читаем: «Помещики жестоко обращались со своими *придворными*». Очевидно, автор этой фразы не различает слов *придворный* — «тот, кто входил в число лиц, приближённых к царю» и *дворовый* — «крепостной крестьянин, взятый на барский двор для обслуживания помещика».

В предложении «Судьба *крепостников* всецело зависела от власти помещиков» смешаны слова *крепостник* — «помещик» и *крепостной* — «крестьянин, принадлежавший помещику на основе крепостного права». А автор предложения «Он полный *невежа* в вопросах искусства» не различает слов *невежда* — «малосведущий, малообразованный человек» и *невежа* — «грубый, невоспитанный человек».

Классическим стал пример постоянного смешения глаголов *одевать* и *надевать*. Причём глаголы *одеть* — *одевать* значительно «активнее» своих собратьев *надеть* — *надевать*. Предложения типа «Он *одел* пальто и вышел на улицу» никак не уходят из нашей речи. Дело в том, что глаголы *одеть* — *одевать* обозначают действие, обращенное на другой предмет (в грамматическом значении этого слова, т.е. может быть и человек, и животное, и неодушевлённый предмет): *одевать ребёнка, одевать коня попоной, одевать куклу*. Если же действие обращено на его производителя, то употребляются глаголы *надеть* — *надевать*: *надеть пальто, надеть шляпу, надевать туфли, надеть очки, надевать коньки*. Однако в сочетании с предлогом *на* глаголы *надеть* — *надевать* обозначают действие, производимое по отношению к другому лицу или предмету: *надеть шубу на ребенка, надевать чехол на кресло*.

Какой глагол следует употребить в предложении *В заключение собрания слово для выступления... (предоставляется или представляется) Иванову* ? Запомним: здесь выбор должен быть сделан в пользу глагола *предоставляется*, имеющего значение «дать возможность, право что-либо сделать». А значения глагола *представить* легко можно определить, сравнив словосочетания: *представить доказательства*; *представить своего знакомого*; *представить к награде*; *представить себе все трудности путешествия*; *представить дело в смешном виде*. Определили значения? Если да, то в следующих предложениях употребите один из данных в скобках глаголов: 1) *Ему была (предоставлена или представлена!) возможность поехать на юг* ; 2) *Ему (предоставилась или представилась ?) возможность поехать на юг*. Если в первом предложении вы выбрали первый глагол, а во втором — второй глагол, то вы не ошиблись.

Возможно, вы слышали, как водитель или кондуктор трамвая (автобуса, троллейбуса), обращаясь к пассажирам, говорит: «Вошедшие граждане, оплатите *за проезд* ». Допустимо ли «оплатить за проезд»? Нет, нужно говорить: *уплатить* или *заплатить за проезд* либо *оплатить проезд*.

Сможете ли вы построить предложения с паронимами: *абонемент — абонент*, *адресант — адресат*, *бережливый — бережный*, *болотистый — болотный*, *глинистый — глиняный*, *земельный — земляной*, *искусный — искусственный*, *мелкий — мелочный*, *обидный — обидчивый*, *практический — практичный*, *скрытный — скрытый*, *соседний — соседский*?

А в заключение вам предстоит выполнить небольшую работу. Вы знаете, что одинаково возможны словосочетания *высокий дом* и *высотный дом*, *близкие холмы* и *ближние холмы* и т.д., но в условиях контекста один из вариантов оказывается не только предпочтительным, но и порой единственно возможным. Итак, выберите правильный вариант.

1. Самые (*высокие — высотные*) дома находятся в новых кварталах города. 2. Вкусный и (*сытый — сытный*) обед прибавил нам силы. 3. Любой (*поступок — проступок*) заслуживает осуждения. 4. Молодой рабочий быстро (*усвоил — освоил*) профессию токаря. 5. С (*особенным — особым*) удовлетворением учитель отметил успехи любимого ученика. 6. Всё вокруг привлекательно: и (*близкие — ближние*) озёра, и дальние холмы. 7. Мы с братом живём в одном доме, но на (*различных — разных*) этажах. 8. На вопросы мальчик отвечал с каким-то (*виноватым — виновным*) видом. 9. Было жарко, и пешеходы шли по (*теневой — тенистой*) стороне улицы. 10. В квартире нужно было (*провести — произвести*) ремонт. 11. Мы живём в (*геройскую — героическую*) эпоху покорения человеком космоса.

Проверьте себя:

1. *Высокие*. 2. *Сытный*. 3. *Проступок*. 4. *Освоил*. 5. *Особым*. 6. *Ближние*. 7. *Разных*. 8. *Виноватым*. 9. *Теневой*. 10. *Произвести*. 11. *Героическую*.

Старый, давний, старинный... (синонимы)

Приведя ряд **синонимов** -прилагательных *старый, давний, старинный, ветхий, древний*, писатель Д.И. Фонвизин так объяснял смысловое различие между ними: «*Старо* то, что давно было ново; *старинным* называется то, что ведётся издавна. *Давно* то, чему много времени прошло. В настоящем употреблении *ветхим* называется то, что от старости истлело или обвалилось. *Древне* то, что происходило в отдалённых веках». Для иллюстрации этих значений синонимов Фонвизин приводит такое продолжение: «*Старый* человек обыкновенно любит вспоминать *давние* происшествия и рассказывать о *старинных* обычаях; а если он скуп, то в сундуках его найдёшь много *ветхого*. Сих примеров столько ныне, сколько бывало и в *древние* времена».

Итак, включённые в синонимический ряд слова обозначают примерно одно и то же и одновременно не одно и то же: в них заключён общий смысл, но уточнены его оттенки. При употреблении синонимов именно оттенки значения играют главную роль (как оттенки красок художника, нюансы звука у музыканта). Общность значения улавливается сразу: любой школьник скажет, что в словосочетаниях *смелый боец, храбрый боец, отважный боец, мужественный боец, бесстрашный боец, неустрашимый боец* имеются синонимы, характеризующие человека, не поддающегося чувству страха, умеющего преодолеть его. Однако не только школьник, но и вполне образованный взрослый человек может затрудниться в выяснении тонких различий между употреблёнными в этих словосочетаниях прилагательными. А различия существуют, и немалые. Если носителем общего значения является слово *смелый*, то *храбрый* — «активно смелый, не боящийся опасности, идущий навстречу ей»; *отважный* — «очень смелый, готовый совершить поступок, требующий бесстрашия»; *мужественный* — «не теряющий присутствия духа перед лицом опасности»; *бесстрашный* — «чрезвычайно смелый, не знающий страха»; *неустрашимый* — «такой, которого ничто не устрасит».

Возьмём другой пример. Говоря об одарённом учёном, мы можем сказать: *большой учёный* (даётся объективная характеристика), *известный учёный* (отмечается его популярность), *знаменитый учёный* (тоже отмечается его популярность, но подчёркивается превосходная степень качества), *выдающийся учёный* (в сопоставлении с другими), *замечательный учёный* (говорится об особом интересе, который он вызывает своей деятельностью).

Выбрать наиболее подходящий синоним для данного конкретного случая — это, между прочим, приблизиться к решению интересующей нас задачи: а как лучше сказать? Здесь, как и в других случаях, помогают нам различные словари и справочники (словарь синонимов, толковый словарь, словарь сочетаний и др.), а также... художественная литература, публицистика, т.е. примеры употребления тех или иных слов, их сочетаний писателями.

Например, мы не сомневаемся в том, что глаголы *хотеть*, *желать*, *стремиться*, *жаждать* синонимичны: их объединяет общее значение «ощущать потребность в чём-либо». Но установить различия между ними (которые, несомненно, имеются) для правильного выбора синонима не так-то просто. Если слово *хотеть* является носителем указанного значения в его чистом виде и не осложнено добавочными смысловыми оттенками, то глагол *желать* — это «иметь внутреннее стремление к осуществлению чего-либо», *стремиться* — «настойчиво добиваться желаемого», *жаждать* — «испытывать сильное желание» (со стилистическим оттенком возвышенности). Сравните употребление этих глаголов в художественной литературе: *Желал ты славы и добился, хотел влюбиться — и влюбился* (А. Пушкин); *Всей душой она желала помочь этому человеку* (В. Кочетов); *Говорят, всякий воспитатель стремится сделать из своего питомца своё подобие* (В. Короленко); *Мира жаждет все человечество, и за мир оно будет бороться твёрдо, решительно, непоколебимо в любой точке земного шара* (П. Павленко).

Использование синонимов — важнейшее условие обогащения речи, её разнообразия и выразительности. Богатая синонимика русского языка позволяет избежать назойливого повторения в тексте одних и тех же слов (что нередко наблюдается, например, при употреблении глаголов речи *сказать*, *спросить* и др.). К сожалению, в ученических работах других глаголов речи, кроме *говорить*, *ответить*, *сказать*, *сообщить*, *спросить*, почти не встречается. А между тем писатели умело используют подобные глаголы не только для устранения лексического однообразия речи, но и для более точного и выразительного описания ситуации высказывания. Так, у М. Горького в романе «Мать» использовано для этой цели свыше 30 глаголов-синонимов. В произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина слово *говорил* (*проговорил*) имеет более 30 синонимов: *брякнул*, *буркнул*, *бухнул*, *воскликнул*, *выдавил из себя*, *загвоздил*, *заикнулся*, *залаял*, *заметил*, *икал*, *калякал*, *курлыкал*, *обратился*, *повествовал*, *подхватил*, *пустил шип по-змеиному*, *рассуждал*, *ржал*, *рывкнул*, *сболтнул*, *стонал*, *хлопнул* и др. Правда, многие из них стали синонимами только в условиях данного контекста. Например: *Он [новоглуповец] в одну минуту налает столько, сколько не успели налаять его достославные предки; Даже жёны чиновников не ссорятся, но единомышленно подвывают: «Ах, какой циркуляр!»*

Примером мастерского употребления синонимов может служить следующий отрывок из «Мёртвых душ» Н.В. Гоголя:

О чём бы *разговор* ни был, он [Чичиков] всегда умел *поддержать его*: шла ли *речь* о лошадином заводе, он *говорил* о лошадином заводе; *говорили* ли о хороших собаках, он и здесь *сообщал* очень дельные замечания; *трактовали* ли касательно следствия, произведённого казённою палатою, он показывал, что ему не безызвестны и судебные проделки; *было* ли *рассуждение* о бильярдной игре — и в бильярдной игре не давал он промаха; *говорили* ли о добродетели, и о добродетели *рассуждал* он очень хорошо, даже со слезами на глазах; об выделке горячего вина — и в горячем вине знал он прок; о таможенных надсмотрщиках и чиновниках — и о них он *судил* так, как будто бы сам был и чиновником и надсмотрщиком.

Синонимы могут различаться дополнительными стилистическими оттенками (или, иначе, стилистической окраской), придающими высказыванию, к примеру характер торжественности, грубоватости и т.п. В этом плане различают слова нейтральные, книжные, разговорные, просторечные. Соответствующие пометы (нейтр., книжн., разг., прост.) обычно даются в толковых словарях русского языка: *растратить* (нейтр.) — *растратить* (разг.), *признаки* (нейтр.) — *симптомы* (книжн.), *похитить* (книжн.) — *украсть* (нейтр.) — *спереть* (прост.).

Синонимы могут различаться также экспрессивной окраской: *родина* (нейтр.) — *отчизна* (высок.), *наказание* (нейтр.) — *возмездие* (высок.), *лицо* (нейтр.) — *харя* (грубое). Сравните у В.В. Маяковского: *Конь — изысканно, лошадь — буднично.*

В синонимическом ряду слова могут располагаться или по признаку усиления признака: *несчастье, беда, бедствие, катастрофа*; или, наоборот, по признаку его ослабления: *смятение, тревога, волнение, беспокойство*.

Вспомнив всё, что вы знаете о синонимах, попытайтесь проникнуть в творческую лабораторию писателя и «угадать», какое из заключённых в скобки слов было им использовано.

1. Владимир встал и пошёл искать дороги домой, но ещё долго (*блуждал — бродил*) по незнакомому лесу, пока не попал на тропинку, которая и привела его прямо к воротам дома (*А. Пушкин*). 2. Горные (*верхушки — вершины*) спят во тьме ночной (*М. Лермонтов*). 3. В гостинной сидела старушка с добреньким и худеньким лицом, робким и печальным (*взглядом — взором*) (*И. Тургенев*). 4. Дипломат говорил спокойно и величаво, развивая какую-то (*идею — мысль*) (*Ф. Достоевский*). 5. Белинский (*владел — обладал*) необыкновенной проницательностью и удивительно светлым взглядом на вещи (*Н. Добролюбов*). 6. Даша взяла горсть камешков и не спеша (*бросала — кидала*) их в воду (*А.Н. Толстой*). 7. Характерные черты (*внешности — наружности*) Тополева — высокий рост, сутуловатость, усы — послужили благодарным материалом для художника (*В. Ажаев*).

Писатели использовали следующие слова:

1. *Блуждал*. 2. *Вершины*. 3. *Взглядом*. 4. *Идею*. 5. *Обладал*. 6. *Кидала*. 7. *Внешности*.

Раздевалки и читалки (просторечная и обиходно-разговорная речь; вульгаризмы)

Слова *курилка, раздевалка, читалка* действительно существуют в русском языке, но сфера их использования ограничена **просторечной** и **обиходно-разговорной речью**. Вы можете употреблять подобные слова в разговоре друг с другом, но остерегайтесь использовать их в изложении, сочинении или устном ответе, докладе. Не украшают вашу устную или письменную речь такие предложения: «Ноздрёв — большой забияка, его знают все собаки в городе»; «По дороге Чичиков заезжает к Коробочке. Это торговка и бескультурная женщина».

И совсем исключите из вашего лексикона вульгарно-просторечные слова и выражения (или **вульгаризмы**), против проникновения которых в литературный язык так резко выступал М. Горький. В статье «О языке» он писал: «Борьба за очищение книг от «неудачных фраз» так же необходима, как и борьба против речевой бессмыслицы. С величайшим огорчением приходится указать, что... язык речевой обогатился такими нелепыми словечками и поговорками, как, например, «мура», «буза», «волыннить», «шамать», «дай пять», «на большой палец с присыпкой», «на ять» и т.д. и т.п.»

Этот перечень можно было бы дополнить «модными» словечками и выражениями, бытующими в ученическом и студенческом жаргоне: *блеск! сила! порядок! железно! законно! колоссально! потрясно! клево! прикольно! круто!* (все эти слова образуют синонимический ряд со значением «весьма положительная оценка»); *дико интересно* — «очень интересно»; *шурки, предки* — «родители»; *стихнуть экзамен* (вместо *сдать*); *тянуть резину* — «долго и нудно говорить»; *оторвать туфли (пальто, книгу и т.п.)* — «купить, приобрести»; *забросить кости* — «зайти»; *прошвырнуться, прохилить* — «прогуляться» и т.п. Всё это грубо-просторечные слова, вульгаризмы. Используя подобные «изобразительно-выразительные средства», М. Розовский создал такую пародию на сюжет сказки про Красную Шапочку:

Всю дорогу, со страшной силой хляя по лесу, Серый Волк подклеивался к колоссальной чувихе в потрясной Красной Шапочке. Та сразу усекла, что Серый Волк — слабак и задохлик, и стала толкать ему про большую бабушку. «Слушай, детка, прими таблетку, — сказал Серый Волк. — Это всё не фонтан, пшено и не в жилу». «Отпад, — сказала Красная Шапочка. — Будь здоровчик».

Комментарии, как говорится, излишни. Любой из вас, мои читатели, сумеет оценить «красоты» подобного стиля.

К сожалению, и в произведениях некоторых современных писателей, в газетах и журналах, в публичных выступлениях нередко используются без стилистической надобности просторечные и вульгарные выражения.

Так что далеко не всё, что встречается в художественной прозе или, например, звучит по радио либо с телеэкрана, достойно подражания.

«Провинциальные» нравы и «упаднические» вкусы (неоправданное «словотворчество»)

Источником засорения литературного языка является также **неоправданное «словотворчество»**. Прилагательные, употреблённые в заголовке этой главки, «родились» в школьном сочинении. Его автор не знает, что в русском языке есть слово *провинциальный*, но не существует слова «провинциальный», что есть слова *упадочнический* (например, *упадочническая литература*) и *упадочный* (например, *упадочные настроения*), но нет слова «упаднический».

Учащиеся часто «сочиняют» слова: «*Беспринципиальность* — черта характера Обломова» («гибрид» из существительного *принципиальность* и прилагательного *беспринципный*); «Молодогвардейцы проявляли чудеса *героичества*» (соединены существительное *геройство* и прилагательное *героический*).

Неоправданное словотворчество встречается и у литераторов. М. Горький, рассматривая язык романа одного молодого писателя, утверждал, что такие слова, как «взбрыкнул», «трушились», «встопорщил», «грякнул», «буруздил» и тому подобные «плохо выдуманые словечки», — «это — даже не мякина, не солома, а вредный сорняк, и есть

опасность, что семена его дадут обильные всходы, засорят наш богатый, сочный, крепкий литературный язык».

Ходоки сильно *похудали* (диалектизмы)

Ученики, написавшие эти фразы «Ходоки сильно *похудали*»; «При этом известии у них *столох* произошёл», использовали **диалектизмы**. Очевидно, в окружающей их языковой среде диалектные слова не редкость. Но возникают сомнения в уместности употребления подобных слов в литературной речи, поскольку диалектная лексика находится за пределами русского литературного языка.

Даже в языке художественной литературы надо очень осторожно использовать диалектизмы. С одной стороны, нельзя забывать, что с их помощью создаётся тот местный колорит, без которого литературное произведение может оказаться вне времени и пространства. Велика роль диалектизмов как средства художественной изобразительности, речевой характеристики персонажей в произведениях И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, М. Шолохова, Ф. Гладкова, Ф. Панфёрова, В. Тендрякова и других писателей. Однако некоторые литераторы пишут как бы для «своих», местных читателей, и тогда забываются слова М. Горького: «Если в Дмитровском уезде употребляется слово „хрындуги“, так ведь необязательно, чтобы население остальных восьмисот уездов понимало, что значит это слово...

У нас в каждой губернии и даже во многих уездах есть свои „говора“, свои слова, но литератор должен писать по-русски, а не по-вятски, не по-балахонски».

Ещё один *-изм* (канцеляризмы, профессионализмы, термины)

Мы поговорили о вульгаризмах, жаргонизмах, диалектизмах. Настала очередь вспомнить о **канцеляризмах**. На первый взгляд может показаться, что кому-кому, а уж школьникам канцелярские словечки и выражения никак не присущи. Нужен ли разговор о словах, характерных для стиля деловых бумаг? Нужен, и очень.

Писатели и журналисты используют канцелярские обороты речи для создания

комического эффекта или с сатирической целью. (Например, в фельетонах): *Как обстоит насчёт вставления зубов моей матери?* (М. Кольцов); *Только в этом году моя бывшая супруга произвела два расхода без согласования со мной... Я понимаю, у молодой женщины может появиться потребность в сладком. Так пусть она поставит об этом в известность мужа, и муж удовлетворит её потребность организованным порядком.* (С. Нариньяни).

Таким же средством создания комического эффекта служит включение терминологической лексики (каких-либо **терминов**) в чуждый по стилю контекст: *Через несколько дней молодой медик гулял с девушкой по сильно пересечённой местности на берегу моря* (И. Ильф и Е. Петров).

Для создания нужной стилистической окраски оправданно также использование в художественных произведениях профессиональных слов и оборотов (**профессионализмов**): *Я встретился с молодой женщиной... Подкатываю к ней с правого траверза и барабаню по матросски: «Позвольте покрейсировать вместе с вами»* (Н. Новиков-Прибой).

Всё это так, скажете вы, но при чём здесь мы, учащиеся? Разве мы пользуемся канцеляризмами в нашей речи? К сожалению, да, особенно в сочинениях: «После отъезда Онегина Татьяна бросает все силы на то, чтобы разобраться в его характере»; «Исходя из создавшегося положения, молодогвардейцы решили по одному переходить линию фронта».

Оказывается, незаметно для себя вы копируете примеры словоупотребления, ещё встречающиеся в средствах массовой информации.

Ещё можно прочитать в газете или услышать в чьём-либо выступлении такие «перлы»: «Работа заведующей детским садом в части вывоза детей на дачу проделана чрезвычайно большая»; «На заводе проводится большая воспитательная работа как по линии дисциплины, так и по линии охраны труда»; «Имеет место отставание в силу слабости спортивной работы».

Канцеляризмы лишают речь простоты, живости, эмоциональности, придают ей «казённый» характер. Писатель К. Чуковский по этому поводу писал: «Как можно, например, поверить, что мы восхищаемся художественным стилем Некрасова, если об этом самом Некрасове мы пишем вот такие слова: „Творческая обработка образа дворового идёт по линии усиления показа трагизма его судьбы“». Отсюда, по выражению писателя, возникает «департаментский, стандартный жаргон», а с ним появляется болезнь языка — «канцелярит».

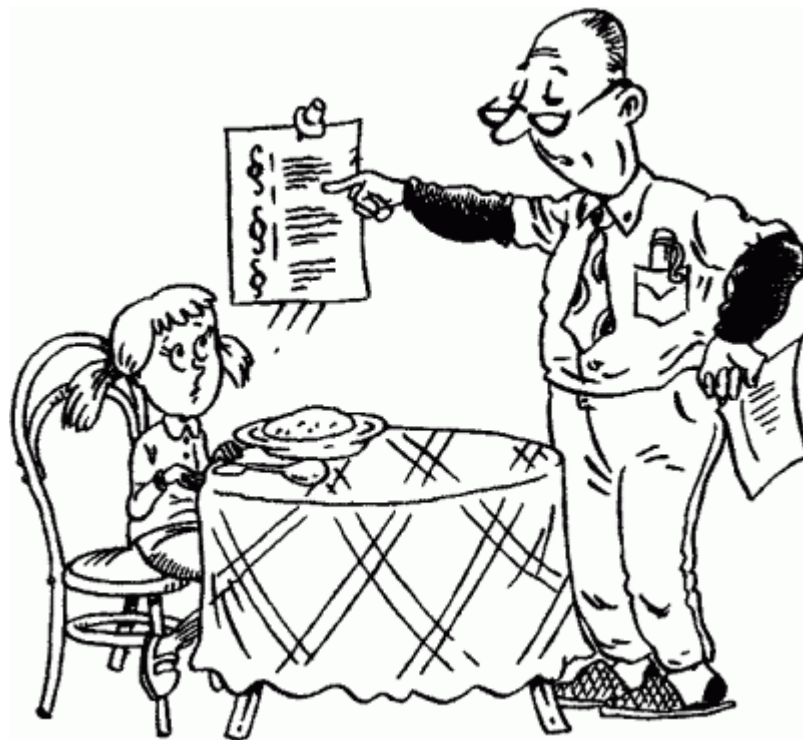
Такой же диковинный результат даёт включение в простую разговорную речь, повседневный разговор мудрёных, сугубо книжных выражений. Вот как, например, будет выглядеть диалог девочки и её отца по поводу каши, если отец любит «умные» слова:

— Папа, можно мне не есть на завтрак овсяную кашу?

— Нет, нельзя. Как уже указывалось мамой, ввиду снижения температуры воздуха тебе надлежит есть овсянку, ибо это вызовет повышение температуры твоего тела. Кроме того, учитывая вышеприведённые температурные условия, следует надеть связанные бабушкой перчатки и куртку на шерстяной подкладке.

— Можно посыпать овсянку сахаром?

— Отсутствие сахара в данном сосуде ранее констатировалось папой. Однако это вещество уже доставлено мамой из соответствующей ёмкости, находящейся в кухне.

Ну, не тарабарщина ли это?

Следует отметить следующее... (тавтология)

Подобные сочетания встречаются в текстах довольно часто. Их недостаток в так называемой тавтологии — повторении одних и тех же или однокоренных слов. Примеры из ученических работ: «*Изображаемый образ* наглядно показывает...»; «В борьбе против фашистских оккупантов население *объединилось воедино*»; «В поэме „Мёртвые души“ Гоголь *запечатлел* свои впечатления...»; «Все мысли и *стремления* Павла Власова *устремлены* на революцию»; «В романе „Молодая гвардия“ показаны черты *характеров, характерные* для врагов»; «Ясность цели позволяет Павлу Корчагину *целеустремлённо* добиваться намеченного».

По этому поводу М. Горький писал: «Надо избегать частого повторения однообразных слов в близком соседстве одного от другого... Частое повторение одного и того же слова, как бы оно ни было приятно лично вам — читателю должно наскучить».

Вместе с тем повторение одних и тех же или однокоренных слов нередко используется писателями как особый стилистический приём для подчёркивания каких-либо деталей в описании, для создания выразительности и т.д. Так, у Л.Н. Толстого читаем: *Прекрасный, чистый, учтивый извозчик повёз его [Нехлюдова] мимо прекрасных, учтивых, чистых городских, по прекрасной, чисто политой мостовой, мимо прекрасных, чистых домов к тому дому на канаве, в котором жила Mariette.*

Можно привести и стихотворный пример:

Сила силе доказала!
Сила силе — не ровня.
Есть металл прочней металла,
Есть огонь страшней огня.

(А. Твардовский)

... плюс экономия (плеоназмы)

Языковые средства следует расходовать экономно. Если, по мнению А.П. Чехова, «краткость — сестра таланта», то многословие — враг ясности.

Нередко встречаются сочетания слов, настолько близких по выражаемому ими понятию, что некоторые из данных слов становятся совершенно лишними. Например: «впервыезнакомиться» (знакомиться «во второй раз» уже нельзя; оборот возник, вероятно, под влиянием словосочетания *впервые встретиться*), «мы дорожим каждой минутой времени» (*времени* — лишнее слово; допустимы сочетания *каждая минута рабочего времени*; *каждая минута учебного времени* и т.п.); «вернуться в апреле месяце» (*месяце* — лишнее слово); «десять рублей денег» (*денег* — лишнее слово); «написал свою автобиографию» (в слове *автобиография* уже заключено понятие *своя*); «отступить назад на два шага» (*назад* — лишнее слово, так как вперёд не отступают). Языковеды называют такое явление **плеоназмом** (излишеством).

М. Горький в советах начинающим писателям неоднократно приводил примеры того, как можно одну и ту же мысль выразить короче, экономнее. Так, прочитав предложение «Не суй *своего* носа, куда не следует», он на полях рукописи замечает: «А разве можно совать чужой нос?» В словосочетаниях «своя родная семья», «молча, без слов», «слизывая капельки с волос усов» М. Горький отмечает удвоение понятия: *своя* — это и есть «родная», *молча* — и, значит, «без слов»; *усы* — это «волосы на верхней губе». Исправляя присланную ему рукопись, он заключает лишние слова в скобки: «Пролетали (мимо) дни, недели...»; «Всё было продумано до (самых) мельчайших подробностей». «Если [писатель] пишет многословно, — это... значит, что он сам плохо понимает то, о чём говорит», — утверждал М. Горький.

Многословие легко переходит в пустословие. Возьмём пример из шуточной песни французских солдат начала XVI в. «Наш командир еще за 15 минут до *своей* смерти был жив». Подобные предложения характеризуются не только комической нелепостью и выражением самоочевидной истины, но и присущим им многословием: ведь ясно, что человек жив до *своей* (а не чужой) смерти.

Подобных «глубокомысленных» фраз можно найти немало: «Для приготовления яичницы нужно иметь по крайней мере одно яйцо»; «Он скончался в среду; проживи он ещё один день, то умер бы в четверг». О толкователях подобных истин А.С. Пушкин писал: «Наши критики говорят обыкновенно: это хорошо, потому что прекрасно; а это дурно, потому что скверно».

Лишние слова свидетельствуют не только о стилистической небрежности автора. Они указывают также на нечёткость представлений автора о предмете высказывания.

Итак, побольше мыслей, поменьше слов! «Искусство писать — это искусство сокращать», — говорил А.П. Чехов.

Значит, так сказать... (слова-паразиты, слова-сорняки)

Поговорим о так называемых **словах-сорняках, словах-паразитах**. Вы все их знаете: это *вот, так вот, значит, так сказать, ну вообще, того* и т.п. В устной речи такие слова, возможно, используются для того, чтобы сделать паузу, передышку перед следующим высказыванием, выиграть время для дальнейшего формулирования мысли. И всё же употребление «сорняков» неоправданно: они засоряют речь, как и другие внелитературные элементы. Старайтесь избавиться от этого недостатка.

Некоторые из «сорняков» относятся к вводным словам, но, не к месту употреблённые, они лишаются смысловой нагрузки. Эту особенность нелитературной речи удачно используют писатели для речевой характеристики персонажей своих произведений. Вспомним, например, речь малокультурного почтмейстера из «Повести о капитане

Копейкине» в «Мёртвых душах» Н.В. Гоголя:

Ну, можете представить себе, эдакой какой-нибудь, то есть, капитан Копейкин и очутился вдруг в столице, которой подобной, так сказать, нет в мире.

Вдруг перед ним свет, так сказать, некоторое поле жизни, сказочная Шехерезада. Вдруг какой-нибудь эдакой, можете представить себе, Невский проспект, или там, знаете, какая-нибудь Гороховая, чёрт возьми! или там эдакая какая-нибудь Литейная; там шпиц эдакой какой-нибудь в воздухе; мосты там висят эдаким чёртом, можете представить себе, без всякого, то есть, прикосновения — словом, Семирамида, судырь, да и полно!

Из-за обилия «пустых» слов трудно понять Епиходова в чеховском «Вишнёвом саде»: *Вот видите, извините за выражение, какое обстоятельство, между прочим. ..*

Можно ли *неглижировать* обязанностями (заимствованные слова, слова иностранного происхождения)

Журналисты из одной очень-очень небольшой местной газеты изо всех сил стремились вывести своё издание на «европейский» уровень. Для начала решили наполнить тексты «умными» **иностранными словами** и прочитали подписчики газеты, что никто не должен *«неглижировать* своими обязанностями».

Нетрудно видеть неуместность употребления в этом предложении слова *неглижировать*: дело не только в устарелом его характере, но и в неоправданном использовании иноязычного по происхождению слова вместо вполне подходящего по условиям контекста русского слова *пренебрегать*.

Иногда и старшеклассники любят щегольнуть употреблением иностранного слова, показывая свою «учённость»: *«Идентичное* решение было принято учащимися параллельного класса»; *«Девушка конфиденциально* признавалась подругам, что переменяла имя Катя на Кармен, потому что последнее *импонирует* её внешности»; *«Среди собравшихся превазировали* представители молодёжи»; *«На последнем матче наша футбольная команда потерпела полное фиаско*»; *«Новый сезон открывает большие возможности для дальнейшей эволюции* отдельных видов спорта».

Встречается злоупотребление иноязычными словами и в средствах массовой информации: «Общее внимание привлекал новый *анонс*, вывешенный на входной двери учреждения»; «*Кардинальный* пункт расхождения между участниками дискуссии путём *компромисса* был сведён на нет»; «Никакие *резоны* не действовали на упрямого спорщика, и никакие *аргументы* не могли его переубедить»; «Оратор говорил весьма напыщенно, что произвело на аудиторию *негативный эффект*».

Стремление придать больше «весомости» тексту введением в него иноязычных слов приводит иногда к курьёзам. Автор одной газетной статьи, попав в Норильск, «смотрел на город, на *плеяду* его шахт, рудников и заводов». Но ведь *плеяда* — это «группа выдающихся деятелей на каком-либо поприще в одну эпоху», и как бы ни значительны были в промышленном отношении шахты, рудники и заводы, группой выдающихся деятелей они всё же не являются.

В приведённых выше примерах налицо засорение русского языка чужими словами, против чего резко выступал В.И. Ленин. В заметке «Об очистке русского языка» он справедливо писал: «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить „дефекты“, когда можно сказать недочёты, или недостатки или пробелы?.. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?»

Показательны в этом отношении исправления, которые вносил в тексты своих произведений при их переиздании М. Горький. Примером авторского редактирования, связанного с заменой иноязычных слов русскими или более употребительными и понятными иностранными, может служить правка текста рассказа «Челкаш»:

Издание 1895 г.

...Все эти звуки сливаются в оглушительную симфонию трудового дня.

Лодка помчалась снова, бесшумно и легко лавируя среди судов. Вдруг она

выбралась из их лабиринта.

Издание 1935 г.

Все эти звуки сливаются в оглушительную музыку трудового дня.

Лодка помчалась снова, бесшумно и легко вертясь среди судов. Вдруг она вырвалась из их толпы.

Аналогичную работу по очищению текста от иноязычных слов проводил А.П. Чехов. Например, при правке своих ранних рассказов он сделал такие замены: *что-то специфическое* → *что-то особенное*; *ничего экстраординарного* → *ничего особенного*; *индифферентно* → *равнодушно*; *для баланса* → *для равновесия*; *симулировать* → *разыгрывать*; *игнорировать* → *не замечать*; *ординарный* → *обыкновенный*.

Практика редакторской работы наших великих писателей свидетельствует, что не следует употреблять слова иноязычного происхождения без надобности, но это отнюдь не значит избегать подобных слов вообще. В.Г. Белинский справедливо писал: «В русский язык по необходимости вошло множество иностранных слов, потому что в русскую жизнь вошло множество иностранных понятий и идей. Подобное явление не ново... Изобретать свои термины для выражения чужих понятий очень трудно, и вообще этот труд редко удаётся. Поэтому с новым понятием, которое один берёт у другого, он берёт и самое слово, выражающее это понятие». И далее он утверждал, что «неудачно придуманное русское слово для выражения понятия не только не лучше, но решительно хуже иностранного слова». Например, составитель «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даль придумал слова «мироколица», «колоземица» (т.е. *атмосфера*), «ловкосилие» (т.е. *гимнастика*), «небозем», «глазоем» (т.е. *горизонт*), «рожекорча» (т.е. *гримаса*); «самотник», «себятник» (т.е. *эгоист*), но они не закрепились в русском языке, не вошли в его словарный состав.

Какая река так широка , как Ока ? (благозвучие речи)

Если вы внимательно прочитали заголовок, то, наверное, поняли, что непродуманный подбор слов (в данном случае — слов с неудачным соседством одинаковых звуков) делает речь неблагозвучной. Подобные предложения, к сожалению, встречаются в речи довольно часто: «Имеется стоянка машин *и у аэ* ропорта»; «Нельзя проводить всё время в веселии и играх» (скопление гласных, так называемое **зияние**); «Построенное *зд есь зд* ание не *сд* ано ещё в эксплуатацию» (скопление одних и тех же сочетаний согласных); «Данко был горд и смел, он звал в бой их всех» (много односложных слов, большей частью находящихся под ударением).

М. Горький уделял большое внимание **благозвучию речи**. В письме одному молодому литератору он писал: «Русский язык достаточно богат. Но у него есть свои недостатки, и один из них — шипящие звукосочетания: *-вши, -вша, -вшу, -ща, -щей*. На первой странице вашего рассказа *вши* ползают в большом количестве: „прибывшую“, „проработавший“, „говоривших“. Вполне можно обойтись и без насекомых».

Обратим внимание на авторскую правку, связанную с устранением из текста рассказа М. Горького «Челкаш» лишних причастных форм:

Первая редакция

Это было такое смутное, независимо от воли назревшее, досадливое чувство, копошившееся где-то глубоко и мешавшее ему сосредоточиться и обдумать всё то, что нужно было совершить в эту ночь.

Окончательная редакция

Смутное, медленно назревавшее, досадливое чувство копошилось где-то глубоко и мешало ему сосредоточиться и обдумать то, что нужно было сделать в эту ночь.

М. Горький указывал также на необходимость избегать звукового совпадения конечного слога одного слова с одинаковым начальным слогом следующего слова, например: «Ночлежка — *ка* менный череп»; «Лезет пыль *за* глаза , *за* воротник, в рот»; «Работаю *как ка* торжник».

«Вообще следует избегать некрасивых, неблагозвучных слов, — писал А.П. Чехов. — Я не люблю слов с обилием шипящих и свистящих звуков, избегаю их».

Требования к звуковой стороне речи приложимы не только к художественным текстам, но и к текстам других стилей. Известен пример насмешливого замечания В.И. Ленина на проект программы Российской социал-демократической рабочей партии. Прочитав вот такое предложение: «В России рядом с капитализмом, быстро распространяющим область своего господства и становящимся всё более и более преобладающим способом производства...», он ехидно заметил: «Клянюсь и благодарю... „становящимся, преобладающие“ ...щи ...щи —

фи, фи!»

Хотя мы с вами, мои читатели, не ведём диалога, но я предвижу с вашей стороны вопрос-возражение: а как же скопление причастий у поэтов?

Почитаем Н.А. Некрасова:

От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви.

Могу к этому примеру, чтобы усилить вашу аргументацию, добавить и другой — из стихов А.Т. Твардовского:

Вспомним с нами отступавших,
Воевавших год иль час,
Павших, без вести пропавших,
С кем видались мы хоть раз,
Провожавших, вновь встречавших,
Нам попить воды подавших,
Помолившихся за нас.

Нетрудно видеть, что в отрывке из «Василия Тёркина» причастия, перешедшие в существительные (книжные формы), своим скоплением усиливают патетичность, торжественность речи, что их включение в поэтический текст — это особый стилистический приём. Когда же речь идёт о **какофонии** (неблагозвучии, режущем слух сочетании звуков), то имеется в виду повторение одних и тех же звуков (в частности, шипящих в причастиях), допущенное пишущим по недосмотру и никак не связанное со стилистическим заданием. Такое словоупотребление остроумно спародировал писатель-сатирик В. Ардов в фельетоне «Суконный язык»:

Лица, ходящие по траве, вырастающей за отделяющей решёткой, ломающейся и вырывающейся граблями, а также толкающиеся, пристающие к гуляющим, бросающиеся в пользующихся произрастающими растениями, подставляющие ноги посещающим, плюющие на проходящих и сидящих, пугающие имеющих детей, едzące на велосипедах, заводящие животных, загрязняющих и кусающихся, вырывающие цветы и засоряющие, являются штрафующимися.

В то же время повторение одних и тех же звуков писатели (особенно поэты) используют для так называемой **звукописи** (звуковой оркестровки), сущность которой заключается в соответствии звукового облика фразы изображаемой жизненной ситуации. Например, повтор звуков *ш*, *п* и *н* у А.С. Пушкина: *Шипенье пенистых бокалов и пушица пламень голубой*. Сравните также в «Сказках об Италии» М. Горького: *шёлковый шорох моря, звенят весёлые зелёные волны, течёт вино в жёлтую чашу, течёт и звучит*.

Не бегите сломав голову (фразеологизмы)

Часто используются в нашей речи **фразеологические обороты** — цельные по смыслу, устойчивые словосочетания с образным значением. Их преимущество перед отдельными словами или свободными сочетаниями слов состоит в том, что они легко воспроизводятся в виде готовых речевых формул, позволяют «экономить речевые усилия», облегчают процесс общения, придают речи образность и выразительность. Эти фразеологизмы вы все хорошо

знаете: *держат камень за пазухой* — «иметь скрытно злые намерения по отношению к кому-нибудь», *днём с огнём не сыщешь* — «трудно найти», *из мухи делать слона* — «преувеличивать», *из огня да в полымя* — «попасть из одной беды в другую, худшую», *ломаного гроша не стоит* — «не имеет ценности», а также: *стреляный воробей*, *канцелярская крыса*, *медвежья услуга*, *битый час*, *последняя спица в колеснице* и многие другие.

Фразеологические обороты следует воспроизводить в речи точно, в том виде, в каком они закрепились в языке. Нельзя, например, вместо закрепившегося в языке сочетания *сломя голову* употребить сочетание «сломав голову». Нет, очевидно, необходимости напоминать, что ни один фразеологизм не следует толковать буквально — это образные выражения.

В речи фразеологические обороты нередко искажаются, причём по-разному. Например: «В произведениях Тургенева пейзаж *играет большое значение*» (вместо *играет большую роль* или *имеет большое значение* ; из двух выражений *играть роль* и *иметь значение* неправомерно образовано третье, для которого глагол взяли из одного сочетания, а имя существительное — из другого); «*Красной линией* в романе проходит мысль о героизме партизан в Великой Отечественной войне» (вместо *красной нитью*); «Пьеса „На дне“ была переведена на многие языки и *произвела большой резонанс* на читателей» (объединены «части» двух сочетаний: *произвести впечатление* и *получить резонанс*); «Человек умный, незаурядный, Печорин никак не может найти *применение рукам своим*» (вместо *применение своим силам*); «Он взял себе *львиную часть*» (вместо *львиную долю*); «Все единодушно потребовали *приподнять занавес* над этой странной историей» (вместо *приподнять завесу*); «Хороший руководитель должен во всем *показывать образец* своим подчинённым» (вместо *служить образцом* или *показывать пример*).

Встречающееся у писателей изменение фразеологических оборотов (так называемое **переразложение**) может носить характер особого стилистического приёма, цель которого — обновление или обыгрывание используемого выражения. Например, у М.Е. Салтыкова-Щедрина: *Цензура привыкла совать свой смрадный нос в самое святилище мысли писателя* (вставлено слово *смрадный*); у А.П. Чехова: *Взглянул на мир с высоты своей подлости*

(вместо *с высоты своего величия*); *Первый данный блин вышел, кажется, комом* (вставлено слово *данный*); у В. Маяковского: *За неё дрожу, как за зеницу глаза* (вместо *за зеницу ока*); *Изо всех щенячьих сил...* (вставлено слово *щенячьих*).

Друг мой, не говори красиво (простота речи)

«Друг мой, Аркадий Николаевич, не говори красиво». Эти слова Базарова из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» давно стали крылатыми. Они напоминают о необходимости соблюдать **чувство меры** в использовании образных средств языка, не лишая речь естественности и простоты. Почти во всех стилях используются эпитеты, сравнения, метафоры и т.д., однако не следует забывать, что их назначение не служить украшением, а помогать глубже и ярче передавать содержание высказывания.

О простоте языка как его достоинстве говорили А.С. Пушкин и Л.Н. Толстой, А.П. Чехов и М. Горький. Желание писать или говорить «красиво» нередко приводит к результатам, прямо противоположным тем, на которые рассчитывает автор: читатель обнаруживает искусственность, нарочитость в словах автора и теряет интерес к содержанию написанного им или сказанного.

М. Горький говорил: «Не надо писать „красиво“. Это не к месту. И, вообще, когда так красиво, то читать смешно».

Вычурная «красивость», ложный пафос, напыщенность стиля создают впечатление искусственности и натянутости, а то и просто производят комический эффект: «Катерина — чистое, небесное создание, хрупкий цветок, выросший в могильном холоде дома Кабанихи»; «Павел Власов — орёл с могучим размахом крыльев, принёсший факел счастья людям, открывший им глаза на окружающий мир»; «Молодой дояркой овладело неугасимое желание ещё больше увеличить надой молока от своей черноокой красавицы бурёнки».

Оставим все эти «неугасимые желания», «долго вынашиваемые чаяния», «заветные мечты», «высокие думы» и прочие «красоты» стиля писателям-юмористам и сатирикам. Они найдут им достойное применение.

ЧТО СКАЖЕТ ГРАММАТИКА?

Наше путешествие по стране, которую называют Лексика, подошло к концу. Как вы могли заметить, нас больше интересовали в ней не широкие дороги и бескрайние просторы (а область лексики безбрежна), а узкие тропинки, порой весьма запутанные, когда встаёт вопрос: а как выбраться отсюда, какой путь лучший и кратчайший?

С тем же стремлением — найти для себя точные ориентиры и выбрать верный путь — мы отправляемся дальше — в страну Грамматику.

Во многих случаях компасом в пути может служить наше собственное языковое чутьё. Но не всегда мы можем ему доверять, и тогда на помощь мы призовём единые для всех правила грамматики.

Немного о существительных

Подайте мне *моё стуло* ! (колебания в роде имен существительных)

Никто, конечно, не скажет «*моё стуло*», так как все знают, к какому грамматическому роду принадлежит существительное *стул*. Но, вероятно, немногим из вас известно, что в XIX в. были в употреблении формы *зало* и *зала* в значении «зал». Обычно в этих случаях проявляется историческая изменчивость нормы: была одна норма, стала другая.

Речь, таким образом, можно вести о колебаниях в роде некоторых существительных. Что считать правильным, какую форму предпочесть: *вольер* или *вольера*? *жираф* или *жирафа*? *скирд* или *скирда*? *ставень* или *ставня*? У одних слов обе формы равноправны, у других — нет. Узнать об этом можно в современных словарях русского языка.

Так, устарели формы женского рода *георгина*, *желатина*, *погона*, *рельса*, *санатория*. Теперь в литературном языке используются только формы мужского рода *георгин*, *желатин*

, погон , рельс (поэтому *Поезд сошёл с рельсов* , а не с «рельс»), *санаторий* . В одних случаях формы женского рода заменялись формами мужского рода как более «экономными» (выигрыш — целый слог). В других случаях действовал закон аналогии — «равнение на большинство». Если *голову моют шампунем* (а не «шампунью»), *крышу кроют толем* (а не «толью»), то *лицо было покрыто вуалью* (не «вуалем» — «победила» форма женского рода).

А теперь снова вспомним о стилях языка. **Языковые стили** — это разновидности языка, связанные с различными сферами деятельности людей, различными условиями человеческого общения. Они характеризуются использованием в каждом из них особых лексических и фразеологических средств, особых грамматических форм и конструкций.

Вспомните, как вы разговариваете у себя дома, с родными и знакомыми, а теперь сравните вашу «неофициальную» речь с ответом на уроке, с выступлением перед какой-либо аудиторией. В первом случае ваша речь характеризуется отсутствием предварительного обдумывания мыслей и отбора языкового материала, непринуждённостью, широким использованием обиходно-бытовой лексики, употреблением грамматических форм и построений, нередко нарушающих литературные нормы. Это **разговорная речь**. Во втором случае вы чувствуете себя немного скованными, стараетесь внимательно подбирать слова и выражения, строите предложения по образцам, которые вам знакомы из книг, строже следите за соблюдением правильного произношения и ударения. Это **книжная речь**. Получается, что существуют как бы два языка в пределах одного национального языка, хотя, конечно, до разрыва между разговорной и книжной речью дело не доходит, тем более что между книжными и разговорными элементами находится значительный так называемый нейтральный слой.

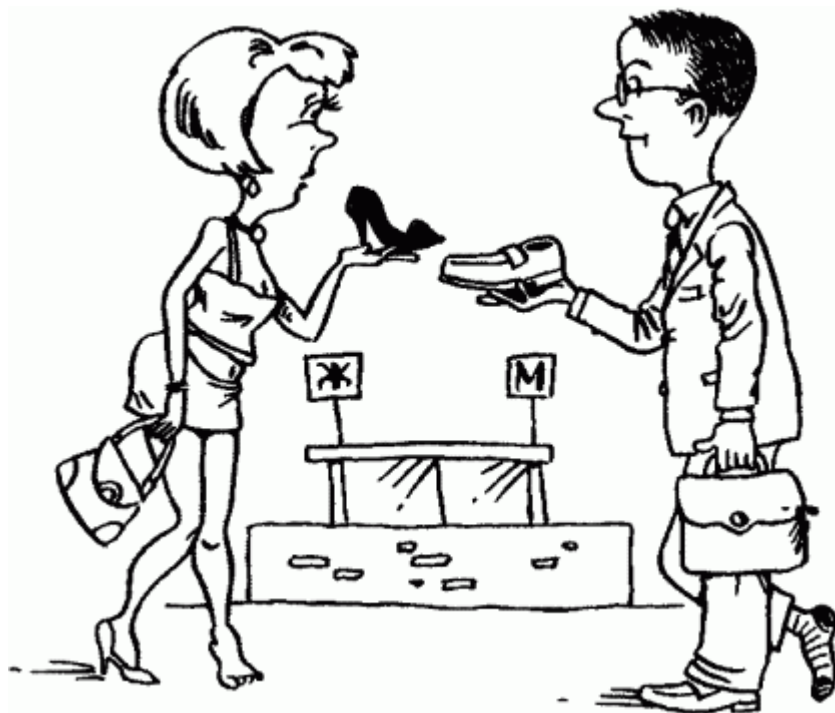
Со всем этим мы сталкиваемся не только при отборе лексических средств (различаются слова книжные, нейтральные и разговорные), но и грамматических форм и конструкций. Применительно к вопросу об изменениях в грамматическом роде существительных это выглядит так: наряду с формами книжными или нейтральными имеются формы разговорные, просторечные, профессиональные.

Обратимся к примерам. Так, если нескольким людям предложить образовать форму единственного числа слова *туфли* , то, по всей вероятности, мы получим два ответа: «туфель» и *туфля* . И хотя в обувном магазине чаще можно услышать «Разрешите примерить правый *туфель* », нормативной всё же считается форма женского рода *ту́фля* . Это можно показать при помощи несложной «алгебраической» задачи:

земля — род. п., мн. ч. *земель*

x — (?) (?) *туфель*

Чему равен x ? Очевидно, это форма *туфля* . А форма мужского рода *туфель* — разговорная, причём весьма активная. Один остряк предложил решить вопрос таким образом: если это мужская обувь — то «туфель», если женская — то *ту́фля* . Ему возразили, указав, что тогда *мозоль* у мужчины — мужского рода, а у женщины — женского рода.

Как, по-вашему, правильно: *клавиша* или *клавиш*, *манжета* или *манжет*, *заусеница* или *заусенец*? Оказывается, обе формы в каждой паре правильны, но используются в разных условиях. Музыкант скажет *клавиша*, а техник — *клавиш* (для него это «наконечник рычажка в разного рода механизмах — пишущей машинке, кассовом аппарате и т.п.»). Мы с вами говорим *манжета*, имея в виду «обшлаг рукава», а техник предпочтёт форму *манжет*, потому что это «кольцо для скрепления концов труб». Мы привыкли к форме *заусеница* — «задравшаяся кожица у основания ногтя», а в просторечии — *заусенец*; в технике тоже в значении «шероховатость, острый выступ на поверхности металла» употребляют форму *заусенец*.

В парах родовых форм *просек* — *просека*, *расценок* — *расценка*, *плацкарт* — *плацкарта* современными литературными формами считаются вторые (что не мешает, например, проводнику железнодорожного вагона, говоря о *билете с плацкартом*, использовать профессионально-просторечную форму).

На первый взгляд никаких затруднений не должно вам доставить определение грамматического рода такого обиходного слова, как *кофе*. Ведь существует простое правило: несклоняемые существительные иноязычного происхождения, обозначающие неодушевлённые предметы (*бюро, депо, пальто, кафе, пенсне, шоссе, такси* и др.), относятся к среднему роду. Но: слово *кофе* составляет одно из немногих исключений и относится к мужскому роду (вероятно, по связи со словами *кофей*, *кофий*, бытовавшими ранее). Стало быть, *кофе вскипел* и мы пьём *крепкий чёрный кофе* (а не «чёрное кофе»). Однако практика разговорной речи не всегда считается с теоретическими положениями и склонна «выравнивать» формы по аналогии, поэтому можно сказать, что сочетание «чёрное кофе» стало уже допустимым вариантом устной речи.

Одна из сестёр — *врачиха* (род названий лиц женского пола по профессии, должности)

Вероятно, вы почувствовали некоторую неловкость при чтении этого заголовка: уж очень выпадает из литературного языка слово *врачиха*. Не вызывают никаких возражений многие слова с суффиксом *-их(а)*, давно существующие в языке: *портниха, ткачиха, пловчиха* и некоторые другие. Но форма «врачиха» не приобрела прав гражданства в литературном языке (возможно, возникают нежелательные ассоциации с названиями

животных: *зайчиха*, *слониха* и т.п.).

Что касается форм с суффиксом *-ш(а)*, то они имеют довольно широкое распространение в разговорной речи: *библиотекариша*, *кассириша*, *кондукториша*, *секретариша* и др. Однако здесь следует сказать об ограничении в употреблении подобных форм. Они связаны не только с их сниженным стилистическим оттенком, но и с возможной неясностью высказывания: такие слова, как *бригадирша*, *сторожиха* (также *докторша*, *инженерша*, *дворничиха*), могут быть поняты и как название действующего лица, и как название жены по профессии, роду занятий мужа (т.е. *докторша* — и «женщина-врач», и «жена доктора»).

Иногда образование формы женского рода связано со специальным стилистическим заданием. Сравните шуточный оттенок в «женских» названиях профессий в отрывке из фельетона: *Особого, тёплого слова заслуживают наши женщины-писательницы — прозаички, драматургички, поэтессы, критикессы и редактрисы*.

Вернёмся к парным формам *врач — врачиха* и попробуем выяснить, какой из трёх вариантов вопроса уместнее в такой ситуации: вернувшись с работы домой, муж спрашивает у жены, навестил ли врач (известно, что это должна быть женщина, но её фамилия, имя и отчество неизвестны) их заболевшего ребёнка.

1) *Женщина-врач приходила?*

2) *Врач приходил?*

3) *Врач приходила?*

Первый вопрос в разговорной речи будет звучать слишком «по-учёному». Второй вопрос представляется искусственным, так как оба собеседника знают, что речь идёт о женщине. Наиболее приемлем третий вариант вопроса, в котором слово *врач* приобретает грамматические свойства общего рода и сказуемое согласуется с подлежащим по смыслу.

Аналогичный выбор формы слова в речи приходится делать очень часто. Например, какую парную форму женского рода имеют слова *индеец* и *кореец*? Если воспользоваться моделью *европеец — европейка*, *испанец — испанка*, то получится «индейка» и «корейка». Но эти слова уже имеют другие значения (*индейка* — «название птицы», а *корейка* — «свиная или телячья грудинка»), поэтому были созданы особые суффиксальные формы *индианка* и *корейка*.

Иногда возникает потребность в «обратном» образовании, т.е. нужно подобрать соответствующую форму мужского рода к названию лица женского пола. Без труда были образованы парные формы *доярка — дояр*, *свинарка — свинарь*. Но не всё так просто. Если на пишущей машинке печатает женщина, то она — машинистка. А если печатает мужчина? Сразу возникает ответ: «машинист». Но это слово имеет другое значение, поэтому для названия лица мужского пола, избравшего эту профессию, используется описательное выражение *переписчик на машинке*.

Так же: если в балете танцует Катя, то она — *балерина*, а если Володя, то он вовсе не «балерун», а *артист балета*.

Вы не знаете падежов (особенности склонения некоторых слов и словосочетаний)

Прочитав заголовок, вы, верно, улыбнулись. Конечно, такое выражение может быть употреблено только в шутку (хотя слишком часто встречаются отнюдь не шуточные просторечные выражения типа «местов нет» или «у меня много делов»). Однако имеется немало случаев, когда выбор правильной падежной формы существительных заставляет нас задуматься.

Как склоняются слова типа *домишко*? Изменяется ли при склонении первая часть таких сложных слов, как *вагон-ресторан*? А как сказать: *на Москва-реке* или *на Москвее-реке*? *к пятому апреля* или *к пятому апрелю*? *уничтожить микробы* или *уничтожить микробов*? *романы Жюль Верна* или *романы Жюля Верна*? При решении подобных вопросов мы неизбежно должны вспомнить об исторической изменчивости нормы и расслоении языка на разные стили, прежде всего на книжные и разговорный. И здесь мы сталкиваемся не только с грамматикой, но и со стилистикой. А что такое **стилистика**? Воспользуемся определением одного учёного: «Стилистика начинается там, где имеется возможность выбора». Иначе говоря, там, где нет возможности использовать синонимы (лексические или грамматические), там есть нормативная лексика, грамматика, но нет стилистики. Теперь, зная, что существует стилистика, т.е. возможен выбор формы, попробуем дать ответы на поставленные выше вопросы.

Когда-то употреблялась начальная форма *домишко* (сравните у Н.А. Некрасова: *Артикул ружьём выкидывал, так, что весь домишко вздрагивал*) и при склонении использовались окончания существительных женского рода: *нет домишки*, *подойти к домишке*, *приобрести домишку*, *пользоваться домишкой*. В наше время нормативной является начальная форма *домишко* и слово склоняется по образцу существительных среднего рода: *нет домишка*, *к домишку*, *увидел домишко*, *доволен домишком*, *о домишке*.

Сложные слова *вагон-ресторан*, *матч-турнир*, *бал-маскарад*, *Москва-река* и т.п. допускают двойные падежные формы в зависимости от стиля и формы речи: в книжной речи склоняются обе части (*в вагоне-ресторане*, *на Москве-реке*), в разговорной речи, склонной к «экономии языковых средств», изменяется только вторая часть (*в вагон-ресторане*, *за Москва-рекой*). Но при тесном смысловом слиянии обеих частей сложного слова склоняется только вторая часть: *укрыться плащ-палаткой*, *спать на диван-кроватьи*, *прочитать в «Роман-газете»* (речь идёт об одном предмете, а не о предмете и его признаке).

При склонении таких сочетаний, как *пятое апреля* (образовано от сочетания *пятое число месяца апреля*), изменяется только первая часть: *к пятому апреля* (если бы было «к пятому апрелю», то получилось бы, что в году имеется «пять апрелей»).

В образовании формы винительного падежа названий некоторых микроорганизмов (*бактерии*, *бациллы*, *микробы*), а также слов *зародыши*, *личинки*, *эмбрионы* и т.п. наблюдаются колебания: в современном языке в обиходной речи эти слова склоняются как существительные неодушевлённые (*изучать бактерии*, *уничтожать микробы*), а в профессиональной речи — как существительные одушевлённые (*изучать бактерий*, *уничтожать микробов*).

Иностранные имена, оканчивающиеся на согласную, склоняются и при наличии фамилии или нескольких имён подряд: *романы Жюль Верна*, *рассказы Марка Твена*, *сказки Ганса Христиана Андерсена*. Отступление от этого правила в устной речи («романы Жюль Верна», «рассказы Марк Твена») можно объяснить влиянием обычной для устной речи несклоняемостью имени при наличии отчества («у Иван Ивановича», «к Сергей Петровичу»).

Выпить чашку чаю или чашку чая ? (родительный падеж, обозначающий часть целого)

Так всё-таки как правильно: *много народу* или *народа*? *килограмм сахару* или *сахара*? *чашка чаю* или *чая*? При выборе формы родительного падежа единственного числа существительных мужского рода в подобных случаях в прежнее время исходили из того, что формы на *-у/-ю* вещественных и некоторых других существительных имели количественное значение (обозначали часть целого), а потому считались предпочтительнее (сравните словосочетания без количественного значения: *история народа*, *белизна сахара*, *вкус чая*). В настоящее время формы на *-у/-ю* употребляются всё реже и происходит выравнивание по основной модели, не связанной с определённым значением. Поэтому наряду с формой *чашка чаю* вполне допустима (а многими даже предпочитается) форма *чашка чая*. Причём в речи формы на *-а/-я* явно преобладают, если при существительном имеется определение: *чашка крепкого чая*, *пачка быстрорастворимого сахара*.

Формы на *-у/-ю* обычно сохраняются в словосочетании, где существительное зависит от глагола: *выпить квасу*, *поесть супу*, *достать мелу*, *прикупить тёсу*, *добавить сахару* (особенно при ударяемом окончании: *выпить чайку*, *поесть медку*).

Кроме того, окончание *-у/-ю* имеют существительные с отвлечённым значением, если имеется оттенок количественного значения: *нагнать страху*, *наговорить вздору*, а также формы во фразеологических сочетаниях: *без году неделя*, *с глазу на глаз*, *задать перцу*, *добиться толку*, *без роду и племени*, *прибавить шагу*, *что есть духу* и т.д. Сравните также предложные сочетания: *упустить из виду*, *беситься с жиру*, *нужно до зарезу*, *говорить без умолку*, *двадцать лет отроду* и т.п.

Да, я сейчас в отпуску ! (варианты окончаний предложного падежа у существительных мужского рода и их стилистическое использование)

Вы знаете, как надо говорить: *в отпуске* или *в отпуску*? *в цехе* или *в цеху*? *в чае* или *в чаю*? *в аэропорте* или *в аэропорту*? *в спирте* или *в спирту*? *на холоде* или *на холоду*?

В обоих вариантах перед нами форма предложного падежа единственного числа одного и того же существительного, а различие в окончаниях носит стилистический характер.

Формы на *-е* книжные, а формы на *-у/-ю* — разговорные, просторечные или профессиональные. Каждая форма имеет право на существование в условиях определённой речевой ситуации. Так, в приказе по учреждению мы читаем: *Полагать П.И. Сергеева в отпуске с 1 июня*, а сам Сергеев о себе, вероятно, скажет: *Я сейчас в отпуску*.

Сравните параллельные формы в других случаях: *работа на дому* (наречное значение) — *номер на доме*; *задышаться в дыму* — *в дыме пожарищ*; *весь в жиру* — *плавать в жире*; *в кругу друзей* — *в круге подобных представлений*; *расположиться на мысу реки* — *на мысе Доброй Надежды*; *весь в поту* — *трудиться в поте лица*; *у него в роду* — *в роде Толстых*; *в третьем ряду* — *в ряде случаев*; *стоять в углу* — *в угле треугольника*; *сад в цвету* — *во цвете лет* и т.п.

Часто различие между формами предложного падежа на *-у/-ю* и *-е* выражается в том, что форме на *-у* присуще обстоятельственное значение, а форме на *-е* — объектное. Сравните: *растёт в лесу* (обстоятельство) — *знает толк в лесе* (дополнение).

А также: *держаться на весу* — *выгадывать на весе*; *находиться в строю* — *ошибки в строе простого предложения*; *грибы в лесу* — *роль Несчастливцева в «Лесе» А.Н. Островского*; *родился в 1918 году* — *события, описанные в «Восемнадцатом годе» А.Н. Толстого*; *гулять в вишнёвом саду* — *герои в «Вишнёвом саду» А.П. Чехова*; *машина на ходу* — *на ходе дела не отразилось*.

При наличии определения вместо «правильной» формы предложного падежа на *-у/-ю* встречается форма на *-е*: *на ветру* — *на сквозном ветре*; *на краю* — *на переднем крае* (устойчивое сочетание); *в снегу* — *в пушистом снеге*.

Всегда в продаже свежие *торта́*! (вариативность некоторых форм множественного числа существительных мужского рода)

Прежде чем дать оценку форме «*торта́*» (и ей подобным), поставим такой вопрос: как лучше сказать — *тракторы* или *трактора́*? Ответ: выбор формы множественного числа существительного зависит от условий общения (письменная или устная форма речи), от

характера текста (его принадлежности к книжному или разговорному стилю) и т.д. Неуместно было бы в технической книге, в статистическом обзоре, в статье на экономическую тему написать: «Новые *трактора* характеризуются такими-то техническими показателями». Но вполне допустимо употребить эту форму в живой беседе, в очерке на «весеннюю» тему: *Началась посевная кампания. Трактора уже вышли в поле*.

Книжным формам множественного числа на *-ы/-и* противопоставлены формы на *-а* — разговорные: *инструкторы* — *инструктора́*, *цехи* — *цеха́*, профессиональные: *крейсеры* — *крейсера́*, *редакторы* — *редактора́*, *секторы* — *сектора́*, просторечные: *инженеры* — *инженера́*, *шофёры* — *шофера́*.

Равноправными стали формы: *инспекторы* — *инспектора́*, *корректоры* — *корректора́*, *прожекторы* — *прожектора́*, *слесари* — *слесаря́*, *токари* — *токаря́* и др.

Некоторые формы множественного числа (а среди них есть и такие, которые не имеют соответственной формы единственного числа) разграничиваются в зависимости от лексического значения слова.

Сравните:

кондуктора́ — «работники транспорта» — *кондукторы* — «приспособления в технике»;

лагеря́ (военные, пионерские, туристские) — *лагери* — «политические группировки»;

борова́ — «дымоходы» — *боровы* — «кабаны»;

корпуса́ — «здания; войсковые соединения» — *корпусы* — «туловища»;

образа́ — «иконы» — *образы* (художественно-литературные);

повода́ — «поводья» — *поводы* — «побуждения»;

пропуска́ — «документы» — *пропуски* — «недосмотры»;

тока́ — «место молотьбы» — *токи* (электрические);

тона́ — «переливы цвета» — *тоны* (звуковые);

тормоза́ — «приборы» — *тормозы* — «препятствия»;

учителя́ — «преподаватели» — *учители* — «идейные руководители»;

хлеба́ (на корню) — *хлебы́* (печёные);

цвета́ — «окраски» — *цветы́* — «растения»;

меха́ — «выделанные шкуры» — *мехи́* (кузнечные и т. п.);

соболя́ — «меха» — *соболи* — «животные»;

счета́ — «документы» — *счёты* — «прибор; взаимные отношения»;

сыны́ (родины) — *сыновья́* (у родителей) и др.

История рассматриваемых форм показывает неуклонный рост количества слов с окончанием *-а/-я* на протяжении последних двух столетий. В середине XVIII в. М.В. Ломоносов отметил только три слова, употреблявшиеся в форме именительного падежа множественного числа исключительно с окончанием *-а*: *бока́*, *глаза́*, *рога́* (восходящие к форме двойственного числа при назывании парных предметов), а также немногие слова, имевшие параллельные формы на *-ы/-и*. В середине XIX в. таких слов было уже много десятков, а в наши дни их насчитывается свыше шестисот.

Естественно встаёт вопрос: при такой активности форм на *-а/-я* не восторжествуют ли в нашей речи сочетания типа «свежие торта́»? Нет, эта опасность литературному языку не угрожает.

Так, в защиту нормативных форм множественного числа *инженёры*, *шофёры* можно привести такое положение: слова эти пришли из французского языка, в котором ударение всегда падает на конечный слог (в данном случае на *-ер* и *-ёр*), и с таким ударением данные слова вошли в русский язык, причём ударение при склонении сохраняется на этом слоге. Попробуем просклонять слово *инженёр*: *инженера́*, *инженёру*, *инженёром*, *об инженерёре*? Во множественном числе (*инженёры*, *инженера́м*, *инженёрами*, *об инженереха́х*) сохраняется то же ударение, а это исключает форму на *-а*, в которой окончание требует ударения, и тогда мы «потеряем» его на слоге *-ер*. Если просклонять слово *шофёр*, то мы убедимся, что нормативной является форма множественного числа *шофёры* (просторечная

форма «шофера́» восходит к просторечной же форме «шо́фер»: ошибка в ударении повлекла за собой ошибку в формообразовании). Можно поставить это слово в один ряд со словами *актёры, гастролёры, гримёры, режиссёры* и ещё раз убедиться, что правильная форма — *шофёры*. Разумеется, никто не обязан знать точное происхождение каждого слова, но можно легко запомнить правило: заимствованные слова на ударяемые *-er, -ёр* образуют форму именительного падежа множественного числа с окончанием *-ы*.

Сложнее обстоит дело со словами *доктор, инспектор, трактор* и т.п., т.е. словами на *-ор*, восходящими к латинскому языку: для них нельзя сформулировать единое правило образования формы именительного падежа единственного числа, но можно руководствоваться некоторыми общими указаниями.

Слова на *-ор*, обозначающие неодушевлённые предметы, образуют, как правило, форму множественного числа с окончанием *-ы* (такие слова принадлежат к книжной лексике и являются терминами): *детекторы, индукторы, конденсаторы, рефлекторы, рефрижераторы*. Существуют и отдельные равноправные формы: (*прожекторы* — *прожекторá*, *тра́кторы* — *тракторá*) (формы на *-á* — профессиональные или разговорные).

Слова на *-ор*, обозначающие одушевлённые предметы, в форме именительного падежа множественного числа имеют в одних случаях окончание *-á*, в других — *-ы*. Слова, получившие широкое распространение и утратившие книжный характер, обычно имеют окончание *-á*: *директорá, докторá, профессорá* и др. Слова, сохраняющие книжный оттенок, имеют окончание *-ы*: *авторы, конструкторы, лекторы, новаторы, ораторы* и др.

Помидоров было пять килограммов (вариативность окончаний существительных в родительном падеже множественного числа)

Когда я сказал соседям, что урожай в теплице я вырастил небольшой — «всего пять килограммов четыреста граммов помидоров», они заулыбались. А между тем я построил фразу правильно, по всем правилам «грамматического искусства». Так в чём же дело? По-видимому, в том, что она звучит несколько искусственно.

Действительно, мы скорее скажем *400 грамм масла*, чем *400 граммов масла*, *килограмм помидор*, чем *килограмм помидоров* и т.п. Здесь действует своеобразная тенденция к «экономии языковых средств»: в живой речи, как правило, употребляется более короткий вариант. В одних случаях окончание *-ов* в форме родительного падежа множественного числа существительных мужского рода перестало использоваться не только в устной речи, но и на письме: «победил» вариант с нулевым окончанием. Так, употребляют «экономные» словосочетания: *отряд солдат, группа партизан, пара сапог* (а раньше говорили «отряд солдатов», «группа партизанов», «пара сапогов»). То же касается и названий некоторых национальностей (с основой на *-н* и *-р*) *среди грузин, лезгин, осетин, туркмен, башкир* (а раньше бы сказали: «среди грузинов, лезгинов, осетинов, туркменов, башкиров»). «Потеряли» окончание *-ов* и названия единиц измерения: *100 ампер, 60 ватт, 220 вольт* и т.п.

В других случаях окончание *-ов* сохраняется в письменной речи: *200 граммов, килограмм помидоров, пять апельсинов, ящик мандаринов, немного баклажанов*, но отпадает в речи устной: *400 грамм, тонна помидор, десять апельсинов, ящик мандарин, несколько баклажан*.

Для подтверждения победы более коротких форм приведём ещё и такой факт: в первой половине XIX в. слова *афиша, буря, кастрюля, пустыня, роца, сплетня* и некоторые другие имели в форме родительного падежа множественного числа окончание *-ей* (а не нулевое окончание, как сейчас): (нет) *афишей, бурей, кастрюлей, пустыней, роцей, сплетней*.

Если вы все поняли, то решите несложные задачи.

1. Если у вас есть несколько знакомых девочек по имени *Оля*, то как вы скажете:

Подарки для наших... 2. Заключённое в скобки слово поставьте в нужной форме: *Купить несколько (простыня)* 3. Раскройте скобки: *В углу стояло несколько (кочерга)* .

Проверьте себя:

1. У А.П. Чехова: *Оль . 2. Просты'нь* (сравните: *ба́ня — бань, ды'ня — дынь, я'блоня — яблонь*). 3. Чтобы себя не мучить, сопоставьте: *серьга — серег* (с беглым *е*), стало быть: *кочерга — кочерг* .

Все повернули головы или голову (употребление формы единственного числа в значении множественного)

Пересказывая содержание кинофильма, Вася задумался над фразой *Все присутствующие обнажили голов...* — так *голову* ? или *головы* ?

Разве здесь может возникнуть вопрос о форме числа? Ведь у каждого из присутствующих, надо полагать, была своя голова, а не одна, общая для всех. И если не всегда верна поговорка «Сколько голов, столько умов», то не по причинам физического характера.

И всё-таки правильнее сказать *...обнажили голову* . Запомните: если известно, что одинаковые предметы принадлежат каждому лицу из группы или находятся в одинаковом отношении к ним, форма единственного числа употребляется в значении множественного. Так было уже в XIX в. Сравните у А.С. Пушкина: *Солдаты стояли с опущенной головой; Повелено брить им бороду* ; у В.Г. Короленко: *...Какое горе лежало на сердце чужих людей* .

Такое же согласование принято и сейчас: *Все повернули голову в сторону двери ; Носильщики несли на голове корзины с овощами . Изучается форма уха, носа, глаз ; У моих и твоих часов сломалась пружина* (речь идёт об одной и той же детали у каждого предмета); *На совещании присутствовали заведующие учебной частью ряда школ района ; Пять воинов были награждены орденом Славы I степени ; Девушки закрыли лицо передником ; Ребята ковыряли вилкой остывшую картошку* .

Всем известны чешские пива́ (множественное число вещественных, собственных и

отвлечённых существительных)

Если, прочитав заголовок, вы скажете, что я ошибся и неправильно образовал форму множественного числа вещественного существительного *пиво*, то я сошлюсь на авторитет одного из виднейших русских грамматистов начала XX в. А.А. Шахматова, приводившего эту форму среди других подобных.

В грамматике есть правило: **вещественные** существительные могут употребляться в форме множественного числа для обозначения различных сортов или видов вещества. Мы считаем правильными такие словосочетания, как *нержавеющие стали, красные и белые глины, дорогие табаки, смазочные масла* и т.п.

То же для обозначения изделий из материала (*бронзы, фарфоры, хрустали*) или названий злаков, посевы которых занимают большую площадь (*ячмени, овсы*). Специалисты постоянно говорят о *бензинах, гранитах, каучуках, цементах, сахарах, чаях, культурных луках*.

Отсюда, казалось бы, простой вывод: если есть *грузинские вина*, то почему не могут быть «чешские пива́», тем более что в природе они действительно существуют? И всё-таки вы были правы, уличая меня в ошибке: одно дело — теоретическая возможность существования какой-либо грамматической формы, а другое — практическое использование тех или иных форм («чешские пива́» — так не говорят).

Оказывается, приведённое выше правило не является универсальным. Не образуют формы множественного числа такие вещественные существительные, как *молоко, просо, рис* и др., а также названия химических элементов: *золото, серебро, азот, кислород, калий, натрий* и т.д.

Некоторые **отвлечённые** существительные употребляются во множественном числе, если приобретают конкретное значение, например, *радости жизни* (ср.: *вне себя от радости*), *различные температуры* (ср.: *температура наружного воздуха*), *высокие влажности* (ср.: *влажность почвы*).

Собственные имена существительные употребляются в форме множественного числа для обозначения типа людей: *И может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать* (М. Ломоносов); людей, находящихся в родственных отношениях (*семья Артамоновых*); географических названий (*обе Америки*). Ср. в особом стилистическом употреблении: *А в ихних чёрных Европах и Азиях боязнь, дремота и цепи* (В. Маяковский).

А теперь посмотрим, как обращаются с формами числа школьники:

«*Партизанские движения* сыграли большую роль в победе» — слово *движение* употребляется в форме множественного числа, только если обозначает конкретное действие (*движения рук и ног*), и употребляется в форме единственного числа, если имеет отвлечённое значение «деятельность, направленная на достижение какой-либо цели» (*партизанское движение, революционное движение*).

«Он говорил об их отношениях к науке» — слово *отношение* употребляется в форме множественного числа в значении «связь между кем-либо, образующаяся из общения на какой-либо почве» (*семейные отношения, товарищеские отношения*) и употребляется в форме единственного числа, если имеет значение «взгляд на что-либо, понимание чего-либо» (*отношение к искусству, отношение к жизни*).

Поговорим о прилагательных

Книга полезная и весьма интересна (смысловое и стилистическое различие полной и краткой форм прилагательных)

Мы подслушали в школьной библиотеке такой диалог:

— *Дайте, пожалуйста, книгу о восстании рабов.*

— *Возьмите роман «Спартак».*

— *Эта книга интересная?*

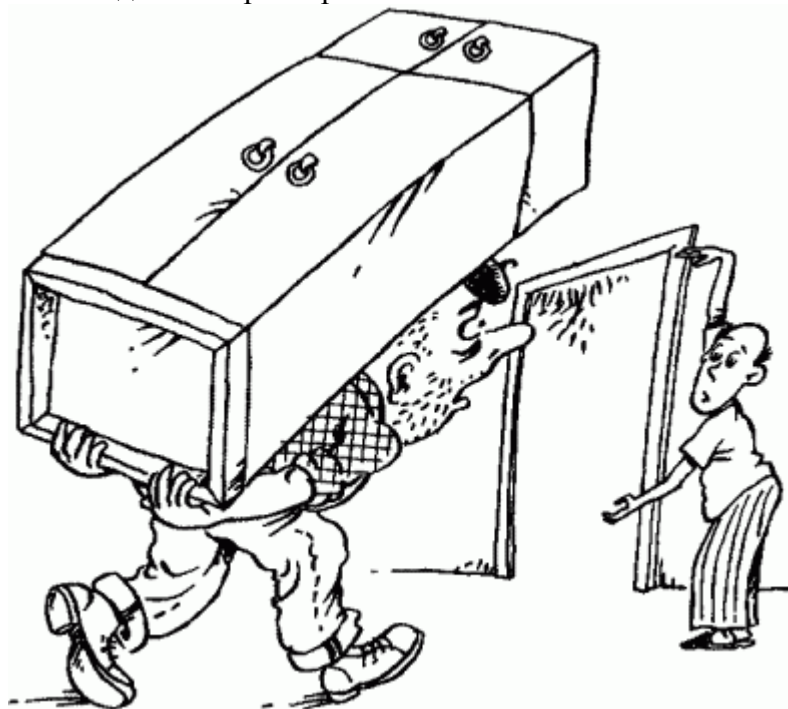
— *Да, весьма интересна.*

Нетрудно видеть, что и в вопросе, и в ответе речь идёт об одном и том же: представляет ли данная книга интерес? Однако формы качественного прилагательного, использованные в функции сказуемого, не совпадают: в одном случае выступает полная форма, в другом — краткая. Сравните аналогичные сочетания: *вопрос неясный* — *вопрос неясен* ; *положение опасное* — *положение опасно* ; *советы полезные* — *советы полезны* .

Так в чём же различие между формами прилагательного (а оно должно быть, потому что абсолютных синонимов, лексических или грамматических, т.е. синонимов, не различающихся ни по значению, ни по стилистической окраске, как правило, не существует)?

Поищем ответ на вопрос. Сначала возьмём более простой случай: *река спокойная* — *река спокойна* ; *девочка больная* — *девочка больна* ; *характер у него спокойный* — *лицо его спокойно* и т.п. Словосочетание с полной формой прилагательного в роли сказуемого указывает на **постоянный** признак предмета (например, в отличие от бурного горного потока это спокойная река), а словосочетание с краткой формой прилагательного в роли сказуемого указывает на **временный** признак (например, в данный момент река спокойна, а в другое время бывает и бурной). Такое различие, однако, неприменимо к нашему диалогу о книге: нельзя считать, что *книга интересная* всегда, а *книга интересна* сию минуту

Возьмём другой пример: *дверь низкая* — *дверь низка* . Здесь тоже не приходится говорить о постоянном и временном признаках предмета: размеры, как правило, неизменны. Но можно говорить о признаке **абсолютном** и признаке **относительном**: *дверь низкая* — безотносительно к другим предметам, а *дверь низка* , например, когда встаёт вопрос о том, чтобы внести в комнату высокую мебель (т.е. чересчур низка). Сравните также: *ноша тяжёлая* (независимо от того, кто её будет нести) — *ноша тяжела* (может быть, для ребёнка). Аналогичны сочетания: *сапоги велики* , *куртка мала* , *проход узок* — с выражением излишка или недостатка размера.

Вот теперь мы приблизились к решению интересующего нас вопроса — *книга*

интересная или *интересна*. *Книга интересная* — она интересная вообще, безотносительно к тому, кто будет её читателем, а *книга интересна* допускает продолжение: *для детей, для юношества, для специалистов, для подготовки к урокам, для чтения в поезде* и т.д.

Мы установили смысловое различие между обеими формами прилагательного в роли сказуемого, но есть ещё различие стилистическое. Оно заключается в книжном характере краткой формы качественного прилагательного: *Его философские построения и выводы ясны и точны*, и нейтральном, иногда разговорном характере полной формы: *Ответы ученика ясные и точные*. Поэтому в разговоре об обыденных вещах, например о погоде, мы употребляем конструкции с полными прилагательными: *День был тёплый, безветренный, небо ясное, безоблачное*.

Кроме того, краткой форме прилагательного присущ оттенок категоричности, а полной — оттенок смягчённого выражения. Сравните три реплики из пьесы А.П. Чехова «Три сестры»: *Ты, Машка, злая; Ты, Маша глупая; О, глупая ты, Оля*, произнесённые породственному, по-дружески, и предлагаемый в порядке лингвистического эксперимента вариант этих реплик: *ты зла, ты глупа* (звучит резко, оскорбительно).

Вопрос *естествен* или *естественен*? (вариантные формы кратких прилагательных на *-ен*)

Прилагательные на *-енный* допускают два варианта краткой формы: на *-ен* и на *-енен*: *величествен — величественен, воинствен — воинственен, медлен — медленен, могуществен — могущественен, ответствен — ответственен, родственен — родственен, свойствен — свойственен, торжествен — торжественен* и т.п.

В настоящее время чаще используется форма на *-ен* как более «экономная»: *бездействен, безнравствен, беспочвен, бессмыслен, бесчислен, бесчувствен, двусмыслен, искусствен, легкомыслен, многочислен, мужествен, невежествен, посредствен* и др.

Что касается ответа на вопрос, заданный в заголовке, то можно *естествен*, а можно и *естественен*.

Есть ли более лучший пример? (степени сравнения имён прилагательных)

Форма сравнительной степени «более лучший» нарушает грамматическую норму: ведь *лучший* уже указывает на сравнительную степень (простую), и добавление слова *более* (с помощью которого образуется составная сравнительная степень) излишне: получается сравнительная степень «в квадрате». К сожалению, сочетания «более лучший» и «более худший» часто встречаются в разговорной речи: *Я думаю, что детскую библиотеку переселили в гораздо более худшее помещение* (из письма А.А. Фадеева).

В литературном языке приняты такие формы сравнительной степени прилагательных: *бойче, звонче, ловче, слаще, хлётче* (а не «бойчее, звончее, ловчее, слаже, хлеще»).

А теперь попробуем разобраться в стилистических различиях между простыми и составными формами степеней сравнения прилагательных. Сопоставляя предложения *Этот дом выше соседнего* и *Показатели успеваемости по русскому языку в нашем классе в этом году более высокие, чем в прошлом*, мы можем отметить, что простая форма имеет нейтральный характер (употребляется в разных языковых стилях), тогда как составная форма в основном свойственна книжной речи.

Иначе обстоит дело с формами превосходной степени прилагательных: простая форма носит книжный характер: *Глубочайшие мысли, строжайшая диета*, а составная является нейтральной (т.е. не связана с определённым стилем): *самые глубокие колодцы в этой местности, самая строгая учительница в школе*. И вряд ли следует «создавать» не существующие в литературном языке формы (типа «явнейшая глупость») в смысле «очень

явная»).

С обезьяньей ловкостью ? Нет, с ловкостью обезьяны (синонимичные словосочетания)

Мы часто оказываемся перед выбором одной из двух синонимических конструкций. Например, как лучше сказать: *с обезьяньей ловкостью* или *с ловкостью обезьяны* ?

Это так называемые параллельные стороны. Как первая конструкция (состоящая из прилагательного и существительного, т.е. согласованного определения и определяемого слова), так и вторая (состоящая из двух существительных, т.е. определяемого слова и несогласованного определения) обозначают предмет (в грамматическом значении) и его признак. Поэтому в смысловом отношении они равноценны. Но, как и в других случаях синонимии, между словосочетаниями есть различие.

Словосочетание *ловкость обезьяны* более конкретно: мы представляем себе животное с характерной для него чертой. А словосочетание *обезьянья ловкость* имеет более общее значение: подобной ловкостью может обладать не только обезьяна. Так же различаются словосочетания *братская помощь* (не только со стороны брата) и *помощь брата* ; *детский смех* (не только у ребёнка) и *смех детей* ; *материнская ласка* (не обязательно ласка родной матери) и *ласка матери* и т.п.

Однако следует помнить, что в ряде случаев параллельные обороты расходятся в своих значениях. Так, *создан новый городской центр* — это в сельской местности возник новый город, а *создан новый центр города* — это в существующем городе появилась новая центральная часть; *взяться за дверную ручку* — ручка прикреплена к двери — *взять ручку от двери* — предметы отделены один от другого.

Стилистическое различие проявляется в таких парах: *рассказы Толстого* — *толстовские рассказы* (вариант с прилагательным имеет разговорный характер); *книга сестры* — *сестрина книга* (словосочетанию с прилагательным присущ оттенок устарелости для наших дней).

Коварная часть речи — имя числительное

Магазин *триста шагами* дальше

Вы, вероятно, знаете правило: в косвенных падежах, кроме винительного, числительные согласуются с существительными: *трёхсот шагов, трёмстам шагам* — стало быть, *ремястами шагами дальше* .

И всё же в разговорной речи, а тем более в просторечии, числительные очень часто не склоняют. А если взять сочетания с составными числительными, то в устно-разговорной речи нарушения литературной нормы наблюдаются ещё чаще. Например, сочетание *альбом с 678 иллюстрациями* многие прочитают так: ...*с шестьюсот семьдесят восемью иллюстрациями* (просклоняв только последнее слово), хотя по правилу в составном количественном числительном должны склоняться все образующие его части; значит, альбом должен быть *с шестьюстами семьюдесятью восьмью* (или *восемью* — более старая форма) иллюстрациями.

Книжному варианту *с тремястами рублями* (числительное согласуется с существительным) противостоит разговорный вариант *с тремястами рублей* (числительное управляет существительным, как это имеет место в форме именительно-винительного падежа *триста рублей*).

Слово *тысяча* может выступать как в функции числительного, так и в функции счётного существительного (сравните формы творительного падежа единственного числа *тысячью* и *тысячей*), поэтому оно или согласуется с существительным: *с тысячью рублями* , или управляет им: *с одной тысячей рублей* . В форме множественного числа слово *тысяча* всегда управляет существительным: *с тремя тысячами рублей* .

В составе числительных слово *тысяча* имеет разные формы винительного падежа — в количественных числительных: *весом в тысячу пятьсот тонн* ; в порядковых числительных: *в тысяча девятьсот семьдесят седьмом году* .

Решите , какую из заключённых в скобки форм лучше использовать в предложении *Наша библиотека пополнилась двумя тысячами* (книг — книгами).

Проверь себя : *двумя тысячами книг* .

Поход продолжался 22 суток

Вы знаете, как прочитать сочетание числительного с существительным *сутки* ? Всё ясно, пока перед нами сочетание 20 (*двадцать*) *суток* , 21 (*двадцать один*) *сутки* . Однако на следующие сутки мы окажемся в трудном положении: нельзя сказать ни «двадцать два сутки», ни «двадцать две сутки», и остаётся, как «жест отчаяния», — «двадцать двое суток», но это не соответствует литературной норме.

Дело в том, что существительные, имеющие форму только множественного числа, сочетаются не с количественными числительными *два, три, четыре* , а с собирательными *двое, трое, четверо* . Однако собирательное числительное не может входить в составное числительное, которое должно быть образовано из одних количественных числительных.

В нормативной речи эту грамматическую несочетаемость числительных 22, 23, 24 и т.п. с существительными, не имеющими формы единственного числа, мы преодолеваем или заменой таких существительных: *поход продолжался 22 дня* , или изменением конструкции: *поход продолжался в течение двадцати двух суток* .

В деловой речи при существительных *ножницы, сани, часы, щипцы* и т.п. в аналогичных случаях добавляется слово *штука* : *двадцать две штуки ножниц; купили сани в количестве двадцати двух (штук)* .

Подумайте , как правильно построить такое предложение: *На складе имеются 23 (вилы) и 34 (грабли)* .

Жили-были *трое* девочек

Синонимические пары типа *два ученика — двое учеников* образуются легко. А можно ли образовать пару «три девушки — трое девчат»? Прежде чем ответить на этот вопрос, вспомним, в каких случаях употребляются собирательные числительные *двое, трое... семеро* (практически выше этого числа собирательными числительными мы не пользуемся).

Собирательные числительные сочетаются:

1) с существительными мужского и общего рода, называющими лиц мужского пола: *двое друзей, трое сирот* ;

2) с существительными, имеющими формы только множественного числа: *двое суток, трое саней* (начиная с *пятеро* обычно используются количественные числительные: *пять суток*);

3) с существительными *дети, люди, ребята, лицо* (в значении «человек»): *двое детей, трое молодых людей, четверо ребят, пятеро незнакомых лиц* ;

4) с личными местоимениями: *нас двое, вас трое, их было пятеро* ;

5) с субстантивированными числительными (т.е. числительными, употребляющимися в роли существительных): *вошли двое, трое в карнавальных костюмах* .

Как видно из сказанного, собирательные числительные не сочетаются:

1) с существительными мужского рода, называющими животных (нельзя сказать: «двое волков»), однако в разговорной речи возможно употребить собирательное числительное при названии молодого животного (*двое медвежат, трое щенят*);

2) с существительными, обозначающими лиц женского пола (нельзя сказать: «трое портних», «четверо преподавательниц»), однако в разговорной речи по аналогии с сочетанием *трое ребят* встречается сочетание *трое девчат* (при нейтральной форме *три девушки*).

По обоим сторонам улицы

Если вы услышите, как кто-то в разговоре сказал, что *Деревья росли по обоим сторонам улицы* , не торопитесь обвинить этого человека в неграмотности. Он, конечно, знает, что у *обоих братьев* , но у *обеих сестер* и что начальная форма — *обе стороны* (а не «оба стороны»). Однако разговорная речь допускает некоторую грамматическую свободу и наряду с нормативным сочетанием *по обеим сторонам* (как всем и следует говорить) позволяет существовать и ненормативному варианту *по обоим сторонам* .

О «терпимости» разговорной речи свидетельствует и распространённое употребление сочетания «у обоих ворот», явно не отвечающее грамматической норме, так как эта форма косвенного падежа образована от несуществующей начальной формы (нет формы именительного падежа «оба ворота» или «обе ворота»: существительные, употребляющиеся только в форме множественного числа, не имеют категории рода). Но говорить лучше правильно: *у тех и у других ворот* .

Заниматься с полутора десятком учеников

Подумайте, правильно ли построено такое предложение: «Учитель занимался с полутора десятком учеников?» Если вы считаете, что неправильно, то объясните почему.

Из двух встречающихся в практике речи вариантов: *в полутора десятке случаев — в полутора десятках случаев, с полутора сотней слов — с полутора сотнями слов* (различие заключается в форме числа существительного, сочетающегося с числительным *полтора — полторы*) — нормам современного русского литературного языка отвечает второй, т.е. во всех падежах, кроме именительно-винительного, существительное при числительных *полтора — полторы* ставится в форме множественного числа. Стало быть: *Учитель*

занимался с полутора десятками учеников .

Учитель спросил 22 ученик...

Чтобы прочитать этот заголовок, вам придётся дописать окончание в последнем слове. Что у вас получилось? Вероятно, у одних «Учитель спросил двадцать два ученика», а у других «Учитель спросил двадцать двух учеников». Второй вариант кажется таким «убедительным»: ведь речь идёт о существительных одушевлённых, а их грамматический признак — совпадение формы винительного падежа с формой родительного. Но в данном случае это не так. Правило говорит, что при склонении сочетаний существительного с составным числительным, оканчивающимся на *два, три* или *четыре* , это существительное (независимо от его одушевлённости-неодушевлённости) в винительном падеже сохраняет форму именительного падежа. Стало быть: *Учитель спросил двадцать два ученика* .

Однако и другая форма (...*спросил двадцать двух учеников*) встречается довольно часто, причём не только в устной речи, но и в литературе: *Утро застало в живых только двадцать двух человек* (К. Паустовский).

Также обстоит дело и с сочетаниями существительных женского рода, обозначающими животных, птиц, рыб, с числительными *два, три, четыре* , когда речь идёт об общем счёте, о купле-продаже. Например, наряду с книжными формами *купить двух коров, подстрелить трёх уток, поймать четырёх рыб* широкое распространение получили разговорные формы *купить две коровы, подстрелить три утки, поймать четыре рыбы* . Возможно, так сохраняется старая норма. Сравните у писателей XIX в.: *На них он выменял борзые три собаки* (А. Грибоедов); *Платил прогоны за две лошади* (А. Пушкин).

Ученикам раздали по 5 тетрадей

Этот заголовок можно прочитать по-разному: *Ученикам раздали по пяти тетрадей* и *Ученикам раздали по пять тетрадей* . Допустимы оба варианта. Это «разрешает» предлог *по* .

Предлог *по* в так называемом **распределительном** значении требует постановки числительных *пять, шесть... десять... пятнадцать... двадцать... тридцать, сорок, пятьдесят...* или в форме дательного падежа (книжный вариант, с оттенком устарелости): *по десяти карандашей, по двадцати рублей, по сорока копеек, по семидесяти мест* или в форме винительного падежа (разговорный вариант): *по десять карандашей, по двадцать рублей, по сорок копеек, по семьдесят мест* . В практике речи преобладают разговорные варианты.

То же самое характерно для употребления составных числительных: *по двадцати пяти рублей* — *по двадцать пять рублей, по сорока семи копеек* — *по сорок семь копеек* (чаще используются конструкции с формой винительного падежа).

Если же в составном числительном имеются слова *два, три, четыре, двести, триста, четыреста* , то сочетание такого числительного с существительным ставится в форме именительно-винительного падежа: *по тридцать четыре копейки, по двести шестьдесят пять рублей* .

Различаются также варианты: *по несколько человек, по многу дней* (книжные) и *по несколько человек, по много дней* (разговорные).

Успеваемость повысилась на 12,5 %

Здесь возникает вопрос, на сколько повысилась успеваемость: *на двенадцать и пять*

десятых процента или *на двенадцать и пять десятых процентов* ? По правилу при смешанном числе существительным управляет дробь, стало быть, на *12,5 процента* . Сравните также: *6,3* (шесть и три десятых) *метра* ; *8 и 1/5* (восемь и одна пятая) *центнера* . Но при наличии сочетания *с половиной* или *с четвертью* существительным управляет целое число: *пять с половиной процентов*, *три с четвертью ведра* .

Осторожно: местоимение!

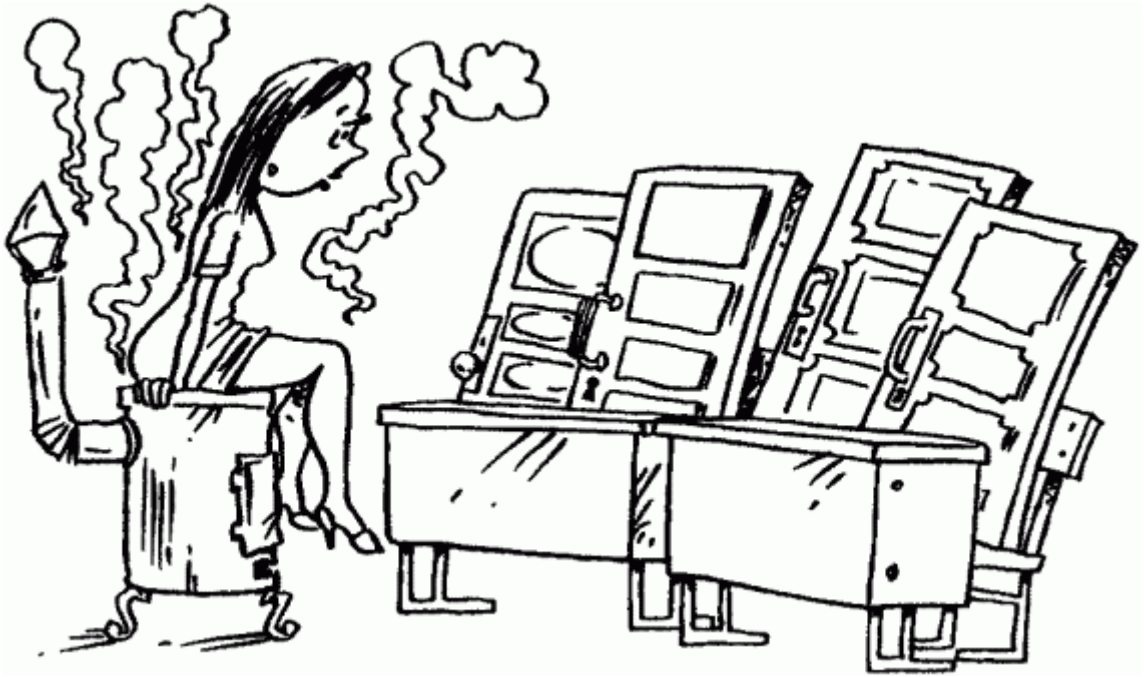
Он — Вася или велосипед?

Этот велосипед дал мне Вася, к вечеру он сломался . Это предложение не страдает неясностью или двусмысленностью: не вызывает сомнений отнесённость местоимения *он* к существительному *велосипед* . И всё же при чтении невольно возникает впечатление курьёзности. Объясняется это тем, что личное местоимение обычно заменяет ближайшее предшествующее существительное в форме того же рода и числа, и эта формальная связь появляется в сознании читателя ещё до того, как устанавливается связь смысловая.

Отсюда не следует, что тексты, в которых это формальное положение не соблюдено, стилистически неполноценны. Так, не вызывают возражений предложения *Главный инженер сейчас в цехе, он даёт указания мастеру* ; *Учительница задержалась в школе, она проверяет тетради учеников* . Нет оснований сомневаться в том, что в первом предложении местоимение *он* относится к сочетанию *главный инженер* (а не *токарный цех*) и что во втором предложении местоимение *она* связано по смыслу со словом *учительница* (а не *школа*). Поэтому писатели не всегда придерживаются указанного правила. Например, читаем у И.А. Гончарова: *Если бы не эта тарелка, да не прислонённая к постели только что выкуренная трубка, или не сам хозяин, лежащий на ней, то можно было бы подумать, что тут никто не живёт* . Языковеды считают, что было бы проявлением придирчивости поинтересоваться: *лежащий на постели* или *на трубке* ?

Однако нередко в подобных случаях возникает неясность. Например: «Сестра поступила в артистическую труппу, *она* вскоре уезжает на гастроли». Так кто уезжает: сестра или труппа? Предложение можно исправить так: *Сестра поступила в артистическую труппу и вскоре уезжает на гастроли* или так: *Сестра поступила в артистическую труппу, которая вскоре уезжает на гастроли* .

Примеров не очень удачного построения предложений с личными местоимениями 3-го лица можно привести немало: «В комнате, возле печки, стояла девушка; *она* была жарко натоплена»; «Вчера перед школьниками гостеприимно раскрылись двери школы; окрепшие за лето, *они* с новыми силами взялись за учёбу».

М. Горький в статье «О начинающих писателях» критикует такое высказывание: «Отец умер, когда *ему* было девять лет» — смысл предложения, конечно, ясен (никто не подумает о «девятилетнем отце»), но из-за отсутствия в предложении другого существительного, с которым связано личное местоимение, возникает курьёз.

Создание двусмысленности из-за неясности, какое существительное заменяет личное местоимение, может быть использовано как особый стилистический приём, когда умышленно затемняется соотнесённость местоимения с лицом или предметом: *А он схватил его, подмял и оземь... Тогда тот сел на него верхом и давай в спину барабанить... Мы его изпод него за ноги вытащили. — Кого его? — Известно кого... на ком верхом сидел... — Кто? — Да этот самый, про кого сказываю* (А. Чехов, рассказ-сценка «Ты и вы»).

Всё сказанное относится и к употреблению местоимения *который*, выступающего в функции союзного слова в придаточном предложении: здесь тоже обычна связь местоимения с ближайшим предшествующим существительным в форме того же рода и числа, поэтому при неясности этой связи возникает двусмысленность. Например: «Мы беседовали с ведущим актёром столичного театра, *который* приехал на гастроли в наш город» (приехал актёр или театр?).

Внутри них ?.. Внутри их ?..

Как сказать: *внутри их* или *внутри них*? Оба варианта равноправны. Хотя правило гласит, что после предлогов, управляющих косвенным падежом, к личным местоимениям 3-го лица добавляется начальный звук *н* (*для него, к ней, над ними* и т.д.), в отдельных случаях допустимы обе формы: *у всех их/них, над всеми ими/ними* и т.п. Сравните: *Видишь разницу между нами и ими* (М. Горький); *...Нет между нами и ними никакой средней линии* (А. Гайдар). Более современны конструкции с начальным *н*.

Однако в предложении «На склонах этих гор растёт дуб, а *выше него* сосна» допущена ошибка. Нужно запомнить, что после формы сравнительной степени прилагательных и наречий местоимения 3-го лица употребляются без начального *н*, поэтому *красивее её, выше его*.

Молодёжь ушла. *Они* устали

Читаем в газете: «Молодёжь осталась довольна концертом, *они* просили почаще устраивать такие встречи с артистами»; «Крестьянство на протяжении столетий боролось против крепостного права; *они* неоднократно восставали против своих угнетателей». Авторы этих предложений нарушили соотнесённость в числе между существительным и заменяющим его местоимением: если *молодёжь* — то *она*, если *крестьянство* — то *оно*. Однако и при такой формальной правильной замене существительного сохранилась бы какая-то стилистическая неловкость («она просила...»; «оно восставало»). В подобных случаях прибегают к лексической замене: *Молодые люди остались... они просили; Крестьяне боролись... они восставали...*

Встречающиеся в художественной литературе нарушения соотнесённости в числе существительного и местоимения связаны с особенностями индивидуального стиля автора, с желанием придать повествованию разговорный характер: *На террасе собралось всё женское общество. Они и вообще любили сидеть там после обеда, но нынче было ещё и дело* (Л. Толстой); *Публика смотрит эти страсти молча и серьёзно. Может быть, они думают...* (М. Горький).

Отнеси вещи жильца к себе

Вспомним хрестоматийный пример: «Комendant велел дворнику отнести вещи жильца *к себе*». Вы поняли, к кому попадут вещи жильца? Возвратное местоимение *себя* (*себе* и т.д.) может относиться к любому из трёх грамматических лиц, поэтому при наличии в предложении двух или нескольких существительных *себя* может быть соотнесено с разными словами.

По правилу возвратное местоимение *себя* следует относить к слову, называющему производителя соответствующего действия.

Например, предложение «Мать велела дочери налить *себе* воды» может означать как то, что дочь нальёт воду для матери, так и то, что она нальёт воду для себя. В приведённом

предложении налицо два деятеля, каждый из которых совершает своё действие: действие матери выражается в том, что она велела (простое глагольное сказуемое), а действие дочери — в том, что она будет наливать, и это действие направлено в её пользу. Поэтому предложение следует понимать так, что дочь нальёт воды для себя.

Однако в той редакции, в какой дано это предложение, содержится двусмысленность, и исключить её можно, выбрав один из ясных вариантов предложения: *Мать велела, чтобы дочь налила ей воды* или *Мать велела, чтобы дочь налила себе воды*.

Также решается вопрос и с исправлением предложения, приведённого в начале раздела. Возможные варианты: *Комендант велел, чтобы дворник отнёс к нему вещи жильца*; *Комендант велел, чтобы дворник отнёс к себе вещи жильца*; *Комендант велел дворнику отнести жильцу его вещи*.

Данное правило распространяется на употребление возвратно-притяжательного местоимения *свой*, которое тоже может относиться ко всем трём грамматическим лицам. Так, двусмысленное предложение: «Директор застал помощника в *своём* кабинете» (в чьём кабинете: директора или помощника?) можно исправить так: *Директор застал у себя в кабинете своего помощника* или так: *Директор застал своего помощника в его кабинете*.

Знаете ли вы глаголы?

Побежду или побегу?

Как вы поступите, если вам придётся поставить в форме 1-го лица единственного числа глагол *победить*? А глагол *чудить*? Вы, очевидно, чувствуете, что в первом случае не подходит ни «побегу», ни «побежду», ни «победю», также как во втором не подходит ни «чужу», ни «чудю».

Дело в том, что некоторые глаголы ограничены в образовании или употреблении личных форм (их поэтому называют **недостаточными** глаголами). Во-первых, это глаголы, которые обозначают процессы, совершающиеся в животном или растительном мире, в неживой природе и не присущие человеку: *ржаветь, сквозить, телиться, течь* и др. Такие глаголы не употребляются в формах 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа (нельзя ведь сказать: «я теку» или «мы ржавеем»).

Во-вторых, это глаголы, которые не образуют формы 1-го лица единственного числа настоящего или будущего простого времени по фонетическим причинам: такие глаголы, как *победить, чудить, убедить, очутиться, оцутить* и некоторые другие, образовали бы названную форму с непривычными для нашего слуха сочетаниями звуков («убегу», «убежду», «убедю», «очучусь», «ощущу» и т. п.). Редко употребляется форма «прегражу» (от *преградить*). А глаголы *бузить, дерзить, тужить* не образуют теоретически возможных форм «бужу», «держу», «тужу», потому что «место уже занято»: эти слова уже существуют, но как формы часто употребляющихся глаголов *будить, держать, тужить*. Как же всё-таки поступать, если нужно дать понять, что я их «убедю» и «победю»? Выход заключается в использовании описательных оборотов: *и не думаю чудить, сумею победить, хочу убедить, могу очутиться, попытаюсь оцутить* и т.п.

Машу и махаю руками

Образованные от глагола *махать* личные формы *махаю* и *машу* различаются стилистической окраской: форма *махаю* — разговорная, форма *машу* — литературная.

Двойные (или параллельные) формы настоящего времени (*махаю — машу*) и

повелительного наклонения (*махай — маши*) встречаются у ряда глаголов (их поэтому называют **изобилующими** глаголами): *колышет — колыхает, кудахчет — кудахтает, мурлычет — мурлыкает, плещет — плескает, полощет — полоскает, рыщет — рыскает* и др. (в каждой паре на первом месте стоит литературная, книжная форма, на втором — разговорная).

В отдельных случаях наблюдается не стилистическое, а смысловое различие. Так, форма *брызгает* имеет значение «спрыскивает, окропляет» (*брызгает водой, брызгает белье*), а параллельная форма *брызжет* означает «разлетается каплями, разбрасывает капли, сыплет брызгами» (*фонтан брызжет, больной брызжет слюной, искры брызжут*).

Форма *двигает* обозначает «перемещает, толкая или таща что-либо» (*двигает стол к окну*), а форма *движет* употребляется чаще в переносном значении «побуждает, руководит» (*им движет чувство сострадания*) или в значении «приводит в движение» (*пружина движет часовой механизм*). Например, *поезд двигается* значит «приходит в движение», а *поезд движется* значит «находится в движении».

Форма *капает* имеет значение «падает каплями, льёт по капле» (*пот капает с лица, врач капает лекарство в рюмку*), а форма *каплет* значит «протекает» (*крыша каплет*). Сравните: *Из дедовых глаз, испуганно моргавших, каплют на его, Лёньки, лоб маленькие мутные слёзы* (М. Горький); *Яд каплет сквозь его кору* (А. Пушкин).

От глаголов *брызгать, двигать, капать, махать* употребляются формы повелительного наклонения *брызгай, двигай, капай, маши* и деепричастия *брызгая, двигая, капая, махая*.

Встречаются также параллельные формы инфинитива: *видеть — видать, слышать — слышать, свистеть — свистать, лазить — лазать, мерить — мерять* (вторые в каждой паре носят разговорный характер и употребляются, как правило, только в инфинитиве и в форме прошедшего времени: *видал, слышал*).

Будем оспаривать или оспаривать выводы комиссии?

Какая буква, по-вашему, должна быть употреблена в глаголе (*о* или *а*?), если «в конце урока преподаватель обычно *подыт...живает* всё сказанное?» Право выбора остаётся за вами, но учтите, что одна из форм в паре *подытоживает — подытаживает* книжная, другая — разговорная.

Попробуем разобраться в особенностях употребления глаголов несовершенного вида с суффиксами *-ыва-/-ива-*.

Различаются следующие группы глаголов такого типа:

1) глаголы совершенного вида с безударным корневым *о*, которым соответствуют глаголы несовершенного вида с ударяемым корневым *а*: *приколоть — прикалывать, разбросать — разбрасывать*;

2) глаголы совершенного вида с ударяемым корневым *о*, которым соответствуют глаголы с ударяемым корневым *а*: *застроить — застраивать, затронуть — затрагивать, усвоить — усваивать*;

3) соответственные глаголы совершенного и несовершенного вида с ударяемым корневым *о*: *обеспокоить — беспокоивать, приурочить — приурочивать, узаконить — узаконивать*;

4) глаголы несовершенного вида, имеющие две формы, — книжную (с корневым *о*) и разговорную (с корневым *а*): *заподозривать — заподозривать, обуславливать — обуславливать, подытоживать — подытоживать, сосредоточивать — сосредотачивать, уполномочивать — уполномочивать*.

Глаголы на *-ыва-/-ива-* с корневым *а*, получившие широкое распространение в русском литературном языке в XIX–XX вв., в наши дни встречаются в речи всё чаще.

Решите, как лучше сказать:

оспоривать или *оспаривать* чужое мнение, *удостоиваться* или *удостаиваться* награды, *условливаться* или *уславливаться* о встрече.

Свои ответы проверьте по словарю.

Глох, слеп или глохнул, слепнул ?

Какая из двух форм прошедшего времени глагола *чахнуть* правильна: *чах* или *чахнул* ? Не ломайте себе голову над решением этого вопроса: обе формы правильны, но различаются степенью употребительности: в современном русском литературном языке глаголы *виснуть*, *вязнуть*, *вянуть*, *гаснуть*, *глохнуть*, *зябнуть*, *липнуть*, *мокнуть*, *слепнуть*, *сохнуть*, *хрипнуть*, *чахнуть* и т.п. образуют форму прошедшего времени обычно без суффикса *-ну-* («побеждает» более короткая форма), поэтому *вис*, *вяз*, *вял*, *гас*, *глох*, *зяб*, *лип*, *мок*, *слеп*, *сох*, *хрип*, *чах* .

Однако в действительных причастиях прошедшего времени от тех же глаголов суффикс *-ну-* часто сохраняется: *глохнувший*, *лигнувший*, *мокнувший*, *слепнувший* и т.д.

Простерев руки и замерши на месте...

А можно ли так сказать: «*Простерши* руки и *замерев* на месте...»? Можно, так как некоторые глаголы образуют двойные формы деепричастия: *замерев* — *замерши*, *заперев* — *заперши*, *затерев* — *затёрши*, *простерев* — *простёрши* . Различие между этими формами выражается в том, что форма на *-ши* имеет или разговорный, или устарелый характер.

Современные и устарелые формы находим также в следующих случаях: *приведя* — *приведши*, *привезя* — *привёзши*, *принеся* — *принёсши* . (На первом месте указаны современные формы.)

Всегда ли «простое предложение» — простое?

Порядок в словах

Существенное значение для правильного построения предложения имеет порядок слов в нём. Л.Н. Толстой говорил, что правильно построенное предложение — это «единственно нужное размещение единственно нужных слов».

В русском языке порядок слов в предложении (точнее, порядок членов предложения) относительно свободный. Это значит, что не существует строго закреплённого места в предложении за тем или иным его членом. Поэтому, например, предложение *Я завтра утром пойду гулять* , состоящее из пяти знаменательных слов, допускает 120 вариантов в зависимости от перестановки этих пяти слов (можете сами в этом убедиться, если у вас хватит терпения перестраивать это предложение). Однако всякая перестановка слов в предложении связана с большим или меньшим изменением смысла или стилистических оттенков, присущих высказыванию.

В этом легко убедиться, если в приведённом выше примере поставить подлежащее *я* на последнее место: *Завтра утром пойду гулять я* .

А теперь попробуем переставить частицу *даже* (не член предложения!) в разные места фразы:

а) *Даже эта работа трудна для него* (имеется в виду нетрудная работа, но слабый исполнитель);

б) *Эта работа даже трудна для него* (подчёркивается неожиданность трудности);

в) *Эта работа трудна даже для него* (речь идёт о сильном исполнителе).

Легко воспринимается и обычно не содержит никаких добавочных смысловых или экспрессивных оттенков предложение, в котором его члены стоят на своих местах. Это так называемый прямой порядок слов. Рассмотрим предложение *Новый ученик быстро усвоил правила грамматики* :

— подлежащее предшествует сказуемому: *ученик усвоил* ;

— согласованное определение стоит перед определяемым словом: *новый ученик* ;

— несогласованное определение стоит после определяемого слова: *правила грамматики* ;

— дополнение стоит после управляющего слова — сказуемого: *усвоил правила* ;

— обстоятельство образа действия стоит перед глаголом-сказуемым: *быстро усвоил* .

Однако использование предложений только с прямым порядком слов делает текст монотонным и неэмоциональным. Поэтому для смыслового или стилистического выделения отдельных членов предложения прямой порядок слов часто сознательно нарушают, заменяют так называемым **обратным порядком** (его ещё называют **инверсией**). Переставлять можно любые члены предложения. Например:

А хорошая сторона — Сибирь! (М. Горький) — подлежащее стоит после сказуемого.

Руку мне подал на прощание (А.П. Чехов) — дополнение стоит перед глаголом-сказуемым.

Он смотрел вокруг себя с волнением неописанным (А. Пушкин) — согласованное определение стоит после определяемого слова.

Судьбы свершился приговор (М. Лермонтов) — несогласованное определение предшествует определяемому существительному.

Да, мы дружны были очень (Л. Толстой) — обстоятельство меры и степени стоит после сказуемого.

Следует добавить, что использование обратного порядка слов должно быть стилистически оправдано: неуместная инверсия, неудачная расстановка слов в предложении порождают стилистические ошибки, приводят к искажению смысла фразы или к двусмысленности.

Бабушка восьми лет...

Прочитав предложение «Бабушка *восьми лет* отвезла внука на Кавказ», никто, конечно, не подумает, что бабушке было восемь лет, но ситуация выглядит комичной из-за неудачного порядка слов в предложении: несогласованное определение *восьми лет* оторвано от определяемого существительного *внука* . Подобное нарушение нормального порядка слов встречается в речи довольно часто (особенно в разговорной речи, инструкциях и т.д.). Давайте посмеёмся и поучимся на чужих ошибках.

«Протопопица Марковна стучала в пол рогами ухвата с потным лицом, красным и злым» (А. Чапыгин). Мы понимаем, что не ухват был «с потным лицом», но отрыв последних слов от определяемого сочетания нежелателен.

«Группа студентов пришла слушать факультативный курс лекций по сварке доцента Юрьева» (вам не жаль бедного доцента?).

«Столяр сделал эту этажерку из дуба с четырьмя ножками» (предложение необходимо исправить, но как?).

«Обязать продовольственную базу снабжать продуктами питания лиц, выезжающих на тушение пожара, согласно утверждённым нормам» (интересно было бы знать нормы, утверждённые для пожаров).

«Хорошо сдала экзамены вторая группа четвёртого курса биофака, где старостой Н. Петрова, которая в этом году по приказу ректора значительно увеличилась в своём объёме по сравнению с прошлым годом» (пошло ли это на пользу Н. Петровой?).

«Перед включением должны быть сняты все плакаты с надписью „Не включать — работают люди“, повешенные перед началом работ» (пунктуационное оформление этого текста правильное, но серьёзный тон технической инструкции явно пострадал).

«После ссоры друзей произошёл быстрый отъезд с именин Онегина» (всё-таки это были именины Татьяны, а не Онегина).

Нередко возникает двусмысленность при таком порядке слов в предложении, когда какой-либо его член может быть отнесён как к предшествующим, так и к последующим словам. Например:

«Вам нельзя рассказывать об этом» (вы не должны рассказывать об этом, или кто-то другой не должен рассказывать вам?);

«Мы знаем её лучше тебя» (знаем лучше, чем ты, или лучше, чем тебя?);

«Приказали им доставить книги» (они получили приказ или в результате приказа им доставят книги?).

В устной речи понимание смысла предложений достигается при помощи интонации: перед соответствующим словом или после него делается пауза. Сравните: *Приказали им // доставить книги;* *Приказали //им доставить книги* .

В предложениях типа *Мать любит дочь* подлежащим, как правило, является первое существительное (форма именительного падежа), а прямым дополнением — второе существительное (форма винительного падежа). Однако в некоторых случаях понять смысл

подобных предложений бывает трудно. Так, предложение «Что порождает снижение дисциплины в классе?» допускает двойное толкование: «Какая причина порождает снижение дисциплины?» и «Каковы последствия снижения дисциплины?»

В других случаях перестановка подлежащего и прямого дополнения хотя и не создаёт двусмысленности, но затрудняет правильное понимание смысла предложения (он раскрывается по логике вещей): «Солнце закрыло облако»; «Велосипед разбил грузовик»; «Глаза его прикрывали тёмные очки».

Не всегда могут свободно располагаться в предложении и такие слова, которые не являются членами предложения (вводные конструкции, служебные слова). Не следует ставить вводное слово между предлогом и тем словом, которым предлог управляет: «Он попал в, казалось бы, хорошие условия» (вместо *...попал, казалось бы, в хорошие условия* или *...попал в хорошие, казалось бы, условия*). Нежелательно ставить рядом два предлога: «Страшно было смотреть на со всех сторон надвигавшиеся тучи» (вместо *...на тучи, надвигавшиеся со всех сторон*).

Ленский, он был поэтом

Ничем не оправданы предложения, в которых в роли одного и того же подлежащего выступает сначала существительное, а затем заменяющее его личное местоимение. В таких предложениях, как «Манилов, он был представителем провинциального дворянства»; «Чиновники в комедии „Ревизор“, они типичны для бюрократической среды тогдашней России», допущена стилистическая ошибка — избыточное повторение подлежащего.

Однако подобное построение предложения (с дублированием подлежащего) может быть использовано как особый стилистический приём: сначала называется лицо или предмет, чтобы привлечь к нему внимание, а последующий текст содержит информацию об этом лице или предмете. Такое построение высказывания часто встречается в торжественном стиле, в ораторской речи, в поэтическом языке, например: *Твой милый образ, незабвенный, он предомной везде, всегда...* (Ф. Тютчев); *Весь облик Грузии любимой, он стал другим в сознании жить* (Н. Тихонов); *Слёзы унижения, они были едки* (К. Федин).

Фразы с «продублированным» подлежащим нередки и в разговорной речи, и в просторечии, в частности, писатели используют их для речевой характеристики персонажей: *Дьявол — он самый хвостун* (Л. Толстой); *А отец — он Якова больше любит* (М. Горький); *Девочки — они аккуратно носят вещи* (А. Коптяева).

Повторение подлежащего в устной речи можно объяснить тем, что говорящий, вставляя местоимение, хочет выиграть время и, делая перед местоимением паузу, пусть даже очень небольшую, подбирает в это мгновение слова для продолжения речи.

«Её сестра звалась Татьяна...» — «Итак, она звалась Татьяной»

В соседних строфах из пушкинского «Евгения Онегина» в составном сказуемом при глаголе *звалась* именная часть употреблена то в форме именительного падежа: *Её сестра звалась Татьяна*, то в форме творительного падежа: *Итак, она звалась Татьяной*. Обе конструкции равноправны: *Его звали... Григорием Александровичем Печориным* (М. Лермонтов); *Звали её Фаня* (А. Гайдар).

Обе падежные формы именной части составного сказуемого встречаются также при глаголе-связке *быть*, например: *И в семье его Савельич был свой человек* (П. Мельников-Печерский); *У Ивашкиных он был своим человеком* (А. Чехов). При этом часто форма именительного падежа именной части составного сказуемого обозначает устойчивый признак подлежащего, постоянно присущую ему качественную характеристику, а форма творительного падежа обычно указывает на временный признак.

Например, мы скажем: *Печорин был офицер* (таким мы его видим на протяжении всего романа «Герой нашего времени»); о человеке же, который раньше служил в армии, а потом демобилизовался, мы говорим: *Он был офицером*. Сравните у А.С. Пушкина: *Германн был сын обрусевшего немца* (постоянный признак); *Бопре в отечестве своём был парикмахером, потом в Пруссии солдатом* (временный признак).

Впрочем, начиная с конца XIX в. употребление именной части составного сказуемого в форме именительного падежа идёт на убыль, и в наши дни обычны конструкции с формой творительного падежа: *Он всегда был моим другом* (хотя речь идёт, очевидно, об устойчивом признаке).

Как согласовать между собой члены предложения?

Большинство учеников хорошо сдал... экзамены

В предложении, приведённом в заголовке, сказуемое «ждёт», чтобы вы нашли его окончание. Наверное, одни присоединят к глаголу окончание единственного числа *-о* (*сдало*), другие — окончание множественного числа *-и* (*сдали*). Обе глагольные формы имеют право на существование.

Форма единственного числа отвечает грамматической норме (*большинство сдало*). Форма множественного числа связана с так называемым **согласованием по смыслу**, при котором сказуемое ставится во множественном числе в тех случаях, когда действие приписывается собирательному лицу, т.е. имеется в виду не один производитель действия, а несколько (в составе подлежащего находятся слова *большинство, меньшинство, ряд, часть* и т.п.). Здесь возможны три случая:

1) сказуемое ставится в форме единственного числа, если при собирательном существительном нет управляемых слов: *Большинство поддержало старосту класса*;

2) сказуемое ставится в форме единственного числа, если при собирательном существительном есть зависимое слово в форме родительного падежа единственного числа: *Большинство населения города не пострадало от наводнения*;

3) сказуемое ставится в форме как единственного, так и множественного числа, если при собирательном существительном есть управляемое слово в форме родительного падежа множественного числа: *Большинство учеников вполне справилось/справились с трудным заданием*.

В последнее время согласование по смыслу, т.е. постановка сказуемого в форме множественного числа, всё чаще встречается не только в разговорной речи (что объясняется желанием говорящего подчеркнуть смысловую сторону высказывания): *Часть книг лежали на полу*, но и в книжных стилях: *Большинство этих слов теперь вошли в систему литературного языка*; *Большинство игроков сборной Аргентины уже раньше выступали в Москве*; *Целый ряд сцен в пьесе правдивы и интересны*.

Это, однако, не означает, что **грамматическое согласование** (постановка сказуемого в форме единственного числа) теперь уже «не в моде»: опираясь на грамматику, вы стоите на твёрдой почве языковых правил. Но речь идёт о предпочтительности (или о частотности) употребления одной из двух допустимых форм, о стилистической целесообразности её использования. Обычно само предложение «диктует» выбор формы согласования сказуемого с подлежащим.

Так, форма множественного числа сказуемого предпочтительна, если главные члены предложения отделены один от другого второстепенными членами, придаточным предложением и т.д.: *Ряд педагогов после детального ознакомления с новыми учебниками дали им положительную оценку*; *Большинство лиц, которые давно уже знали молодого человека, хорошо отзывались о нём*.

Кроме того, если подлежащее обозначает одушевлённый предмет, а сказуемое — активное его действие, сказуемое чаще имеет форму множественного числа: *Большинство учеников класса приняли участие в туристическом походе*. Наоборот, при подлежащем, обозначающем неодушевлённый предмет, и сказуемом, выражающем его пассивное состояние, сохраняется грамматическое согласование (сказуемое в форме единственного числа): *Большинство этих книг издано недавно*.

Если подлежащее выражено собирательным существительным без количественного значения (*крестьянство, студенчество, молодёжь* и т.п.), обязательным является строго грамматическое согласование со сказуемым: *Молодёжь охотно слушала современную музыку*.

При грамматическом согласовании необходимо помнить о согласовании в роде: *Ряд столов стоял посередине класса*; *Часть столов была сдвинута к окну*.

Аналогично решается вопрос о согласовании сказуемого с подлежащим, в составе которого имеются слова, обозначающие количество (числительные, слово *несколько* и др.), т.е. сказуемое может стоять как в форме единственного, так и в форме множественного числа: *Шесть школ построено за этот год в нашем городе.* — *Шесть выпускников нашей школы получили медали* ; *Несколько тетрадей лежало на столе.* — *Несколько человек вошли в комнату* .

У писателей: *Заговорили сначала несколько человек туманно и нетвёрдо* (А. Фадеев) — активное действие лиц; *Несколько человек умерло от ран* (С. Сергеев-Ценский) — пассивное состояние субъекта.

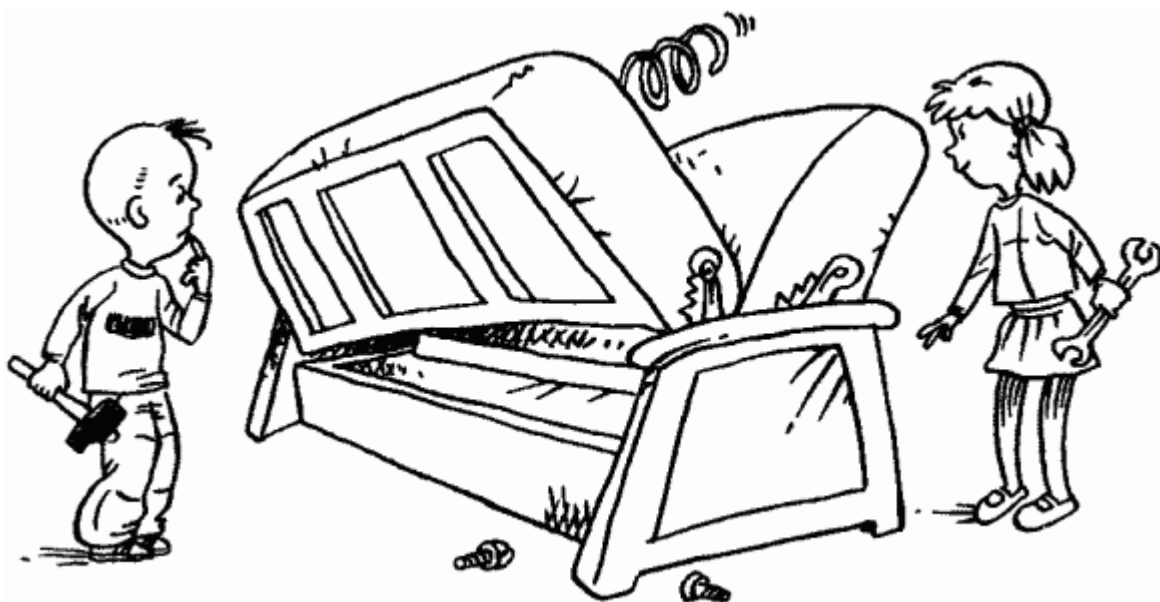
Форма единственного числа сказуемого может указывать на совместность действия: *Пять солдат отправилось в разведку* (группой), а форма множественного числа — на раздельное его совершение: *Пять солдат отправились в разведку* (каждый со своим заданием).

Если в состав подлежащего входят слова *много, мало, немного, немало, сколько, столько* , то сказуемое чаще ставится в форме единственного числа: *Уже много карет проехало по этой дороге* (М. Лермонтов); *Сколько ещё сказок и воспоминаний осталось в её памяти?* (М. Горький). Однако и в этом случае возможно согласование по смыслу: *Много огней и раньше и позже манили не одного меня своей близостью* (В. Короленко); *Много глаз смотрели в широкое, приплюснутое лицо длинной линии солдат* (М. Горький).

В заключение хочу предложить вам небольшое задание: выберите правильную форму сказуемого и объясните свой выбор. 1. У них (*было — были*) два сына. 2. (*Установлено — установлены*) три новых рекорда по тяжёлой атлетике. 3. Двадцать один ученик нашего класса (*сдал — сдали*) все экзамены на «хорошо» и «отлично». 4. В ту зиму много детей (*больны были — больно было*) гриппом.

Диван-кровать сломался или сломалась ?

Как вы уже, наверное, поняли из заголовка, речь пойдёт о согласовании сказуемого с подлежащим, выраженным особым сложным существительным (такие существительные часто являются терминами), части которого принадлежат к разному грамматическому роду. По правилу сказуемое согласуется с той частью сложного наименования, которая выражает более широкое или более конкретное понятие. Поэтому в нашем заголовке *диван-кровать сломался* , так как имеется в виду один из видов дивана, а вторая часть сложного существительного является уточняющей.

Думать о согласовании сказуемого с подлежащим, выраженным сложносоставным словом, приходится довольно часто: *Кресло-кровать стояло в углу; Плащ-палатка лежала в свёрнутом виде* (палатка в виде плаща, а не плащ в виде палатки: таково назначение этого предмета); *Завод-лаборатория выполнил срочный заказ; Театр-студия воспитал немало талантливых актёров; Внимание экскурсантов привлекала таблица-плакат; Автомобиль-игрушка понравился детям; Песня-романс стала весьма популярной; Витрина-стенд помещена в коридоре; Книга-справочник переиздана с дополнениями; Машина-канавокопатель проложила широкую борозду; Самолёт-амфибия пошёл на посадку; Платье-халат висело на вешалке; Открыта выставка-аукцион картин молодых художников; Библиотека-музей приобрела рукописи писателя; Музей-квартира пополнился новыми экспонатами; Полка-прилавок завалена книгами; Клуб-читальня открыт ежедневно; Рассказ-сценка очень оригинален; Урок-лекция продолжался два часа; Торт-мороженое разрезан на равные части; Часы-браслет куплены для подарка .*

Обычно в таких сложносоставных сочетаниях на первом месте стоит ведущее слово, с которым и согласуется сказуемое. Если же на первом месте стоит не ведущее слово, то опознать его можно по такому признаку: как правило, оно не изменяется при склонении всего сочетания. Например, *укрыться плащ-палаткой* (а не «плащом-палаткой»), значит, ведущее слово — *палатка* .

Так, в сочетании «*Роман-газета* » первая часть не склоняется (*напечатано в «Роман-газете»*), следовательно, ведущее слово — *газета* , с которым и согласуется сказуемое: «*Роман-газета*» вышла большим тиражом .

Жена с мужем пошл... в театр

Если бы мы в предложении *Жена с мужем пошла в театр* поменяли местами первые два существительных, то вопрос о согласовании сказуемого с подлежащим решался бы иначе: *Муж с женой пошли в театр* (форма множественного числа глагола-сказуемого указывает на синтаксическое равноправие существительных, входящих в состав подлежащего *муж с женой*).

В предложении *Мать с ребёнком пошла в поликлинику* форма единственного числа глагола-сказуемого *пошла* указывает на синтаксическое неравноправие существительных в сочетании *мать с ребёнком* , что отражает реальное положение вещей, поскольку производителем действия мыслится только мать.

В предложении *Жена с мужем пошла в театр* с точки зрения логики форма множественного числа глагола-сказуемого так же приемлема, как и в предложении *Муж с женой пошли в театр* , и всё же предпочтительней форма единственного числа. Это отнюдь не говорит о зависимом положении мужа в семье. В этом случае учитывается необычная для подобных сочетаний постановка существительного женского рода на первом месте: как правило, на первое место ставится существительное мужского рода: *брат с сестрой, отец с матерью, дед с бабкой* и т.п. Объясняется это тем, что в грамматическом отношении мужской род сильнее, например: *Мальчик и девочка шли по улице. Оба они...* (не «обе они»!).

Кто из сестёр вам об этом сказа...?

Первым вашим побуждением, возможно, будет: «...сказала» (ведь речь идёт о лице женского пола). И всё же это не так. Запомните: глагол-сказуемое при подлежащем, в состав которого входит вопросительное местоимение *кто* , ставится в форме единственного числа, а в прошедшем времени — в мужском роде, даже если речь идёт о нескольких лицах или о лице женского пола: *Кто из женщин сегодня председательствует на собрании?; Кто из*

учениц записался в литературный кружок?

Если же мы всё-таки говорим *Кто из лыжниц пришла первой?* , то это объясняется особыми условиями контекста: неудобно сказать ни «пришёл первым» (о лыжнице), ни «пришёл первой» (разрыв в форме грамматического рода между глаголом-связкой и именной частью составного сказуемого).

В соответствии с общим правилом мы говорим также: *Никто из учениц не мог лучше ответить* , потому что в состав подлежащего входит отрицательное местоимение. Правда, в разговорной речи можно услышать: *Никто из девушек, даже Зоя, не нашлась что сказать* . Здесь даёт себя знать наличие присоединительно-уточнительной конструкции *даже Зоя* , включающей слово женского рода.

То же касается и сочетаний с неопределённым местоимением. По правилу мы говорим: *Кто-то (кое-кто) из учениц отсутствовал на последнем уроке* . Однако при наличии пояснительной конструкции с ведущим словом женского рода скажем: *Некто в чёрном, по-видимому иностранка, вошла в ложу театра* .

При сочетании *не кто иной, как* на согласование сказуемого в числе и роде может оказать влияние порядок слов. Сравните согласование по правилам в литературной речи: *Это сделал не кто иной, как дети* ; *Это сделал не кто иной, как Оля* и согласование по смыслу в разговорной речи: *Не кто иной, как дети, сделали это*; *Не кто иной, как Оля, сделала это* .

В комнату вошл... женщина и мальчик

Итак, женщина и мальчик в комнату *вошла* , а может, *вошли* ? Какую бы числовую форму глагола-сказуемого вы ни выбрали, вы не ошибётесь: при однородных подлежащих сказуемое может ставиться как в форме множественного, так и в форме единственного числа.

Правда, можно говорить о предпочтительных вариантах согласования:

1) при прямом порядке слов (сказуемое стоит после однородных подлежащих, соединённых союзом *и*) обычно употребляется форма множественного числа глагола-сказуемого: *Жара и засуха стояли более трёх недель* (Л. Толстой);

2) при обратном порядке слов (сказуемое предшествует однородным подлежащим) обычно употребляется форма единственного числа глагола-сказуемого: *По земле, истомлённой в зное, разливалась свежесть, прохлада и неизъяснимая лёгкость* (В. Солоухин).

Чем же объяснить возможность выбора формы глагола-сказуемого? Тем, что приведённые положения не носят характера категорического предписания, строгой обязательности. Поэтому мы нередко встречаем при прямом порядке слов постановку сказуемого в форме единственного числа: *В лесу ночной порой и дикий зверь, и лютый человек, и леший бродит* (А. Пушкин); *Неточность и запутанность выражений свидетельствует только о запутанности мыслей* (Н. Чернышевский).

Часто подобное согласование наблюдается при так называемой **градации** (расположении слов с нарастанием их значения). В этом случае однородным подлежащим обычно предшествуют повторяющиеся слова *каждый, всякий, весь, никакой, ни один* : *Всё разнообразие, вся прелесть, вся красота жизни слагается из света и тени* (Л. Толстой); *Каждая встреча, каждая беседа вносила всё большее отчуждение и глухую неприязнь в их отношения* (Н. Островский).

В то же время не так уж редки случаи постановки сказуемого в форме множественного числа при обратном порядке слов: *В постель её уложили ревность и слёзы* (А. Чехов); *За телегой шли старуха, опираясь на вилы, и молодая женщина* (А.Н. Толстой).

Играет роль и лексическое значение глагола-сказуемого. Если глагол обозначает активное действие, то обычно в интересующем нас случае сказуемое ставится в форме множественного числа: *А вечером ко мне нагрянули и Черемницкий, и новый городничий Порохонцев* (Н. Лесков). Если же сказуемое выражено глаголом со значением бытия, состояния, то, скорее всего, сказуемое при однородных подлежащих мы поставим в форме единственного числа: *Кроме неё, в комнате находился её муж да ещё некто Увар Иванович Стахов* (И. Тургенев).

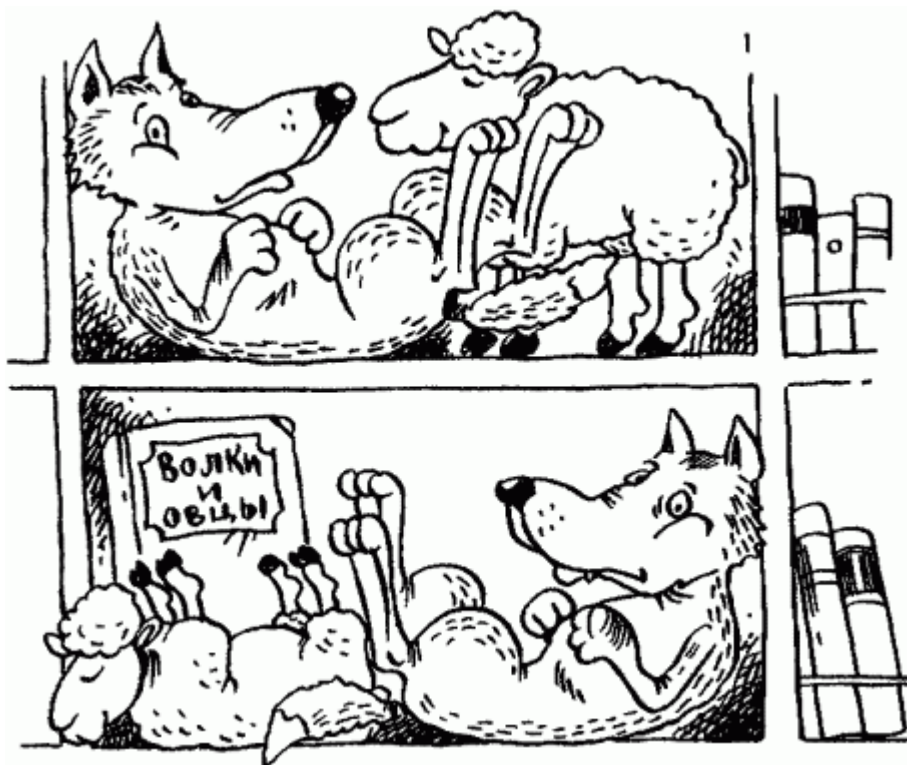
«Война и мир» написана Л. Н. Толстым

Согласование сказуемого с подлежащим — названием литературного произведения имеет свои особенности.

Мы говорим: *«Накануне» написано И.С. Тургеневым* (наречие *накануне* переходит в существительное среднего рода); *«Без вины виноватые» возобновлены в репертуаре театра* (согласуем с ведущим словом в названии); *«Живые и мёртвые» К. Симонова экранизированы* (согласуем так, как это делается при однородных подлежащих).

Но в заголовке *«Война и мир» написана Л.Н. Толстым* мы согласовали сказуемое не с «однородными подлежащими», составляющими название, а с первым «подлежащим», хотя второе относится к иному грамматическому роду. Можем ли мы, следуя этому образцу, сказать: *«„Руслан и Людмила“ написан Пушкиным»; «„Ромео и Джульетта“ написан Шекспиром»?* Вопрос нелёгкий: ни один из теоретически возможных вариантов (мужской род, женский род, множественное число) неприемлем.

В подобных случаях следует добавлять родовое наименование (*поэма, драма, пьеса, опера* и т.д.) и согласовывать сказуемое с ним. Этим мы избавим себя от затруднений и курьёзов типа *«„Волки и овцы“ распроданы»; «„Двенадцать апостолов“ [фрегат] стояли на рейде».*

Добавление родового наименования рекомендуется и для таких названий, как «*Не в свои сани не садись*», состоящих из группы слов, в которой не выделяется ведущее слово, пригодное для согласования с ним сказуемого. Поэтому лучше сказать так: *Пьеса «Не в свои сани не садись» идёт в Москве в Малом театре*.

Иногда нерасчленимая группа слов, образующих название, воспринимается как единое целое в значении существительного, и тогда сказуемое ставится в форме единственного числа среднего рода: «*Не брани меня, родная*» исполнялось вторично.

Две большие комнаты и два больших окна

Возможно, вы не раз слышали и читали про *две больших комнаты* и *два большие окна*. В самом деле, какую падежную форму прилагательного-определения выбрать: *две большие комнаты* (определение стоит в форме именительного падежа) и *две больших комнаты* (определение стоит в форме родительного падежа). Наблюдения показывают, что в наше время более употребительна форма именительного падежа. Говорящие и пишущие исходят из такого положения:

- *два (три, четыре) больших дома* (при существительных мужского рода);
- *два (три, четыре) больших окна* (при существительных среднего рода);
- *две (три, четыре) большие комнаты* (при существительных женского рода).

Однако если у существительного женского рода в форме родительного падежа единственного числа ударение падает на окончание (*гора — горы́, сестра — сестры́*), а в форме именительного падежа множественного числа — на основу (*горы, сёстры*), то определение в рассматриваемой конструкции обычно ставится в форме родительного падежа множественного числа: *три высоких горы, две младших сестры*.

В приведённых примерах определение стоит между числительным и существительным. Если же определение предшествует числительному, то оно ставится в форме именительного падежа независимо от грамматического рода существительного: *последние два месяца, первые две недели, верхние два окна*. В отдельных случаях прилагательные *добрый, полный, целый*, предшествующие числительному, ставятся в форме родительного падежа: *целых два*

стакана, целых две тарелки, целых два ведра, полных три месяца, добрых трое суток .

Наконец, определение может стоять после сочетания числительного и существительного (как правило оно распространённое и обособляется). В этом случае определение ставится в форме именительного падежа: *Направо от двери были два окна, завешенные платками* (Л. Толстой); *Последние два письма, писанные карандашом, меня испугали* (А. Чехов).

Владеет немецким и французским языком...

Какую числовую форму имеет существительное, при котором имеются два определения, перечисляющие разные предметы? Как сказать: *владеет немецким и французским языком* или *языками* ? *В правой и левой руке* или *руках* ? Для подобных случаев в целом нет единого решения. В выборе формы существительного могут помочь следующие указания:

1) единственное число подчёркивает внутреннюю связь определяемых предметов, их смысловую или терминологическую близость: *головной и спинной мозг, брюшной и сыпной тиф, в правой и левой руке, глаголы несовершенного и совершенного вида, существительные мужского и женского рода, оперное и балетное искусство, учащиеся среднего и старшего школьного возраста* и т.п.

2) единственное число обычно употребляется, если определения выражены порядковыми числительными или местоименными прилагательными: *местоимения 1-го и 2-го лица, рабочие первой и второй смены, между пятым и шестым ребром, у моего и твоего отца, в том и другом случае, у этой и той команды* и т.п.;

3) множественное число подчёркивает наличие нескольких предметов: *биологический и химический методы, болгарская и польская команды, золотая и серебряная медали, соляная и серная кислоты, токарный и фрезерный станки, овечья и телячья шкуры, академическое и массовое издания книги, Орловская и Курская области* и т.п.

Выберите числовую форму для заключённого в скобки слова:

- 1) Глаголы действительного и страдательного (залог).
- 2) В правой и левой (рука).
- 3) В западной и восточной (часть) страны.
- 4) Оперное и балетное (искусство).
- 5) Местоимения первого, второго и третьего (лицо).
- 6) Марганцевая и хромовая (руда).
- 7) Война Алой и Белой (роза).
- 8) Разрыв между первым и последним (гонщик).

Проверь себя:

1. Залогом. 2. Руке. 3. Частях. 4. Искусство. 5. Лица. 6. Руда. 7. Розы. 8. Гонщиками.

Я давно не видал моих брата и сестру

По поводу приведённого в заголовке предложения один очень известный и серьёзный языковед сказал: «Это не по-русски и режет слух» (т.е. имелось в виду, что правильный вариант — *...моего брата и сестру*). Речь идёт, таким образом, о выборе числовой формы определения, относящегося к двум или нескольким существительным — однородным членам предложения.

Вопрос решается так: если ясно, что определение относится не только к ближайшему существительному, но и к последующему, то оно ставится в форме единственного числа: *Дикий гусь и утка прилетели первыми* (И. Тургенев) — речь не могла идти о диком гусе и домашней утке. Поэтому обычны такие сочетания: *летний жар и зной, морской прилив и*

отлив, уличный шум и грохот, школьная успеваемость и дисциплина, наше радио и телевидение, современная техника и наука, написать свой адрес, фамилию, имя, отчество и т.д.

Однако в тех случаях, когда может возникнуть неясность относительно того, связано ли определение только с ближайшим существительным или со всем рядом однородных членов предложения, это определение ставится в форме множественного числа: *способные ученик и ученица, мелко нарезанные зелень и мясо, коричневые шкаф и комод, талантливо исполненные пьеса для виолончели и концерт для скрипки с оркестром* и т.п.

В деловой речи, где важна ясность и точность, определение обычно ставится в форме множественного числа: *Построить каменные дом и гараж* : (форма единственного числа давала бы повод думать, что дом будет каменный, а гараж, возможно, деревянный).

В пустыне Сахара или в пустыне Сахаре ?

Сомнения в грамматическом построении предложений с географическими названиями возникают постоянно. В одних случаях собственные имена, выступающие в роли приложений, согласуются в косвенных падежах с определяемым словом — родовым географическим названием (нарицательным именем типа *город, река, озеро, остров, полуостров, пустыня*), а в других — не согласуются. В результате недостаточно чёткого разграничения подобных согласуемых и несогласуемых приложений наблюдаются колебания в выборе соответствующих форм и нередко один и тот же или аналогичный случай находит в практике речи различное выражение. Поэтому в речи и в тексте встречаем: *в городе Кемерове — в городе Иваново, на берегах реки Днепра — на полноводной реке Нил, на острове Сицилии — на острове Сицилия, на полуострове Ямале — у побережья полуострова Камчатка, на озере Байкал — у озера Медянки, в Республике Италии — в Республике Сингапур, в порт Александрию — в порту Находка* и т.п. Обобщение относящегося сюда материала позволяет дать некоторые практические рекомендации.

1. Названия **городов**, как правило, согласуются в падеже с определяемыми словами: *в городе Москве, под городом Смоленском, недалеко от города Иваново.*

Но названия городов часто не согласуются с определяемым словом:

1) если употреблены в специальной литературе, в официальных сообщениях и документах (во избежание неясности): *Французская республика со столицей — городом Париж; юбилей города Чебоксары* ;

2) если это составные названия: *в городе Камень-на-Оби, у города Минеральные Воды* ;

3) если это малоизвестные, редко встречающиеся названия: *в городе Ниши* (ср.: «в городе Нише» — при таком согласовании слов начальная форма названия может быть воспринята и как *Ниши* , и как *Ниша*);

4) названия на *-о* среднего рода, чтобы их можно было отличать от сходных названий мужского рода; ср.: *в городе Иваново* (областной центр *Иваново*) — *в городе Иваново* (районный центр *Иванов*).

2. Названия **рек**, как правило, тоже согласуются в падеже с определяемыми словами: *на реке Днепре, между реками Обью и Енисеем, за рекой Москвой* (поэтому: *за Москвой-рекой* , хотя в разговорной речи часто встречается *за Москва-рекой*).

Согласование может отсутствовать в тех же случаях, что и при названиях городов: *у реки Северский Донец, на несудоходной реке Ловать* .

3. Часто согласуются названия **сёл, деревень** и **посёлков**: *родился в селе Бехове, в деревню Дюевку* .

Но если род или число названий сёл, деревень и посёлков не совпадает с родом или числом слов *село, деревня* , то обычно эти названия с определяемым словом не согласуются: *в селе Погребец, у деревни Берестечко, в посёлке Березники, в селе Малые Мытищи* .

Если вы запомните эти случаи согласования географических названий, особенно случаи

согласования названий городов и рек, тогда в остальных случаях (а их десятки: названия озёр, гор, горных хребтов, заливов, проливов, островов, полуостровов, мысов, бухт и т.д.) вы будете решать вопрос о согласовании методом исключения. Рассуждать следует примерно так: если данное собственное имя не является названием города или реки, а также, хотя и реже, названием села, деревни (или посёлка), то оно не согласуется с родовым обозначением: *на озере Байкал, у горы Казбек, над хребтом Пирин, в заливе Аляска, у пролива Босфор, на острове Кипр, на полуострове Таймыр, у мыса Сердце-Камень, в бухте Золотой Рог, в пустыне Сахара, у оазиса Шарабат, над вулканом Этна* .

4. Географические названия, имеющие форму полного прилагательного, согласуются с родовым наименованием: *на Ладожском озере, в Ботническом заливе, у горы Магнитной* .

5. Названия **станций** и **портов** не согласуются с определяемым словом: *на станции Орёл, в порту Одесса, к станции Луга, от станции Боярка, между портами Ялта и Новороссийск, в портах Суэта и Танжер, из польского порта Гдыня* .

6. Названия **зарубежных административно-территориальных единиц** не согласуются с родовым словом: *в штате Техас, в провинции Лигурия, в княжестве Лихтенштейн, в департаменте Верхние Альпы, в графстве Суссекс* .

7. Названия **зарубежных государств (республик)** обычно согласуются с родовым наименованием, если имеют форму женского рода (т.е. совпадают с родом слова республика): *в Республике Боливии, правительство Республики Колумбии* и не согласуются, если имеют форму мужского рода: *в Республике Кипр, границы Республики Эквадор* . Впрочем, есть исключения: *в Республике Куба, на территории Республики Ангола* и др. (Это касается названий на *-а*).

8. Названия **улиц** обычно согласуются или не согласуются с определяемым словом в зависимости от своего грамматического рода: *на улице Петровке, на углу улицы Сретенки* (женский род), *но на улице Арбат, на улице Земляной Вал, на улице Перово Поле, по улице Верхние Поля* (мужской и средний род, множественное число).

9. **Астрономические названия** не согласуются с родовым словом: *орбита планеты Марс, посадка на планету Венера* .

Что означает связь управления?

В кухне и на кухне

Обычный домашний диалог:

— Ты будешь обедать на кухне?

— Да, в кухне.

Чем объяснить, что в вопросе и ответе использованы разные предлоги в одном и том же пространственном значении? Казалось бы, их различить достаточно просто: предлог *в* обозначает направление внутрь чего-либо (с винительным падежом) или нахождение внутри чего-либо (с предложным падежом), а предлог *на* — соответственно направление на поверхность (с винительным падежом) или нахождение на поверхности чего-либо (с предложным падежом). И вполне чётко различаются сочетания: *в столе — на столе — из стола — со стола* (предлоги *из — с* являются антонимами предлогов *в — на*). Поэтому в разном словесном окружении предлоги *в — на (из — с)* не выступают в роли синонимов.

Если речь идёт о какой-нибудь территории, которая представляется ограниченным, замкнутым пространством, то мы обычно употребляем предлог *в* : *работать в поле* . Если же речь не идёт о пространственном ограничении, то употребляется предлог *на* : *находиться на поле* . Сравните, например: *Машины стоят во дворе* (окружённое забором или домами пространство). — *На дворе ещё не убран строительный мусор* (открытое пространство); *На*

дворе сегодня холодно (т.е. вне дома); *в Крыму* (частично ограниченное горами степное пространство) — *на Кавказе* (горная местность без резко очерченных границ); *в Альпах* (в горах, среди гор) — *на Карпатах* (на поверхности гор). Несоответствие предлогов в сочетаниях *в Белоруссии* — *на Украине* объясняется тем, что сочетание *на Украине* (в разговорной речи, в художественной литературе, в старых газетах и журналах) возникло под влиянием украинского языка (сравните: *на Полтавщине, на Черниговщине*).

На выбор предлога влияет как значение управляющего слова, так и значение всего сочетания: *поехал на вокзал — вошёл в вокзал* (сказывается соответствие приставки *в-/во-* и предлога *в*).

Иногда, выбирая предлог, приходится следовать традиции: *в деревне — на хуторе; в селе — первый на селе работник; в учреждении — на предприятии; в комбинате бытового обслуживания — на мясокомбинате; в спортивных играх — на Олимпийских играх*. В профессиональном употреблении встречаются сочетания: «работает на театре», «служит на флоте» и т.п.

Приходится признать, что предлоги *в* и *на* не всегда чётко разграничиваются: *слёзы в глазах — слёзы на глазах, работать в огороде — работать на огороде, корабли в море — корабли на море, в лодке стоял рыбак — на лодке стоял рыбак, обедать в кухне — обедать на кухне* (вариант *на кухне* утвердился под влиянием народной речи). Сравните в литературе: *Я побежал в кухню рассказать бабушке всё, что видел и слышал* (М. Горький); *Нянька приходила на кухню ужинать* (В. Короленко).

В синонимическом значении употребляются предлоги *в — на* также в сочетании с существительными, называющими средства транспорта: *ехать в/на поезде, автобусе, трамвае* (не торопитесь делать вывод, что, если мы едем *в поезде*, то сидим внутри вагона, а если едем *на поезде*, то сидим... на его крыше).

Существует ещё и третий синонимический вариант — употребление названий средств транспорта в форме творительного падежа без предлога: *ехать поездом, автобусом, трамваем* и т.д. В этом случае имеются в виду только механические транспортные средства (вряд ли кто-нибудь согласится, чтобы о нём сказали, что он «приехал сюда *ослом* или *верблюдом* »).

Как мы уже сказали, предлоги *в — на* имеют свои антонимы (предлогу *в* соответствует предлог *из*, а предлогу *на* — предлог *с*): *в Крыму — из Крыма, на Кавказе — с Кавказа*. А как, по-вашему, следует сказать: *Съехались представители (из всех — со всех) уголков нашей страны?*

Ввиду прошедших дождей и вследствие предстоящих заморозков

Удачен ли в заголовке выбор предлогов? Ведь *ввиду* предполагает что-то предстоящее, а *вследствие* — что-то уже случившееся: *Пишу к вам из деревни, куда заехал вследствие печальных обстоятельств* (А. Пушкин); *Ввиду предстоящего наступления объявляю заседание закрытым* (Э. Казакевич).

Так, мы скажем *ввиду предполагаемого отъезда*, а не «вследствие предполагаемого отъезда», так как отъезд ещё не состоялся и никаких «последствий пока не имеет». С другой стороны, точнее выражена мысль в сочетании *предоставить отпуск вследствие болезни*, чем в сочетании «предоставить отпуск ввиду болезни» (получилось бы, что болезнь, ставшая уже фактом, как бы «планируется» наперёд).

Правда, этому правилу не всегда следуют, и предлог *ввиду* нередко употребляется не только для указания событий, ожидаемых в будущем, но и для обозначения действий и событий настоящих, постоянных, даже отнесённых к прошлому: *Ввиду недостатка в продовольствии сокращение в пути теперь было особенно важно* (В. Арсеньев); *Катер пошёл со специальным заданием, и ввиду бурной погоды за него беспокоились* (К. Симонов). И всё же, по крайней мере в деловой речи, лучше придерживаться указанного выше

разграничения предлогов *ввиду* и *вследствие* .

Ученик не пришёл в школу *благодаря* болезни

Согласитесь, что заголовок звучит нелепо из-за включения в предложение предлога *благодаря* , не потерявшего ещё своего первоначального лексического значения (по связи с глаголом *благодарить*). Логично употреблять его в тех случаях, когда речь идёт о причинах, вызывающих желательный результат: *поправился благодаря заботам матери; спасся благодаря своей находчивости; Степан Аркадьевич в школе учился хорошо, благодаря своим хорошим способностям* (Л. Толстой).

Однако в печати нередко встречаются такие предложения, нарушающие указанное выше положение: «*Благодаря* снежным заносам движение прервано», хотя благодарить здесь некого и не за что. В подобных случаях отмечается употребление предлога *благодаря* для указания причины вообще, а не только такой, которая «заслуживает благодарности». Эта причина может быть нейтральной и даже вызывающей отрицательные последствия: *Связь с людьми потеряна благодаря последним арестам* (М. Горький); *С войны он вернулся почти оглохший, благодаря осколку гранаты, с больной ногой* (А. Куприн).

И всё же в предлоге *благодаря* в достаточно большой мере сохраняется его исконное значение («благодарности»). А потому лучше сказать: *Ученик не пришёл в школу вследствие (по причине, из-за) смерти матери* .

Что в лоб, что по лбу

Если поговорку *Что в лоб, что по лбу* толковать буквально, то никакой разницы между содержанием первой и второй её частей мы не усматриваем. И всё же небольшая разница есть.

Сопоставим похожие словосочетания *глядеть в небо* и *глядеть на небо* . При всей близости их значения находим и оттенок различия: *глядеть в небо* значит «смотреть в одну точку», а *глядеть на небо* — «смотреть на всю поверхность пространства». Рассуждая по аналогии, выясним, что *в лоб* значит «в одну точку» (*ударил пальцем в лоб*), а *по лбу* — «по всей поверхности» (*ударил себя рукой по лбу*).

Оттенки различия находим и в других близких по общему значению предложных словосочетаниях. Сравним наиболее часто употребляемые сочетания.

Гулять в лесу — обозначается действие ограниченное — «гулять на определённом участке леса», а *гулять по лесу* — обозначается действие, «разбросанное» в пределах названного пространства.

Ездить в города — указывается на направление действия, а синонимическое сочетание *ездить по городам* имеет распределительное значение (действие распределяется на объекты последовательно один за другим).

Идти по берегу — указывается место движения, а *идти вдоль берега* — определяется направление движения на пространстве, вытянутом в линию.

Картины развешаны на стенах — указано только на место, где висят картины, а если говорится, что *картины развешаны по стенам* , то выражается добавочное значение распространения действия по всей поверхности предмета.

Туман поднимался от земли — указывается только направление движения (туман мог не касаться земли), а если сообщается, что *туман поднимался с земли* , то обращается внимание на место, откуда началось движение.

Спускаться с лестницы значит «двигаться от верхней до нижней ступеньки», а *спускаться по лестнице* значит «двигаться по поверхности предмета» (может быть, с середины лестничного пролёта).

В последнее время — обозначается определённый момент, а *за последнее время* — указывается на какой-то отрезок времени.

Положение изменилось с приездом отца — указывается на непосредственные последствия (сразу же за этим событием), а если *положение изменилось после приезда отца*, то речь может идти и о более отдалённых последствиях (спустя некоторое время).

Навещали в праздники — *навещали по праздникам* — второе словосочетание содержит дополнительный оттенок значения, указывая на регулярность повторения действия в определённые сроки.

За цветами — и по грибы

Различие между синонимическими предложными сочетаниями может носить не смысловой, а стилистический характер.

Так, выражения *идти по воду*, *ходить по грибы* присущи просторечию (сравните нейтральные: *идти за водой*, *ходить за грибами*). Они могут использоваться в художественной литературе: *Весной ходят девушки в рощу по ландыши, летом — по ягоды* (В. Панова).

В синонимических сочетаниях *по окончании спектакля* — *после окончания спектакля*, *по приезде в город* — *после приезда в город* первый вариант в каждой паре имеет книжный характер.

В синонимических сочетаниях *прошёл с километр* — *прошёл около километра*, *на выполнение работы понадобится с месяц* — *на выполнение работы понадобится около месяца* первый вариант (в нём предлог *с* использован для приблизительного указания отрезка пространства или времени) имеет разговорный характер.

Сочетание *чуть не умер с голоду* употребляется исключительно в разговорной речи, а сочетание *чуть не умер от голода* — стилистически нейтральное.

Сочетание *детей набралось около сотни* — стилистически нейтральное, а синонимическое ему сочетание *детей набралось до сотни* имеет разговорный оттенок.

Сочетание *стал болеть к старости* — стилистически нейтральное, а *стал болеть под старость* — разговорное.

В синонимических сочетаниях *эта роль для меня* — *эта роль по мне*, *для чего тебе эти*

вещи — на что тебе эти вещи первый вариант в каждой паре нейтральный, а второй — разговорный.

Оттенок официальности присущ сочетанию *за подписью и печатью* (сравните стилистически нейтральный оборот *с подписью и печатью*).

Канцелярский характер придаёт высказыванию широко распространённое необоснованное употребление предлога *по*: «ответ по этой жалобе» (вместо ...*на эту жалобу*); «соревнование по лучшей встрече» (вместо ...*на лучшую встречу*) и т.п.

Ах, уж эти предлоги!

Казалось бы, предлоги, эти маленькие служебные словечки, не относящиеся к словам знаменательных частей речи, не должны доставлять нам особых хлопот. Однако это не так: при употреблении предлогов возникает ряд вопросов, связанных с их значением, стилистической окраской, вносимой ими в сочетания с существительными, повторяемостью или неповторяемостью при однородных членах предложения и т.д.

Прежде всего не следует думать, что служебная роль предлогов означает отсутствие у них самостоятельного значения. Предлоги не лишены значения! Если малышу показать два таких предмета, как мяч и стол, и медленно перечислять: *на... под... за... перед... у...* и т.д., он жестами покажет, что значение, вносимое этими словами-малютками, ему понятно. Он, правда, со свойственным детям конкретным мышлением, связывает значение предлогов с определёнными предметами, которые он видит, и не может, естественно, отвлечься от этих предметов. Но он немного подрастёт и научится понимать абстрактное значение предлогов, которое можно обнаружить, например, при переводе предлогов на иностранный язык.

С течением времени, с развитием языка менялось значение предлогов, их роль. Если первичной функцией большинства предлогов было выражение пространственных отношений (сравните значение предлогов: *в, до, за, из, к, на, над, от, перед, по, под, при, у* и др.), то в дальнейшем появляются значения временное, причинное, изъяснительное и др. Происходит частичное их смешение. Со временем появляются новые предлоги, образованные от имён и наречий, возникают синонимические отношения между ними, создаётся возможность более целесообразного их выбора в речи.

Обратимся к примерам. Так, *наблюдая за звёздами*, мы являемся пассивными наблюдателями, а *наблюдая над подопытными животными*, мы являемся активными экспериментаторами, вмешивающимися в проводимые опыты. Не следует думать, что указанные оттенки значения строго закреплены за предлогами *за* и *над*. Сравните: *контроль за качеством работы* — *контроль над производством* — здесь можно уже говорить о равноправии предлогов. А в сочетании *наблюдения за поведением детей* в значении предлога *за* присутствуют оба оттенка — «изучение» и «активное воздействие». Поэтому правомерно говорить о более или менее установившемся гибком употреблении предлогов.

Сочетания *с помощью* — *при помощи* различаются тем, что второй вариант обычно связывается с представлением о действующем лице: *ускорить производство с помощью техники* — *добиться успеха при помощи друзей*.

Сочетания *с целью* — *в целях* различаются в основном сочетаемостью с разными грамматическими формами: *с целью* чаще употребляется при неопределённой форме глагола, а *в целях* — при отглагольном существительном, преимущественно в деловой речи. Поэтому рекомендуется говорить: *с целью выяснить*, но *в целях выяснения*.

Различие между сочетаниями *охотиться на кого* — *охотиться за кем* заключается в том, что первое имеет значение «добывать путём истребления, убивать» (*охотиться на волков, на диких уток*), а второе — «добывать путём ловли» (*охотиться за певчими птицами, за черепахами*).

Сочетание *в волнении* передает значение «полный охват чувством», а сочетание *с волнением* говорит лишь о частичном охвате чувством. Сравните также: *лицо в веснушках*

(всё покрыто ими) — *лицо с веснушками* (видны отдельные веснушки).

Небольшое смысловое различие сочетаний *пробираться сквозь кусты* — *пробираться через кусты* выражается в том, что в первом варианте содержится смысловой оттенок большего усилия.

В некоторых случаях сказывается принятое словоупотребление: *покатиться со смеху* — *покатиться от хохота*, *находиться на службе* — *находиться в услужении*.

Стилистически окрашены широко используемые в речи так называемые новые предлоги, образованные из сочетания простого предлога с формой косвенного падежа существительного, имеющего отвлеченное значение: *в деле, в области, за счёт, по линии, в части* и др. Нередко их употребление приводит к созданию речевых штампов, отнюдь не украшающих текст. «Достигнуты успехи *по линии* изучения учебного материала»; «Имеются жалобы *в части* слабого поддержания школьной дисциплины»; «Улучшил усвоение ряда предметов главным образом *за счёт* хорошей памяти»; «По-прежнему отстает *в области* грамматических правил».

В ходе развития языка менялось и предложное управление. Так, устарело (хотя, к сожалению, часто встречается) сочетание предлога *согласно* с формой родительного падежа («согласно приказу»). В настоящее время *согласно* требует формы дательного падежа: *согласно приказу, согласно распоряжению*.

Устарелый характер имеют сочетания предлога *по* с формой предложного падежа («тосковать по муже», «скучать по сыне»). В современном употреблении *по* сочетается с формой дательного падежа: *тосковать по мужу, скучать по сыну*.

Несколько устарелый или разговорный оттенок присущ сочетанию «говорит за то». Нормативное сочетание *говорит о том*. Устарело и сочетание «представляет из себя». Нормативное сочетание — *представляет собой*.

В устной и письменной речи встречается немало случаев неправильного выбора предлога или неуместного его использования: «Об этом уже не раз указывалось в наших решениях» (вместо *на это указывалось...*); «В нём росло убеждение *о* необходимости начать жить по-новому» (вместо *убеждение в необходимости...*); «Гоголь описывает *о* похождениях Чичикова» (вместо *описывает похождения Чичикова*); «Они гордились *за* своё высокое звание» (вместо *...своим высоким званием*); «Павел Петрович преклонялся английским порядкам» (вместо *...перед английскими порядками*); «Давыдов рассказал *цель* своего приезда» (вместо *рассказал о цели...*) и т.п.

С наличием или отсутствием предлога в параллельных сочетаниях связано смысловое различие этих сочетаний. Так, в сочетаниях *говорить что, знать что, напомнить что, сообщить что* имеется в виду объект в полном объёме, проникновение в сущность, раскрытие содержания, а в сочетаниях *говорить о чём, знать о чём, напомнить о чём, сообщить о чём* объект характеризуется в какой-то его части или в общем виде. Сравните: *говорить разные вещи — говорить о разных вещах, знать эти факты — знать об этих фактах, напомнить сказанное — напомнить о сказанном, сообщить полученные результаты — сообщить о полученных результатах*.

Сочетания *заниматься вечерами* — *заниматься по вечерам* различаются тем, что первый вариант указывает только на совершение действия в одни и те же отрезки времени (*На этой неделе он не сможет прийти к нам, так как работает теперь вечерами*), а второй содержит дополнительное указание на регулярное повторение действия и его распределение на ряд временных отрезков (*Он всегда работает по вечерам*).

Сочетание *идти по полю* указывает на направленность линейного движения (*Туда мы шли по полю, оттуда лесом*), а сочетание *идти по полю* обозначает движение в пределах названного пространства (*Мы шли по полю, по лесу*).

Противник стрелял *по нам* или *по нас* ?

В каком падеже следует поставить местоимение, управляемое сочетанием *стрелять по*? Кажется бы, никакой проблемы здесь быть не может: раз мы говорим *стрелять по противнику* (дательный падеж), то, значит, должны говорить «стрелять по нам». Но это не так!

Оказывается, при глаголах, выражающих чувство, внутреннее переживание: *горевать, скучать, соскучиться, тосковать, тужить* и т.п., а также при таких глаголах, как *стрелять, ударять* и др., предлог *по* требует разного предложного управления в зависимости от принадлежности управляемого слова к той или иной части речи:

1) управляемое существительное ставится в форме дательного падежа: *стрелять по бронепоезду, горевать по сыну*;

2) управляемое личное местоимение 1-го или 2-го лица ставится в форме предложного падежа: *стреляли по вас, скучали по нас*;

3) управляемое местоимение 3-го лица ставится в форме дательного падежа (как и существительное): *стреляли по ним, соскучились по нему*.

Стало быть, *Противник стрелял по нас*.

Разве малыш слушается маму?

Своеобразие предложения, вынесенного в заголовок, заключается в том, что оно построено в нарушение элементарного грамматического правила: форма винительного падежа без предлога может употребляться только при переходных глаголах (в этом заключается их особенность в любом языке), но в нашем примере употреблён глагол с суффиксом *-ся*, который является непереходным. То же самое находим в предложениях *Дети боялись строгую мать; Все дожидались Анну Ивановну*, в которых после непереходного глагола вместо формы родительного падежа употреблена форма винительного падежа.

И тем не менее такие «неправильные» предложения узаконены в разговорной речи, имеющей свои нормы, часто не совпадающие с нормами речи книжной: *Дядю боялись все* (Н. Лесков); *Вы ведь Гришу дожидаетесь?* (Ф. Достоевский); *Павлик... любит и слушается*

Валю. *А Лору не слушается* (В. Осеева).

Я не могу писать стихов

На невозможность употребления формы родительного падежа после глагола с отрицанием (хотя в предложении имеется отрицание *не*) указывал еще А.С. Пушкин. Он так оценил фразу *Я не могу вам позволить начать писать... стихов*: «Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цепь глаголов и отозваться на существительном? Не думаю».

Как же выбрать падежную форму дополнения, зависящего от глагола, при котором имеется отрицание? Всегда ли винительный падеж (при глаголе без отрицания) заменяется родительным (при глаголе с отрицанием)? Далеко не всегда. Обобщенно можно сказать следующее: в одних случаях действительно преобладает употребление формы родительного падежа, в других — по преимуществу сохраняется форма винительного падежа, в третьих — наблюдается факультативное использование обеих падежных форм, т.е. допускается свободный выбор между ними.

1. Форма **родительного** падежа обычно употребляется:

1) при усиленном отрицании, которое выражается частицей *ни* или отрицательным местоимением либо наречием с приставкой *ни-*: *Да мы не имеем ни малейшего понятия о том, что делается с этими несчастными* (Л. Толстой); *До вас никто ещё этого браслета не надевал* (А. Куприн);

2) при разделительно-количественном значении дополнения: *За обедом оказалось, что он не пьёт вина и не ест мяса* (М. Горький); *Не купил к чаю баранок* (К. Федин);

3) при выражении дополнения отвлечённым существительным: *не даёт оснований, не теряет надежды, не испытывает желания, не принимает участия, не имеет представления, не скрывает радости, не упускает случая, не делает уступок; Утро не принесло радости* (Л. Леонов); *Веселья я не ищу* (В. Кетлинская);

4) при деепричастиях и причастиях (учитывается книжный характер этих форм): *Не получив ответа, старик идёт на станцию* (А. Чехов);

5) в безличных предложениях, когда подчёркивается категорический характер отрицания: *Не нагнать тебе бешеной тройки* (Н. Некрасов).

2. Форма **винительного** падежа ослабляет значение отрицания и потому обычно употребляется в следующих случаях:

1) при указании на конкретный объект (т.е. имеется в виду именно этот предмет, а не вообще какой-то): *не проверил работу, которую ему прислали; не выпила молоко, которое ей оставила мать; Он не отвергнул тогда эти сто рублей* (Ф. Достоевский); *Я не люблю луну* (М. Горький);

2) при выражении дополнения одушевлённым существительным, в частности собственным именем лица: *Ты не любишь мать* (Л. Толстой); *Он давно не видел Ольгу* (М. Горький);

3) при постановке дополнения перед глаголом-сказуемым (поскольку ещё не чувствуется влияния отрицания): *Журнал я этот не люблю* (И. Тургенев); *Землю не отнимут у них* (М. Шолохов);

4) при двойном отрицании (т.е. при усиленном утверждении): *Не могу не сказать несколько слов об охоте* (И. Тургенев); *Женщина не может не понять музыку* (М. Горький);

5) при наличии в предложении слов с ограничительным значением (*едва, чуть* и т.п.): *едва не уронил чашку, чуть не пропустил урок; Раз он даже шикал, за что чуть было не потерял место* (А. Чехов);

6) обычно в конструкции «*не* + вспомогательный глагол + неопределённая форма переходного глагола + дополнение» (т.е. при отнесении дополнения не непосредственно к

глаголу с отрицанием, а к неопределённой форме глагола, зависящей от глагола с отрицанием, что ослабляет влияние самого отрицания): *Не стану описывать Оренбургскую осаду* (А. Пушкин); *Я не успелшить форму* (М. Горький). К последнему случаю и относится пример из заголовка.

Факультативное употребление форм обеих падежей встречается в тех случаях, когда нет указанных выше условий, явно склоняющих нас к выбору одного из двух падежей. Поэтому допустимо и *Я не читал вчерашней газеты*, и *Я не читал вчерашнюю газету*. Но в этом случае следует помнить о стилистическом различии падежных форм. Конструкции с родительным падежом характерны для книжной речи: *Я не намерен умалять чьих-либо заслуг* (М. Горький). Конструкции с винительным падежом типичны для речи разговорной: *Так и умрёшь, не выговорив это слово* (М. Горький).

Добавим, что после глаголов с приставкой *недо-*, не имеющей значения отрицания, а указывающей на выполнение действия ниже нормы, дополнение обычно ставится в форме винительного падежа: *недогрузить тонну угля, недодать почту, недолить стакан, недооценить силу противника, невыполнить план, недоварить суп, недоглядеть ошибку в тексте, недобрать одно очко*.

Про дом племянника жены кучера брата доктора

Согласитесь, что не сразу мы здесь найдём владельца того дома, который обозначен в заголовке. Недостатком этого предложения является нагромождение (нанизывание, расположение цепочкой) одних и тех же падежных форм.

Чаще всего происходит нанизывание форм родительного падежа в связи с большой распространённостью так называемого родительного приимённого: строго говоря, нет случая, когда при существительном нельзя было бы употребить другое существительное в форме родительного падежа.

Вот и появляются предложения, подобные следующим: «В целях дальнейшего улучшения дела постановки качества воспитания подрастающего поколения...»; «Для решения задачи ускорения подъёма уровня сельского хозяйства...»; «Для выполнения требования устранения отставания производства канцелярских принадлежностей...».

Такие предложения стилистически неприемлемы, и прежде всего потому, что они маловразумительны. А ведь достаточно в каком-нибудь месте «разбить» цепочку форм родительного падежа, чтобы облегчить восприятие текста. И получится примерно так: *Чтобы повысить качество воспитания подрастающего поколения...; Чтобы ускорить подъём сельского хозяйства...; Чтобы устранить отставание производства канцелярских принадлежностей...*

Реже встречается стечение других одинаковых падежных форм, но и оно возможно. Наиболее часто встречается нанизывание форм творительного падежа: «Дети любовались освещенной луной поляной»; «Дрессировщик был поднят слоном хоботом»; «Речь была встречена присутствующими шумными аплодисментами»; «Вы недовольны чем-то мною» и т.п.

Можно ли исправить такие предложения? Очень легко: *Дети любовались поляной, освещенной луной; Слон поднял дрессировщика хоботом; Присутствующие встретили речь шумными аплодисментами; Вы чем-то недовольны мною .*

Следует исправить предложения и с нанизыванием других падежных форм (например дательного, предложного падежей). «Приступили к подготовке к соревнованию» (вместо *Начали готовиться к соревнованию*); «Обсуждался вопрос о соглашении о взаимной помощи» (вместо *Обсуждалось предварительно соглашение о взаимной помощи*); «К любви к людям у него примешивалось чувство сострадания к ним» (вместо *Любовь к людям у него сочеталась с чувством сострадания к ним*) и т.д.

Не украшает речь и скопление падежных форм с одинаковыми предлогами: «Обращение к стремящейся к знаниям молодёжи» (вместо *...к молодёжи, стремящейся к знаниям*); «Беседа с педагогом с большим стажем» (вместо *...с педагогом, имеющим большой стаж*).

Характеристика Добролюбова «тёмного царства»

Добавим ещё и такие примеры: «Поиски Пушкина новых средств и приёмов художественной выразительности»; «Повесть „Степь“ — это итог сложных исканий Чехова своей творческой манеры»; «Талантливые зарисовки героических будней нашего народа таких писателей, как...».

Возможно, вы сами обратили внимание на общий для приведённых предложений стилистический недостаток: рядом или почти рядом стоят два родительных падежа с разными значениями («Поиски Пушкина... средств и приёмов...»; «...искания Чехова... творческой манеры»; «...зарисовки будней... талантливых писателей...»). Первая из этих падежных форм — это родительный **субъекта** (обозначает производителя действия), вторая — родительный **объекта** (называет предмет, на который обращено действие). Такое соседство противоположных форм затрудняет восприятие содержания предложения: вы невольно «спотыкаетесь» при чтении. Но стоит заменить родительный субъекта формой творительного падежа — и вы уже почувствуете некоторое облегчение: *Характеристика Добролюбовым «тёмного царства»*. А ещё лучше исправить предложение так: *Характеристика, данная Добролюбовым «тёмному царству»*.

В отдельных случаях может возникнуть неясность или двусмысленность при использовании даже одной формы родительного падежа, например в назывных предложениях: *Возвращение сына* (он сам вернулся или его вернули?); *Проверка прокуратуры показала...* (прокуратура проверила или её проверяли?). Исправление подобных предложений заключается в замене родительного субъекта или родительного объекта другой конструкцией (например: *Проверка, проведённая прокуратурой, показала...* или: *Проверка работы прокуратуры показала...*).

Организовать и руководить работой

Нередко в предложении при двух управляющих словах имеется общее дополнение. Такое построение вполне правильно, если управляющие слова требуют одинакового падежа и предлога (так называемое **двойное управление**): *читать и конспектировать книгу; перечитывать и исправлять написанное; желать и добиваться осуществления планов; надеяться и рассчитывать на успех* и т.п. Но нельзя «любить и наслаждаться природой», потому что *любить* (что?), а *наслаждаться* (чем?). Так же нельзя «смотреть и любоваться картиной»: *смотреть* (на что?), а *любоваться* (чем?); «организовать и руководить работой»: *организовать* (что?), а *руководить* (чем?).

Мы уже показали некоторые приёмы исправления подобных сочетаний. Самый простой способ: при первом управляющем слове сохраняется зависимое существительное, а при втором используется местоимение, заменяющее это существительное. Например: *любить природу и наслаждаться ею; смотреть на картину и любоваться ею; организовать*

работу и руководить ею .

Иногда лексическая замена позволяет устранить стилистическую погрешность: «За больным установлен хороший уход и содержание» (исправляем: *Больному обеспечены хороший уход и содержание*).

Изредка неточные конструкции с двойным управлением встречаются в литературе как дань разговорной речи: *жмурил и хлопал глазами* (Н. Гоголь); *чувствуя и пугаясь приближения дня* (М. Лермонтов); *ловя и избегая вопросительно устремлённый на него взор Кати* (И. Тургенев); *не только не любил, но был возмущён против штабных* (Л. Толстой); *поняли и смирились с переменами в своём быту* (А. Караваяева). Воспользовавшись предложенным выше приёмом стилистической правки, мы устранили бы формальное нарушение грамматического правила, но сделали бы предложения «тяжеловесными», что нежелательно для языка художественной литературы.

Однородные члены предложения: как правильно ими пользоваться?

Шёл дождь и два студента

Курьёзность шутливой фразы «Шёл дождь и два студента; один в университет, другой в калошах» основана на том, что в ней в качестве однородных членов предложения выступают слова, выражающие вещественно неоднородные понятия (что общего между дождём и студентами? между университетом и калошами?). На использовании этого приёма сочетания несочетаемого строятся каламбуры типа «пить чай с лимоном и с удовольствием».

В художественной литературе такие построения используются как особый стилистический приём для создания комического эффекта: у Н. Гоголя: *Не только кто имеет двадцать шесть лет отроду, прекрасные усы и удивительно сшитый стюртук...* ; у А. Чехова: *В толпе два молодых купчика усердно жестикулируют руками и ненавидят друг друга* ; *Лев Саввич Турманов, дюжинный обыватель, имеющий капиталец, молодую жену и солидную плешь...* ; у М. Горького: *Переживаемый нами сезон есть сезон всяческих собраний и... рубки капусты* ; *А посему — рекомендую дамам не выходить без мужа или без дубины (это не всегда одно и то же)* .

...С пожеланиями избавления от болезней и долголетней жизни

Слова для заголовка взяты из биографического очерка, посвященного Н.А. Некрасову, где, в частности, говорится о письмах и телеграммах, выражавших глубокое сочувствие «поэту народной скорби» в связи с его болезнью. Ясно, что речь идёт о двух пожеланиях — избавиться от болезни и прожить долгую жизнь. Но автор не учёл двусмысленности, связанной с тем, что управляемые слова *долголетней жизни* формально могут быть включены в разные ряды однородных членов: *с пожеланиями долголетней жизни* (что, очевидно, и имелось в виду) и *избавления... от долголетней жизни* (влияет ближайшее сочетание *от болезней*).

Если в небольших по объёму предложениях (вроде: «Жильцы требовали ликвидации неполадок и ремонта» — конечно, требовали и ликвидации неполадок, и проведения ремонта, а не ликвидации... ремонта), можно сравнительно легко разобраться, то в громоздких предложениях бывает трудно «распутать» связи между однородными членами.

В таких случаях рекомендуется для большей доходчивости текста разбить «запутанное» предложение на несколько самостоятельных предложений по принципу логической связи между отдельными однородными членами. Пример переработки предложения с однородными членами находим у А. Фадеева. Сопоставим две редакции текста романа «Молодая гвардия».

Издание 1947 г.

И этот мужчина, и женщина, и все дети, из которых младший даже протягивает ручонки, улыбаются навстречу идущей к ним с белым эмалированным ведром в руке девушке в ярком сарафане, в белом кружевном переднике, в таком же чепчике и в изящных красных туфельках — полной, с сильно вздёрнутым носом, неестественно румяной и тоже улыбающейся так, что все её крупные белые зубы наружу.

Издание 1952 г.

И этот мужчина, и женщина, и все дети, из которых младший даже протягивает ручонки, улыбаются навстречу идущей к ним девушке с белым эмалированным ведром в руке. Девушка в ярком сарафане, в белом кружевном переднике, в таком же чепчике и в изящных красных туфельках — полная, с сильно вздёрнутым носом, неестественно румяная. Она тоже улыбается, так что все её крупные белые зубы наружу.

Газета обратилась с призывом к *молодёжи* и к *юношам* города

Из заголовка следует, что среди молодёжи нет юношей и наоборот: юноши не входят в состав молодёжи. Логико-стилистическая ошибка возникла в результате того, что как однородные перечислены понятия, частично совпадающие по своему логическому объёму. Такие понятия называются **скрещивающимися**: «писатели и москвичи» (некоторые писатели являются москвичами, а некоторые москвичи — писателями).

Напомним, что без специального стилистического задания использование сочетаний со скрещивающимися понятиями нарушает стилистическую норму.

Исключение составляют немногие закрепившиеся в речи сочетания: *комсомольцы и молодёжь, пионеры и школьники, фестиваль молодёжи и студентов* (часто встречаются в литературе советского периода или в текстах, описывающих то время).

...Господин Голядкин спросил чаю, умыться и бриться

Однородные члены предложения не обязательно должны быть выражены словами одной и той же части речи: *Вошёл мужчина высокого роста, лет тридцати, в очках, с палкой в руке*. Однако полной свободы здесь нет, т.е. не всегда слова разных частей речи могут образовать ряд однородных членов. Так, не сочетаются существительное и неопределённая форма глагола, поэтому нельзя сказать: «Я люблю игру на скрипке и петь». Однако такое перечисление несочетаемого встречается часто при рубрикации: «Приняли на себя обязательства: 1) снижение себестоимости; 2) повышать производительность труда; 3) улучшать качество продукции». Что касается приведённой в заголовке фразы из произведения Ф.М. Достоевского, то она носит явно выраженный характер стилизации под разговорно-просторечную речь.

В текстах встречаются и другого рода ошибки в построении предложений с однородными членами:

«За последний год я прочитал несколько романов, художественных произведений, повестей и рассказов» — не должны включаться в общий ряд однородных членов видовые и родовые понятия: широкое понятие «художественные произведения» включает в себя более узкие понятия «романы», «повести», «рассказы».

«Много практических замечаний и ценных предложений было внесено на последнем заседании педсовета» — не все однородные члены лексически сочетаются со словом, с которым они связаны по смыслу: практические замечания делают, а не вносят.

«В праздник толпы людей можно было видеть повсюду: на улицах, площадях, бульварах, скверах» — повторение предлога при однородных членах необязательно, но при условии, что они требуют одного и того же предлога; разные же предлоги не должны опускаться; так как нельзя сказать «на скверах», то перед последним однородным членом следовало употребить предлог *в*.

«Сведений о Дубровском не было и на второй и третий день» — при повторяющихся союзах должен повторяться также предлог, т.е. нужно было сказать: *и на второй и на*

третий день .

«Дополнительный материал для доклада я брал из газет и брошюр, книг и журналов» — при попарном соединении однородных членов они обычно подбираются по принципу смысловой близости, чтобы избежать создания случайных пар; следовало сказать: *...из газет и журналов, книг и брошюр .*

«„Записки охотника“ Тургенева интересны тем, что в этом произведении не только фигурируют в качестве действующих лиц представители поместного дворянства, но и столь непохожие один на другого крепостные крестьяне» — части двойного сопоставительного союза *не только... но и* должны быть расставлены симметрично, т.е. каждая часть должна находиться перед однородным членом, поэтому следовало сказать: *...фигурируют не только представители поместного дворянства, но и... крепостные крестьяне .*

«В спектакле хорошо играли как исполнители главных ролей, а также все остальные участники спектакля» — образована неправильная пара «как... а также»; можно было опустить союз *как* или использовать соединительный союз *как... так и* .

«Жизнь крестьян изображена в произведениях многих русских писателей-классиков: Гоголь, Тургенев, Л. Толстой, Чехов» — ошибкой является отсутствие согласования в падеже однородных членов с обобщающим словосочетанием; правильно будет так: *писателей-классиков: Гоголя, Тургенева, Л. Толстого, Чехова .*

«В качестве материала для романа „Война и мир“ Л.Н. Толстой использовал семейные архивы, мемуары, литературные источники и другие официальные документы» — перечисленные материалы не являются официальными документами, поэтому слово *другие* оказалось лишним.

Не запутаемся ли мы в «сложном предложении»?

Вот дом, который построил Джек...

Про Джека вы, вероятно, всё знаете, поэтому прочитаем другой текст и попробуем в нём разобраться. В романе И.А. Гончарова приведено такое предложение: *Квартира, которую я занимаю во втором этаже дома, в котором вы предположили произвести некоторые перестройки...* Недостаток этого предложения, как нетрудно видеть, заключается в повторении одного и того же союзного слова *который* в придаточных частях сложного предложения при так называемом последовательном подчинении (одна придаточная зависит от другой). В данном случае писатель использовал стилистически неудачную конструкцию для речевой характеристики Обломова, пишущего письмо управляющему домом. Не случайно в следующем предложении текста стилистическая ошибка повторяется: *Известись через крепостного моего человека, Захара Трофимова, что вы приказали сообщить мне, что занимаемая мною квартира...* Автор письма, страдающий леностью мысли, сам признал его «нескладным», так как «тут два раза сряду *что* , а там два раза *который* ».

Нередко подобные предложения встречаются в ученических работах, например: «Добролюбов говорил, что многие молодые люди, вступающие в жизнь, задают себе эти вопросы, что то, что ты сейчас делаешь, это не то, что есть что-то лучшее, что-то необыкновенное, то, к чему ты должен стремиться».

Однако подобные построения, нарушающие нормы письменной речи, нередко используются писателями для речевой характеристики действующих лиц (как в «Обломове») или для того, чтобы придать повествованию разговорный оттенок, приблизить авторскую речь к речи персонажей: *Собакевич так сказал утвердительно, что у него [Чичикова] есть деньги, что он вынул ещё бумажку* (Н. Гоголь); у Л.Толстого: *Он не знал, что Левин чувствовал, что у него выросли крылья; Тихая, уединённая жизнь в нашей деревенской глуши*

с возможностью делать добро людям, которым так легко делать добро, к которому они не привыкли», Ф.М. Достоевский вкладывает в уста отрицательного персонажа Ставрогина (из романа «Бесы») фразу, которая должна подчеркнуть нарочито неотделанный, отталкивающе неприглядный слог: *Я так был низок, что у меня дрогнуло сердце от радости, что выдержал характер и дождался, что она вышла первая*.

...Лошади казаков, которые были покрыты пеной

Порядок слов в сложном предложении, вынесенном в заголовок, такой, что относительное местоимение *который* формально может быть отнесено к ближайшему предшествующему существительному *казаков*, и нужно приложить некоторое усилие для правильного понимания текста (освободиться, так сказать, от первоначального его восприятия). Следует иметь в виду, что при чтении, а тем более при слушании подобных предложений первоначальное понимание как бы напрашивается само собой, но оно может быть ошибочным: ведь и в нашем примере пеной были покрыты не казаки, а лошади. Исправление этого предложения не вызывает затруднений: достаточно заменить придаточную определительную часть сложного предложения причастным оборотом (*...лошади казаков, покрытые пеной*).

В некоторых случаях порядок слов создает двусмысленность предложения: «Неизменным успехом пользуются книги писателей, которые отражают нашу современность» (книги или писатели отражают современность?). И здесь на помощь может прийти причастный оборот: *...отражающие нашу современность* или *...отражающих нашу современность*.

Правда, в художественной литературе нередко встречаются сложные предложения, в которых соотнесённость придаточной определительной части и определяемого существительного основана на реальном их значении или на предшествующем контексте, а не на формальном порядке слов: *Порфирий положил щенка на пол, который, растянувшись на все четыре лапы, нюхал землю* (Н. Гоголь) (ясно, что растянулся на все четыре лапы щенок, а не пол); *Тут был армянин-богач, покровительствуемый доктором Андреевским, который держал на откупе водку и теперь хлопотал о возобновлении контракта*

(Л. Толстой) (держал на откупе водку, конечно, армянин-богач, а не доктор Андреевский).

Просим, чтобы вы пришли бы

Неудачным следует признать предложение, если в нём дважды использована частица *бы* для выражения пожелания: *чтобы... бы*. Такое повторение частицы *бы* в придаточной части предложения, в которой сказуемое выражено формой условно-сослагательного наклонения, чаще всего встречается в устно-разговорной речи: «Если бы ты сразу написал бы мне об этом, я мог бы помочь тебе»; «Вероятно, нужно, чтобы ты спросил бы брата». Однако в литературной, в письменной речи такое словоупотребление считается нарушением нормы.

Подобное построение сложного предложения можно встретить и в произведениях художественной литературы, где оно используется для придания высказыванию разговорного оттенка: *Ямщикам скажи, что я буду давать по целковому, чтобы так, как фельдъегеря, катили и песни бы пели* (Н. Гоголь). Чаще частица *бы* употребляется при втором сказуемом, более удалённом от союза *чтобы* или *если бы*, когда несколько ослабляется выражение пожелания или условия: *Она послала Витю второй раз, чтобы он с точностью узнал адрес Ознобишина и прямо из конторы пошёл бы по этому адресу* (К. Федин); *Не хочу я, чтоб ты притворялася и к улыбке себя принуждала бы* (А.К. Толстой).

Книга талантливо написанная и которую все хвалят

Нарушением литературной нормы является соединение в качестве однородных синтаксических конструкций члена предложения (*талантливо написанная*) и придаточной части предложения (*которую многие хвалят*). Сближает их одно и то же определительное значение, но однородными могут быть только единицы одинакового синтаксического уровня: или члены предложения, или придаточные части предложения. Неравноправные в этом отношении элементы, прежде чем перечислять как однородные члены, следует «привести к одному знаменателю», т.е. использовать либо два причастных оборота, либо две придаточные части. Например, предложение «Повесть о герое, совершившем беспримерный подвиг и который заслуживает благодарность потомков» исправляется так: *...о герое, совершившем ...и заслуживающем...* или: *...о герое, который совершил подвиг и заслуживает...*

Приведём ещё несколько примеров, нарушающих норму, так как с ними не связано специальное стилистическое задание: «Арестованный беспокоился о семье, взятой под надзор полиции и которую он оставил без всяких средств к существованию» (вместо *...взятой под надзор... и оставленной им...*); «Старое поколение обвиняло Тургенева в нигилизме и что он солидарен с Базаровым» (возможные варианты: 1) *...обвиняло в нигилизме и в солидарности...*; 2) *обвиняло в нигилизме и в том, что он солидарен...*); «Плюшкин жил в доме, имевшем запущенный вид и у которого почти все окна были забиты досками или закрыты ставнями» (вместо *...который имел... и у которого...*).

Нарушение синтаксической однородности (член предложения и придаточная часть предложения синтаксически неравноправны) наблюдается весьма нередко, в том числе и у писателей: *Я думал уж о форме плана и как героя назову* (А. Пушкин); *Вспомним вашу фамилию и что были в Москве* (А. Герцен) — союзом *и* соединены дополнение и придаточное изъяснительное. Такие конструкции носят разговорный характер.

Ученик сказал, что я ещё не подготовился к ответу

Предложения, подобные вынесенному в заголовок, нередко встречаются в разговорной речи. Источник ошибки — смешение прямой речи с косвенной. Здесь из прямой речи (*Ученик сказал: «Я ещё не подготовился к ответу»*) взято личное местоимение *я*, а из косвенной (*Ученик сказал, что он ещё не подготовился к ответу*) — изъяснительный союз *что*.

Другие примеры смешения прямой речи с косвенной: «Начальник станции объявил ожидавшим поезда пассажирам, что *я* лишён возможности обеспечить всех билетами»; «Товарищ познакомил меня со своей невестой и сказал, что *я* вскоре на ней женюсь» (получается, что *я* собираюсь жениться на чужой невесте).

В письменной речи (в основном в художественно-публицистических текстах) встречается, правда, объединение в одну конструкцию прямого и косвенного вопросов: *Мы даже подозреваем, что не были ль эти семнадцать счастливых стихов поводом к присоединению к ним всей поэмы...* (В. Белинский); *На охоту с ружьём я не смел уже и попроситься, хотя думал, что почему бы и мне с Суркой не поохотиться?* (С. Аксаков). В деловой прозе союз *что* в обоих случаях был бы излишен.

Строя сложные синтаксические конструкции, не следует забывать, что громоздкие предложения трудно воспринимаются не только на слух, но и при чтении. Вспомните: в образцовой прозе А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.П. Чехова значительное место занимают простые предложения, а сложные предложения — прозрачные по своей структуре, сравнительно небольшие по объёму.

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересечённые холмами и оврагами. Всё покрыто было снегом. Солнце садилось. Кибитка ехала по узкой дороге, или точнее по следу, проложенному крестьянскими санями. Вдруг ямщик стал посматривать в сторону и наконец, сняв шапку, оборотился ко мне и сказал...

(А. Пушкин)

Навстречу солнцу ползёт тёмная, свинцовая громадина. На ней то там, то сям красными зигзагами мелькает молния. Слышны далёкие раскаты грома. Тёплый ветер гуляет по траве, гнёт деревья и поднимает пыль. Сейчас брызнет майский дождь и начнётся настоящая гроза.

(А. Чехов)

Чтобы вы не подумали, что в художественной литературе и в произведениях других стилей письменной речи решительно преобладают простые предложения и только они могут быть рекомендованы для речевой практики, напомним, что в своей прозе И.С. Тургенев широко использовал развёрнутые синтаксические конструкции для создания цельной картины из отдельных деталей:

Цвет небосклона, лёгкий, бледно-лиловый, не изменяется во весь день и кругом одинаков; нигде не темнеет, не густеет гроза; разве кой-где протянутся сверху вниз голубоватые полосы; то сеется едва заметный дождь. К вечеру эти облака исчезают; последние из них, черноватые и неопределённые, как дым, ложатся розоватыми клубами напротив заходящего солнца; на месте, где оно закатилось так же спокойно, как спокойно взошло на небо, алое сиянье стоит недолгое время над потемневшей землей, и, тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплится на нём вечерняя звезда.

(И. Тургенев)

Так в чём же дело? Каков «короткий смысл сей длинной речи»? Чем заканчивается «поединок» между простыми и сложными предложениями? А поединка вовсе нет: в языке

для всего найдётся подобающее место. Речь идёт не об «изгнании» сложных предложений из практики речи (как обойтись без них в таких стилях, как научный, публицистический, деловой, стиль художественной литературы), а об умелом их построении, с соблюдением разумной «экономии», без неоправданных излишеств.

Обособление — это не только знаки препинания

Приобретший или приобрёвший ?

Немалую роль в нашей речи играют обособленные конструкции, в частности причастные обороты. И нас нередко затрудняет выбор формы причастия.

Например, от глагола *приобрести* образуются причастные формы *приобретший* и *приобрёвший*, и обе имеют право на существование: *приобретший* употребляется в книжной речи, *приобрёвший* — в разговорной. Здесь есть, правда, одно маленькое «но»: ведь причастия в целом, независимо от их формы, являются достоянием книжной речи, так что в данном случае можно говорить только о степени книжности формы причастия. Сравните: *спеленатый* — *спеленанный* (ребёнок), *промокший* — *промокнувший* (под дождём), *обгрызенный* — *обгрызанный* (мышами) и т.п. — в этих парах на первом месте стоит современная литературная форма, а на втором — устарелая или разговорная форма.

На книжный характер причастий и их роль в языке указывал ещё М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» — первом научном описании грамматического строя русского языка, опубликованном в далёком 1755 г.: «Весьма не надлежит производить причастий от тех глаголов, которые... только в простых разговорах употребительны, ибо причастия имеют в себе некоторую высокость, и для того очень пристойно их употреблять в высоком роде стихов».

Об этом же позже писал А.С. Пушкин: «Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же, как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному. Не одни местоимения *сей* и *оний*, но и причастия вообще и множество слов необходимых обыкновенно избегаются в разговоре. Мы не говорим: *карета, скачущая по мосту; слуга, метущий комнату*; мы говорим: *которая скачет, который метёт* и пр., — заменяя выразительную краткость причастия вялым оборотом. Из того ещё не следует, что в русском языке причастие должно быть уничтожено. Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писателя. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретённого им в течение веков».

Мы же сегодня можем добавить, что многие причастия, не отмеченные оттенком книжности, свободно проникают в разговорную речь образованных людей.

Употребляя причастия и причастные обороты, необходимо помнить и о присущем некоторым причастиям недостатке — неблагозвучии из-за скопления шипящих звуков (в суффиксах *-ущ/-ющ-*, *-ащ/-ящ-*, *-вш-*, *-ш-*).

Приведённые факты в книге свидетельствуют...

Если к этому примеру добавить словосочетания «исправленные ошибки учеником», «прочитанная лекция для старшеклассников» и т.п., то вы сами найдёте грамматико-стилистическую ошибку в них: нарушен порядок слов в причастном обороте.

По правилу причастный оборот должен находиться или после определяемого существительного: *факты, приведённые в книге; ошибки, исправленные учеником; лекция,*

прочитанная для старшеклассников , или перед ним: *приведённые в книге факты; исправленные учеником ошибки; прочитанная для старшеклассников лекция* . Определяемое существительное не может стоять внутри причастного оборота, как это имеет место в заголовке.

Причастие может занимать любое место в обособленном обороте. Оно может располагаться в начале оборота: *У ворот его стояла кибитка, запряжённая тройкою татарских лошадей* (А. Пушкин), в середине: *С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки* (А. Пушкин) или в конце (этот вариант носит устарелый характер): *Между нами находился офицер, недавно к нам переведённый* (А. Пушкин).

Вошедшие граждане, оплачивайте проезд!

Наверное, и вы слышали подобное обращение водителя трамвая, автобуса или троллейбуса к пассажирам, только что вошедшим в салон. Вы могли слышать и такие призывы: «Взятые книги срочно вернуть», «Нарушающие должны платить штраф» и т.п. С точки зрения смысловой не все они являются ущербными: недостающие слова, зависящие от причастия, восполняются «контекстом ситуации», т.е. подсказываются обстановкой. Но по правилам грамматики причастие в подобных случаях должно иметь при себе пояснительные слова: *вошедшие в вагон граждане; взятые из библиотеки книги; нарушающие правила дорожного движения* .

Коровы, отправляющиеся на убой

В заголовке использовано возвратное причастие, которое имеет страдательное значение: очевидно, речь идёт о коровах, которых отправляют на убой. Но автор не учёл, что суффикс *-ся* может придавать глаголу (стало быть, и причастию) и другое значение — активного действия. Если причастие имеет такое значение, то получается, что коровы сами шагают на убой (сравните: *Завтра мы отправляемся в поход*).

Другие неудачные примеры: «девочка, воспитываемая бабушкой»; «письменные

работы, выполняющиеся учеником». Подобная двусмысленность устраняется заменой причастия на *-ся* страдательным причастием на *-мый* : *коровы, отправляемые на убой; девочка, воспитываемая бабушкой; письменные работы, выполняемые учеником* .

Возможен и другой случай: неправильное употребление форм времени. Например, в предложении «Существовавшее до сих пор положение в области снабжения книгами школьных библиотек не удовлетворяет уже возросшие требования» следовало употребить причастную форму настоящего времени *существующее* , так как *положение* сохраняется ещё и сейчас.

Ученик, делающий уроки...

Причастия имеют только две временные формы — настоящего и прошедшего времени. Формы будущего времени у них нет! Поэтому от глаголов совершенного вида причастные формы на *-щий* (со значением будущего времени) не образуются и в сочетаниях типа «вздумающий написать», «попытающийся бежать», «сумеющий доказать» нарушена литературная норма.

Подобные образования, заимствованные из канцелярского языка, в единичных случаях встречались в произведениях писателей XIX в.: «Буде окажется в их губернии человек, *не предъявивший* никаких свидетельств и паспортов, то задержать его немедленно» (Н. Гоголь); «...Настенька, обречённая жить в глуши и во всю жизнь, может быть, *не увидящая* ни балов, ни театров» (А. Писемский). В наше время в этих случаях используются придаточные определительные (*который не предъявит никаких свидетельств...; которая обречена жить в глуши... и не увидит...*).

Событие, вызвавшее бы громоподобное впечатление

Не отвечает литературной норме употребление причастий на *-ший, -вший* с частицей *бы* (типа «каждый пожелавший бы выступить»; «планы, нашедшие бы поддержку»), так как от глаголов в форме условного (сослагательного) наклонения причастия не образуются. Такие формы изредка находим в художественной литературе (употреблены со стилистическим заданием): *Спит ум, может быть, обретший бы внезапный родник великих средств* (Н. Гоголь); *Не были введены положительные рыболовы-любители в пропорции, удовлетворившей бы самые придирчивые требования* (С. Михалков).

Если в тексте встречается такая конструкция, её следует заменить придаточной частью (*событие, которое вызвало бы...; каждый, кто пожелал бы...*).

Книгу я взял у подруги моей сестры, уехавшей на дачу

Прочитали заголовок? Так кто уехал: сестра или её подруга? В таком предложении замена причастного оборота придаточным определительным не устраняет двусмысленность («...у подруги моей сестры, которая уехала на дачу»). Предложение нужно перестроить: *Книгу мне дала подруга моей сестры, уехавшая на дачу* или *...подруга моей сестры, уехавшей на дачу* .

Иногда в подобных двусмысленных высказываниях нужный смысл подсказывает лексический состав предложения. Например, в предложении «В связи с 200-летием со дня рождения А.С. Пушкина было намечено провести ряд лекций в клубах, посвященных творчеству великого классика русской литературы» ясно, что Пушкину посвящены лекции, а не клубы, а потому лучше изменить порядок слов: *...провести в клубах ряд лекций, посвященных...*

«Подъезжая к сей станции... у меня слетела шляпа»

Наш заголовок — это фраза-пародия из юмористического рассказа А.П. Чехова. Она страдает не только орфографической неграмотностью («сией» вместо *сей*), но и стилистической беспомощностью. Хозяин шляпы нарушил языковое правило: обозначаемое деепричастием действие должно относиться к подлежащему. В приведённом примере речь идёт о действиях двух предметов (в грамматическом значении этого слова): обо мне (я подъезжал к станции) и о шляпе (она слетела). В неправильном построении этого высказывания легко убедиться, если переставить деепричастный оборот (обычно у него свободное расположение во фразе): «Шляпа, подъезжая к сей станции, у меня слетела».

Исправляя подобные предложения (а они встречаются достаточно часто: «Прощаясь с друзьями, один из них сказал мне...»; «Возвращаясь домой, меня застиг дождь»), деепричастные обороты следует заменять придаточными обстоятельственными (например: *Когда я прощался с друзьями, один из них...*).

Встречающиеся у писателей-классиков отступления от литературной нормы представляют собой либо галлицизмы (обороты, возникшие под воздействием французского языка, где такие конструкции допустимы), либо результат влияния народной речи: *...Имея право выбирать оружие, жизнь его была в моих руках* (А. Пушкин); *Проезжая на возвратном пути в первый раз весной знакомую берёзовую рощу, у меня голова закружилась...* (И. Тургенев).

Не используются деепричастные обороты в безличных предложениях типа «Подходя к лесу, мне стало холодно» (в этом предложении нет грамматического подлежащего, которому можно было бы приписать действие, выраженное деепричастием). Такие предложения, встречающиеся в русской классической литературе, с точки зрения современной нормы следует рассматривать как устарелые: *...Убедившись, что понять этого он не сможет, ему стало скучно* (Л. Толстой); *Прочитав внимательно рассказ, мне думается, что редакторских поправок в нём нет* (М. Горький).

Возможно употребление деепричастного оборота в безличном предложении при неопределённой форме глагола: *Выполняя это упражнение, нужно руководствоваться указаниями, приведёнными в задании*.

«Умерщвление произошло по причине утонутья»

Этот заголовок придуман не нами. Это А.П. Чехов в одном из рассказов спародировал канцелярский стиль с его пристрастием к использованию отглагольных существительных, нередко искусственно образуемых. Увы, но в литературе, в различных документах нередко встречаются фразы типа «Разутие ноги оказалось делом нелёгким»; «Мальчик добился переселения чувства страха».

Особенно часто отглагольные существительные встречаются в текстах различных инструкций, распоряжений, объявлений. В абсолютном большинстве случаев «увлечение» такими канцеляризмами неоправданно. Например, в обращении к жильцам без них явно можно обойтись: «Жильцам запрещается содержание в квартире домашних птиц и животных, за исключением собак и кошек, содержание которых разрешается с общего согласия жильцов квартиры, при условии недопущения владельцами загрязнения собаками и кошками квартиры и лестничной клетки и невхождения их в места общего пользования».

Писатели, особенно в XIX в., часто использовали подобные конструкции для стилизации или пародии: *...без какого соглашения она свинья никоим бы образом не могла быть допущенною к утащению бумаги* (Н. Гоголь); *Равным образом воспрещается выколотие глаза, откушение носа... отнятие головы* (М. Салтыков-Щедрин); *Губернское*

правление, получив этот рапорт, вошло в такого рода рассуждение: так как влетение и разбитие стёкол вороною показывает явную небрежность со стороны лиц, смотрению которых непосредственно подлежат присутственные места, то израсходованную сумму возложить на виновных... (А. Писемский).

Сравните также отрывки из современной пародии на неудачную литературоведческую статью, в которой приёмы и средства канцелярского стиля были использованы применительно к чуждому этому стилю материалу.

Показ Пушкиным поимки рыбаком золотой рыбки, обещавшей при условии её отпуска в море значительный откуп, не использованный вначале стариком, имеет важное значение. Не менее важна реакция старухи на сообщение ей старика о неиспользовании им откупа рыбки, употребление старухой ряда вульгаризмов, направленных в адрес старика и понудивших его к повторной встрече с рыбкой, посвященной вопросу о старом корыте.

(Пример приведён К. Чуковским.)

НЕ ПРАВИЛЬНОСТЬЮ ЕДИНОЙ...

Поговорка гласит: «На ошибках учатся». И мы широко пользовались вложенным в неё смыслом в предшествующем изложении нашего материала. Мы старались показать, какие ошибки — лексические, грамматические, стилистические — чаще всего встречаются в речи, устной и письменной. Анализ этих ошибок подводил нас к понятию языковой нормы, без соблюдения которой речь не может считаться правильной. Но, как указывал В.Г. Белинский, «говорить правильно и говорить хорошо — совсем не одно и то же... Иной семинарист говорит и пишет как олицетворённая грамматика, его нельзя ни слушать, ни читать».

Когда мы ставим вопрос: «А как лучше сказать?» — мы действительно в первую очередь имеем в виду такие качества речи, как её правильность, точность, ясность, простота, краткость, чистота, благозвучие. Но этим не исчерпывается понятие хорошей речи. Обращаясь к молодым писателям, М. Горький напоминал им, что создание литературных произведений «неизбежно и настоятельно» требует «большого богатства слов, большого обилия и разнообразия их». Речь, таким образом, идёт о богатстве языка, которым мы пользуемся.

Можно полагать, что очень немногие из вас станут литераторами. Но с полной уверенностью можно сказать, что в любой области вашей будущей деятельности умение говорить выразительно, живо, убедительно сослужит вам хорошую службу.

«Великий, могучий, правдивый и свободный русский язык» содержит в себе неисчерпаемые стилистические богатства, овладеть которыми в большей или меньшей степени по силам каждому. В этом вам очень поможет внимательное чтение произведений разных стилей и жанров, изучение языка образцовых писателей. Если мы определим стилистику как учение об изобразительно-выразительных возможностях языка, то будем близки к истине.

Мы уже говорили о богатстве русского языка синонимами. Поставьте в один ряд существительные *оплошность, ошибка, погрешность, промах* ; прилагательные *большой, гигантский, громадный, исполинский, колоссальный, огромный* (применительно, например, к слову *успех*); глаголы *бояться, опасаться, пугаться, робеть, страшиться, трепетать, трусить* ; наречия *быстро, вмиг, в мгновение ока, в минуту, мгновенно, моментально* (в сочетании, например, с глаголом *исчезнуть*) — и вы сами убедитесь в том, какие возможности заключены в лексической синонимии, как с помощью синонимов можно выразить тончайшие оттенки мысли.

Своего рода спутниками синонимов выступают антонимы. Вспомните знакомые вам строки стихов: *Они сошлись. Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой* (А. Пушкин); *Мне грустно потому, что весело тебе* (М. Лермонтов); *Чёрный вечер. Белый снег* (А. Блок), вспомните названия произведений русской художественной литературы: «*Война и мир*» (Л. Толстой); «*Отцы и дети*» (И. Тургенев); «*Толстый и тонкий*» (А. Чехов); «*Что такое хорошо и что такое плохо?*» (В. Маяковский); «*Дни и ночи*» и «*Живые и мёртвые*» (К. Симонов) — и вы оцените выразительные возможности антонимов.

Не останавливаясь на анализе широкого (и оправданного!) использования в языке художественной литературы различных пластов лексики — устаревших слов (архаизмов и историзмов), неологизмов, диалектизмов, фразеологизмов, перейдём к оценке стилистических ресурсов грамматики.

Части речи? — не так уж скучно

Мальчишки, лавки, фонари...

Начнём «танцевать от печки» — от существительного. Умелый подбор предметных названий позволяет наглядно представить действительность и в динамике, и в статике. Например, перечисление мелькающих перед глазами предметов даёт возможность представить картину как бы в движении, напоминающую быстро сменяющие друг друга кинокадры:

...Уже столпы заставы
Белеют; вот уж по Тверской
Возок несётся чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри.
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.

(А. Пушкин)

В то же время перечисление предметов позволяет нарисовать статичную картину, на которой тщательно выписываются детали единого целого.

На бюро, выложенном перламутною мозаикой, которая местами уже выпала и оставила после себя одни жёлтенькие желобки, наполненные клеем, лежало множество всякой всячины: куча исписанных мелко бумажек, накрытых мраморным позеленевшим прессом с яичком наверху, какая-то старинная книга в кожаном переплете с красным обрезом, лимон, весь высохший, ростом не более лесного ореха, отломленная ручка кресел, рюмка с какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмом, кусочек сургучика, кусочек где-то поднятой тряпки, два пера, запачканные чернилами, высохшие как в чахотке, зубочистка, совершенно пожелтевшая, которою хозяин, может быть, ковырял в зубах своих ещё до нашествия на Москву французов.

(Н. Гоголь)

Прекрасный июльский день

Стилистические функции прилагательных как сильного средства художественной изобразительности можно показать, сравнив два описания природы. Первый из них:

Был июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. С утра небо ясно; заря не пылает пожаром, она разливается румянцем. Солнце мирно выплывает из-под тучки; свежо просияет и погрузится в её туман. Край облачка засверкает змейками; блеск их подобен блеску серебра.

А теперь приведём этот же текст в том виде, в каком он дан в начале рассказа И.С. Тургенева «Бежин луг»:

Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. Солнце — не огнистое, не раскалённое, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно лучезарное — мирно всплывает под узкой и длинной тучкой, свежо просияет и погрузится в лиловый её туман. Верхний, тонкий край растянутого облачка засверкает змейками; блеск их подобен блеску кованого серебра.

Нетрудно видеть, насколько образнее становится изложение благодаря введению в текст прилагательных-определений, насколько выразительнее, конкретнее и точнее становится описание, насколько в целом возрастает сила эмоционального воздействия описания.

Приподнял, отнял, расцеловал

Весьма выразительны глаголы с присущим им значением действия-процесса: цепочка глаголов создаёт впечатление динамичности и напряжённости речи: *Бросившись к Сабурову, Масленников схватил его, приподнял с места, обнял, расцеловал, схватил за руки, отодвинул от себя, посмотрел, опять придвинул к себе, поцеловал и посадил обратно — всё в одну минуту* (К. Симонов).

Использованные писателем глаголы совершенного вида с присущим им значением законченности действия создают впечатление быстрой смены последовательных действий.

А в отрывке из повести М. Горького «Детство» глагольные формы прошедшего времени несовершенного вида служат для плавного рассказа, для описания и характеристики:

Говорила она [бабушка], как-то особенно выпевая слова, и они легко укреплялись в памяти моей, похожие на цветы, такие же ласковые, яркие, сочные. Когда она улыбалась, её темные, как вишни, зрачки расширялись, вспыхивая невыразимо приятным светом, улыбка весело обнажала белые, крепкие зубы, и, несмотря на множество морщин на тёмной коже щёк, всё лицо казалось молодым и светлым... Вся она тёмная, но светилась изнутри — через глаза — неугасимым, весёлым и тёплым светом.

Стилистическое использование глагола значительно расширяется благодаря возможности употреблять одни формы времени в значении других. Так, для оживления рассказа, придания ему большей изобразительности настоящее время употребляется в значении прошедшего (так называемое настоящее историческое): *Из шатра, толтой любимцев окружённый, выходит Пётр* (А. Пушкин). Настоящее время употребляется также вместо будущего для изображения фактов, которые представляются возможными или неизбежными в ближайшем будущем: *Мы завтра дерёмся* (И. Тургенев).

Иногда факты только воображаемые описываются как бы происходящими уже в момент речи: *...То я воображаю себя уже на свободе, вне нашего дома. Я поступаю в гусары и иду на войну. Со всех сторон на меня несутся враги, я размахиваю саблей и убиваю одного, другой взмах — убиваю другого, третьего* (Л. Толстой).

Прошедшее время может употребляться вместо будущего для изображения фактов, которые вскоре должны произойти: *Я поехала с вещами, а ты приберёшь квартиру* (А. Гайдар).

Наконец, будущее время употребляется вместо настоящего для обозначения обычного результата действия: *Решетом воды не наносишь* (поговорка) или для перечисления повторяющихся однократных действий:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет ,
То заплачет , как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит ,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит .

(А. Пушкин)

Будущее время употребляется вместо прошедшего также для обозначения внезапного наступления действия: *Герасим глядел, глядел, да как засмеётся вдруг* (И. Тургенев) или для указания на повторяющиеся действия: *Мать бегло просмотрит отметки, увидит двойку за рисование или чистописание и недовольно покачает головой* (А. Гайдар).

Обратим также внимание на возможности синонимического употребления одного наклонения вместо другого. Так, повелительное наклонение употребляется вместо условного (сослагательного) в разговорной речи:

Знай я ремесло — жил бы в городе (М. Горький). Наоборот, условное наклонение употребляется вместо повелительного для смягчённого выражения пожелания, совета: *Ты бы ложилась, нянечка* (А. Чехов).

Синтаксис — душа предложения

Слова: как из них построить предложение?

Взятые сами по себе, слова не выражают мысли. Они лишь являются строительным материалом для предложения.

И только включённые в предложение, приобретя нужную форму и выстроившись в надлежащем порядке, они могут выполнить своё назначение — выразить мысли, чувства, волю. И далеко не безразлично, какое «здание» возводится из этого строительного материала — стандартный блочный дом или памятник архитектуры.

Поговорим о **стилистическом синтаксисе**. Сопоставим три варианта примерно одного и того же текста:

Кто такие современные исследователи космоса?

Кто они, современные исследователи космоса?

Современные исследователи космоса. Кто они?

Думаю, все согласятся с тем, что наиболее выразителен последний вариант. Если в первых двух содержится как бы нейтральный вопрос (содержание второго усиливается введением личного местоимения, значение которого раскрывается последующим приложением), то третий вариант стилистически окрашен благодаря тому, что текст разделён на две части: в первой привлекается внимание к предмету мысли (он выдвигается на передний план) и только потом задаётся вопрос, в результате чего и создаётся большая выразительность. Не случайно подобные «раздвоенные» конструкции всё чаще встречаются в современной художественной прозе и в публицистике, например в газетных заголовках: *Выборы, проблемы, суждения; Телевидение и книга: им рядом жить; Безнадзорность: что это такое*.

Эти конструкции чем-то напоминают назывные предложения: и в том и в другом случае в центре внимания оказывается форма именительного падежа. Она создаёт у нас представление о предмете или называет тему дальнейшего высказывания (их так и называют: **именительный представления**).

Сравните. Именительный представления: *Земля. На ней никто не тронет... Лишь крепче прижимайся к ней* (К. Симонов); *Часы — и те здесь были палубные* (Э. Казакевич) и назывные предложения *Шёпот, робкое дыханье, трели соловья...* (А. Фет). *Ночь, улица, фонарь, аптека. Бессмысленный и тусклый свет* (А. Блок).

«Разрыв» предложения на части, подачу его отдельными «порциями» находим и в так называемых **присоединительных конструкциях**: *В комнате грянул мари. Походный мари. Такой бодрый, весёлый. С такими форшлагами, трелями. Из-за той же неподвижной шторки* (К. Федин); *Когда мы говорим о слезах радости, с которыми встречает Красную Армию население освобождённых городов, это может показаться формулой. Но доктор Коровина плакала от радости. И Бабкин. И старый священник Говоров. И комсомолка Зоя.*

И тысячи, тысячи людей (И. Эренбург).

Вопросительное или повествовательное?

Построением предложения можно выразить многое, если не всё. Например, мысль «Все проклинали стационарных зрителей, все с ними бранились» у А.С. Пушкина получила такое выражение: *Кто не проклинал стационарных зрителей, кто с ними не бранился?* По сравнению с этим вопросительным предложением, содержащим отрицательную частицу *не*, повествовательное утвердительное предложение (первый вариант) явно проигрывает.

Возьмём другой пример. М. Горький вместо маловыразительного повествовательного предложения «Мне нельзя плясать, людей буду смешить» пишет *Куда уж мне плясать! Людей смешить только*. Разговорные интонации придают этому тексту экспрессию, т.е. выразительность.

Экспрессивность вообще характерна для разговорной речи в целом — и в лексике, и в синтаксисе. Так, отрицательный ответ на вопрос «Успеем?» чаще всего выражается такими вариантами: *Где там, успеем!; Куда там успеем!; Так тебе и успеем!; Какое там успеем!; Прямо — успели!; Уж и успели!; Хорошенькое дело — успели!* и т.п., и весьма редко слышится «интеллигентный» ответ: *Нет, не успеем*.

В ритме перечисления

Когда мы говорили о стилистических функциях слов отдельных частей речи, приводили примеры с перечислением существительных, прилагательных, глаголов, вы, вероятно, обратили внимание прежде всего на перечисление — своеобразную концентрацию слов. С точки зрения синтаксической это были предложения с однородными членами. А стилистический эффект перечисления был результатом соединения морфологических и синтаксических категорий. Такая связь морфологии и синтаксиса не новость: все знают, что существительное чаще всего выступает в роли подлежащего или дополнения, прилагательное — в роли определения, глагол — в роли сказуемого (имеются в виду преобладающие случаи).

Теперь рассмотрим перечисление слов отдельных частей речи в плане синтаксическом. На примере известного стихотворения А.А. Фета поговорим о стилистической функции однородных членов предложения.

Это утро, радость эта,
Эта мощь и дня и света,
Этот синий свод,
Этот крик и вереницы,
Эти стаи, эти птицы,
Этот говор вод,

Эти ивы и берёзы,
Эти капли — эти слёзы,
Этот пух — не лист,
Эти горы, эти доли,
Эти мошки, эти пчёлы,
Этот зык и свист,
Эти зори без затмения,
Этот вздох ночной селенья,
Эта ночь без сна,

Эта мгла и жар постели,
Эта дробь и эти трели,
Это всё — весна.

Стихотворение-предложение состоит из одних однородных членов. Благодаря их перечислению создаётся единое целое. Представляемая взору читателя картина очень живописна и экспрессивна.

Весьма выразительны однородные определения, как согласованные, так и несогласованные, образующие ряды эпитетов, характеризующих предмет с разных сторон: *Она действительно походила на молодую, белую, стройную, гибкую берёзу* (Б. Полевой); *Каждому, кто знает книги Грина и знает Севастополь, ясно, что легендарный Зурбаган — это почти точное описание Севастополя, города прозрачных бухт, дряхлых лодочников, солнечных отсветов, военных кораблей, запахов свежей рыбы, акации и кремнистой земли и торжественных закатов, вздымающих к небу весь блеск и свет отражённой черноморской воды* (К. Паустовский).

Существуют особые приёмы употребления однородных членов предложения. Так, у А.П. Чехова троекратное их повторение создаёт своеобразный ритмический рисунок фразы, придаёт речи мелодичность и музыкальность: *Она, высокая, красивая, стройная, казалась теперь рядом с ним очень здоровой и нарядной; В каждую минуту она готова убежать, зарыдать, броситься в окно*.

Глаголы в качестве однородных членов предложения создают впечатление динамики и напряжённости действия: *Перед глазами ходил океан, и колыхался, и гремел, и сверкал, и угасал, и светился, и уходил куда-то в бесконечность* (В. Короленко).

Сложные отношения между частями сложного предложения

Богатые стилистические возможности даёт использование в речи разных типов сложных предложений. Сопоставим три типа сложных предложений — сложносочинённое, сложноподчинённые и бессоюзные:

Приближалась ночь, и пришлось возвращаться домой.

Приближалась ночь, поэтому пришлось возвращаться домой.

Приближалась ночь — пришлось возвращаться домой.

Пришлось возвращаться домой, так как приближалась ночь.

Пришлось возвращаться домой, приближалась ночь.

Не подлежит сомнению синонимичность этих предложений, т.е. близость выражаемого ими содержания и наличие причинно-следственных отношений между частями предложения. Вместе с тем нельзя не видеть, что каждому из приведённых сложных предложений присущи свои смысловые и грамматические особенности, обусловленные наличием или отсутствием союза, значением этого союза, порядком следования частей предложения, интонацией (на письме она отражается пунктуацией).

Не пытайтесь установить, какое из предложений «лучше». Выбрать нужный вариант предложения можно только в условиях конкретной ситуации, с учётом контекста, стиля, жанра произведения. Обобщённо можно лишь сказать, что более простые конструкции — с союзом — являются межстилевыми, т.е. используются как в книжных стилях, так и в разговорном, тогда как бессоюзные предложения больше характерны для книжных стилей. Как видите, подтверждается положение, что стилистика — учение о наиболее удачном конкретном выборе языковых средств и начинается она там, где имеется возможность выбора.

Параллельные и синонимичные

Чтобы уточнить, что такое «выбор языковых средств», сопоставим ряд фрагментов предложений (закончить каждое из них вы можете по своему усмотрению):

Юноша, который окончил среднюю школу...

Юноша, окончивший среднюю школу...

Юноша, окончив среднюю школу...

Юноша, после того как окончил среднюю школу...

Юноша после окончания (по окончании) средней школы...

Налицо так называемые **параллельные конструкции**, которым присуща общность значения и возможность взаимозамены. Их можно разбить на две группы: в одну входят два первых фрагмента с определительным значением (придаточное определительное и причастный оборот), в другую — остальные фрагменты с обстоятельственным значением (придаточное обстоятельственное, деепричастный оборот и обстоятельство времени).

Грамматические значения, позволяющие сопоставить простое предложение со сложным и создающие возможность их взаимозамены, весьма разнообразны:

1) **объектные** отношения: *Газеты сообщают о запуске нового искусственного спутника Земли. — Газеты сообщают, что запущен новый искусственный спутник Земли;*

2) **определительные** отношения: *Книга, изданная недавно, уже распродана. — Книга, которая была издана недавно, уже распродана;*

3) **причинные** отношения: *Ученик отсутствовал на уроках по болезни. — Ученик отсутствовал на уроках, так как был болен;*

4) **целевые** отношения: *Создана комиссия для выяснения причин аварии. — Создана комиссия, для того чтобы выяснить причины аварии;*

5) **условные** отношения: *Экскурсия не состоится в случае плохой погоды. — Экскурсия не состоится, если будет плохая погода;*

6) **временные** отношения: *Не ломайте деревья во время прогулки в лесу. — Не ломайте деревья, когда гуляете в лесу;*

7) **уступительные** отношения: *Он выполнил задание вовремя, несмотря на занятость другими делами. — Он выполнил задание вовремя, хотя был занят другими делами.*

Однако между параллельными конструкциями всегда имеется различие — и смысловое, и стилистическое. Смысловое различие выражается в том, что придаточные части сложноподчинённого предложения обладают большей смысловой нагрузкой, чем соответствующие члены простого предложения: сказывается роль глагола в личной форме, который выступает в функции сказуемого придаточной части.

Стилистические различия связаны с использованием параллельных конструкций в разных стилях речи. Так, придаточные части предложения имеют межстилевой характер, а причастные и деепричастные обороты являются принадлежностью по преимуществу книжной речи. Книжный (а иногда канцелярский) характер придают высказыванию отглагольные существительные (*для выяснения обстоятельств дела; по окончании переговоров; при появлении первых симптомов болезни; после установления дипломатических отношений; вследствие закрытия поликлиники на ремонт* и т.п.).

Характеризуя параллельные конструкции, необходимо отметить большую краткость и сжатость обособленных оборотов (*Почуяв зверя, собака бросилась бежать по его следу*) по сравнению с соответствующими придаточными частями предложения (*После того как собака почуяла зверя, она бросилась бежать по его следу*). Благодаря своему лаконизму и динамичности деепричастия и деепричастные обороты более выразительны. Эту их особенность можно показать на таком примере: писатель Д.В. Григорович, рассказывая о своих первых литературных опытах, вспоминает, что его очерк «Петербургские шарманщики» заслужил одобрение Ф.М. Достоевского, но одно место в тексте великому писателю не понравилось. «У меня, — пишет Григорович, — было написано так: *Когда шарманка перестает играть, чиновник из окна бросает пятак, который падает к ногам шарманщика*. . . Не то, не то, — раздражённо заговорил вдруг Достоевский, — совсем не то!

У тебя выходит слишком сухо: пятак упал к ногам... Надо было сказать: пятак упал на мостовую, *звня и подпрыгивая* ...“ Замечание это — помню очень хорошо — было для меня целым откровением. Да, действительно, *звня и подпрыгивая* — выходит гораздо живописнее, дорисовывает движение...»

Строим целое — текст

Выше рассматривались стилистические особенности синтаксических конструкций — простых и сложных предложений, однородных членов предложения, обособленных оборотов и т.д. Но они в изолированном виде не образуют законченного высказывания, являясь лишь слагаемыми более крупной единицы — связного текста. Под текстом понимается соединение предложений в строгой логической последовательности, закреплённой грамматическими средствами. Поэтому независимо от своего вида и характера (описание, повествование, рассуждение) текст должен представлять собой стройное целое, сцементированное содержанием и формой, а не случайное соседство плохо пригнанных друг к другу деталей. Это требование не всегда выдерживается пишущими: «Общие условия крепостного права определили жизнь действующих лиц в поэме „Мёртвые души“. Малокультурные, порой неграмотные помещики, тупые или хитрые бюрократы-чиновники, крестьяне угнетены и забиты. Жизнь однообразная, полна застоя. Некоторое оживление вносят деятельность ловкача Чичикова, в котором чувствуется будущий хищник-предприниматель». В этом неудачном тексте соединены разнотипные по структуре предложения, образующие «смесь», а не единое целое.

Изобразительные и выразительные

На первый взгляд может показаться, что, начиная разговор об эпитетах, сравнениях и метафорах, мы вторгаемся в специальную область — в анализ языка художественной литературы. Но это не так.

Во-первых, нет строгого разграничения языкового понятия метафоры (берём именно её как пример весьма распространённого в речи выразительного средства) и того же понятия в литературоведческом плане: перед нами явно языковое явление (ведь метафора — один из видов переносного употребления слова). Различным бывает только характер метафоры: в одних случаях метафора — это образное средство, находка автора (**метафоры стиля**), в других — слова со «стёртой образностью», привычные в употреблении (*часы идут, ножка стола, нос корабля*) (**метафоры языка**).

Во-вторых, эпитеты, сравнения, метафоры и т.д. отнюдь не являются монополией языка художественной литературы. Проследите за своей речью, и вы увидите, как часто их употребляете. Десятки всем известных устойчивых выражений, фразеологических оборотов, построены на сравнении (правда, уже «стёртом»): *белый как снег, биться как рыба об лёд, бояться как огня, везёт как утопленнику, вертеться как белка в колесе, здоров как бык, знать как свои пять пальцев, летит как стрела, мечется как угорелый, острый как бритва, похожи как две капли воды, пристал как банный лист, работает как вол, свалился как снег на голову, спал как убитый, стоит как истукан, труслив как заяц, упрям как осёл, устал как собака* и др.

И не так уж мало в нашей повседневной речи образных определений-эпитетов, метафор и т.д., только не всегда мы их замечаем, потому что в значительной мере наша речь «автоматизирована», состоит из готовых выражений, извлекаемых из памяти.

Но это не всё. Изобразительно-выразительные средства языка широко используются в публицистических жанрах и нередко встречаются в научной речи, когда необходима живость изложения, образность и эмоциональная яркость высказывания. Эти средства усиливают действенность слова благодаря тому, что к логике содержания добавляется экспрессивность его выражения. Доказательств этого много в произведениях различных стилей.

Многочисленные примеры использования образных средств языка встречаются в критических работах В.Г. Белинского (вспомните его гневное «Письмо к Гоголю»), Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева, в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина.

О языке учёных нередко говорят, что он отличается «сухостью», лишён элементов образности и эмоциональности. Однако это не всегда так: нередко в научных работах очень удачно используются эмоционально-экспрессивные и изобразительно-выразительные средства языка, которые, дополняя чисто научное изложение, придают научной прозе убедительность.

Например, никак нельзя признать «сухим» такой фрагмент из научной статьи великого русского хирурга И. Пирогова:

Подобно каллиграфу, который разрисовывает по бумаге сложные фигуры одним и тем же росчерком пера, умелый оператор может придать разрезу самую различную форму, величину и глубину одним и тем же взмахом ножа... Как скоро вы привели этот лоскут в плотное соприкосновение с окровавленными краями кожи, жизнь его изменяется, он, подобно растению, пересаженному на чужую почву, вместе с новыми питательными соками получает и новые свойства. Он, как чужеродное растение, начинает жить за счёт другого, на котором прозябает: он, как новопривитая ветка, требует, чтобы его холили и тщательно сберегали, пока он не породнится с тем местом, которое хирург назначает ему на всегдашнее пребывание.

В XIX в. Пирогов использовал сравнения в научном описании хирургической операции, а в XX в. русский учёный-радиофизик В.И. Сифоров прибегает к образному сравнению, рассказывая об исследовании далёких планет:

Мощность отражённого сигнала при радиолокации планет ничтожно мала. Представьте себе, что чайник кипятку вылили в океан, а где-нибудь за тысячи километров вычерпнули из моря стакан воды. По идее вылитый кипяток «немного» нагрел мировой океан. Так вот, избыточная тепловая энергия в произвольно вычерпнутом стакане морской воды того же порядка, что и энергия сигнала, отражённого от Венеры.

Уж на что, казалось бы, «сух» язык официальных документов, деловых бумаг. Этот стиль характеризуется своей замкнутостью, устойчивостью, консерватизмом, наличием многочисленных речевых стандартов-клише. Однако и здесь не без исключений. Некоторые государственные документы выделяются иной стилистической окраской — приподнятостью тона, метафорическим словоупотреблением, образной фразеологией:

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощённых, измученных и истерзанных войной [Первой мировой] рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран, — миром, которого самым определённым и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне... — таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т.е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций. (*Из Декрета Второго Всероссийского съезда Советов о мире. 1917 г.*)

Изобразительно-выразительные средства языка можно разделить на две группы: на тропы и на стилистические фигуры.

Тропы помогают ярко изобразить предметы и явления действительности и ассоциативно связаны с теми ощущениями, которые мы получаем при помощи наших чувств (зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса). Эти средства можно назвать **изобразительными**.

Стилистические (или риторические) **фигуры** призваны усиливать выразительность высказывания особой организацией языкового материала, в первую очередь специальным синтаксисом. Эти средства можно назвать **выразительными**.

Следует, однако, заметить, что строгого разграничения изобразительных и выразительных средств языка, тропов и стилистических фигур, нет: в большинстве случаев они тесно связаны между собой, переплетаются друг с другом.

Эпитеты, сравнения, метафоры...

Троп — это оборот речи, в котором слово или выражение употреблено в переносном значении. В основе тропа лежит сопоставление двух понятий, которые представляются нам близкими в каком-либо отношении. Наиболее распространённые виды тропов — это эпитет, сравнение, метафора, метонимия, синекдоха, гипербола, литота, ирония, аллегория, олицетворение, перифраз(а).

Эпитет — это слово, образно определяющее предмет, явление или действие и подчёркивающее в них какое-либо характерное свойство, качество. Например, в предложении *Быстро мелькают золотые дни беспечного, весёлого детства* (Д. Григорович) прилагательные служат средством художественного изображения и выступают в роли эпитетов. Такую же роль играет наречие *гордо*: *Между тучами и морем гордо реет Буревестник* (М. Горький) или существительное *волшебница* в предложении: *И вот сама идёт волшебница зима* (А. Пушкин). Чаще всего в функции эпитетов употребляются прилагательные и наречия благодаря присущей им многозначности.

Но не торопитесь сделать вывод, что чем больше в описаниях и повествованиях эпитетов, тем лучше. Полезно вспомнить совет А.П. Чехова: «Вычёркивайте, где можно,

определения существительных и глаголов... Понятно, когда я пишу: „Человек сел на траву“; это понятно, потому что ясно и не задерживает внимания. Наоборот, неудобопонятно и тяжеловато для мозгов, если я пишу: „Высокий, узкогрудый, среднего роста человек с рыжей бородкой сел на зелёную, уже измятую пешеходами траву, сел бесшумно, робко и пугливо оглядываясь“».

Сравнение — это сопоставление двух предметов, явлений с целью пояснить одни из них при помощи других. Л.Н. Толстой считал, что «сравнение — одно из естественнейших и действительнейших средств для описания». Стилистическая функция сравнения — создание художественной образности. Например, в предложении *Могучий дуб стоит, как боец, подле красивой липы* (И. Тургенев) дерево сравнивается с живым существом и создаётся художественный образ, чему, в частности, способствует сопоставление слов мужского и женского рода (*дуб — липа*). А в предложении *Как выжженная палами степь, черна стала жизнь Григория* (М. Шолохов) образное восприятие мрачной, выжженной степи переносится на внутреннее состояние героя романа.

Сравнения выражаются различными способами:

1) оборотами с союзами (*как, словно, будто, точно* и др.): *Воздух чист и свеж, как поцелуй ребёнка* (М. Лермонтов); *Он бежал быстрее, чем лошадь* (А. Пушкин);

2) формой сравнительной степени прилагательного или наречия: *И является она у дверей иль у окна ранней звёздочки светлее, розы утренней свежее* (А. Пушкин);

3) существительным в форме творительного падежа: *В груди её птицею пела радость* (М. Горький);

4) лексически (при помощи слов *подобный, похожий* и др.): *Её любовь к сыну была подобна безумию* (М. Горький); *На глаза осторожной кошки похожи твои глаза* (А. Ахматова).

Наряду с простыми сравнениями, в которых два явления сближаются по какому-либо общему у них признаку, используются сравнения развёрнутые, в которых сопоставляются многие схожие черты:

Чичиков всё ещё стоял неподвижно на одном и том же месте, как человек, который весело вышел на улицу с тем, чтобы прогуляться, с глазами, расположенными глядеть на всё, и вдруг неподвижно остановился, вспомнив, что он позабыл что-то, и уж тогда глупее ничего не может быть такого человека: беззаботное выражение слетает с лица его; он силится припомнить, что позабыл он, не платок ли, но платок в кармане, не деньги ли, но деньги тоже в кармане; всё, кажется, при нём, а между тем какой-то неведомый дух шепчет ему в уши, что он позабыл что-то.

(Н. Гоголь)

Метафора — это слово или выражение, которое употребляется в переносном смысле для обозначения какого-либо предмета или явления на основе сходства его в каком-нибудь отношении с другим предметом или явлением. Например, в предложении *Куда, куда вы удалились, весны моей златные дни?* (А. Пушкин) слово *весна* метафорически употреблено в значении «юность». Метафора — один из наиболее распространённых тропов, так как сходство между предметами или явлениями может быть основано на самых различных чертах (сравните привычные выражения в обиходной речи: *встаёт солнце, идёт дождь, пришла зима* и т.п., уже не воспринимаемые как метафора).

Подобно сравнению, метафора бывает не только простой, но и развёрнутой, т.е. может быть построена на различных ассоциациях по сходству: *Вот охватывает ветер стаи волн объёмом крепким и бросает их с размаха в дикой злобе на утёсы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады* (М. Горький).

Но, создавая живописную наглядность и эмоциональность описания, не следует забывать, что неуместно или в избытке употреблённые метафоры могут сделать речь неоправданно «цветистой» и трудной для понимания. А.С. Пушкин в статье «О прозе»

высмеивал некоторых писателей, «которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами. <...> Должно бы сказать: *рано поутру*, а они пишут: *Едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба* — ах, как это всё ново и свежо, разве оно лучше потому только, что длиннее».

Метонимия — это слово или выражение, которое употребляется в переносном значении на основе разного рода связей между двумя предметами или явлениями. Так, в стихах *Ты вёл мечи на пир обильный; всё пало с шумом пред тобой* (А. Пушкин) слово *мечи* употреблено вместо слова *воины*, т.е. вместо названия владельцев этих мечей.

Упомянутая связь может быть:

1) между содержимым и содержащим: *Я три тарелки съел* (И. Крылов) (т.е. «три тарелки ухи»);

2) между автором и его произведением: *Читал охотно Апулея, а Цицерона не читал* (А. Пушкин) (т.е. «произведения этих писателей»);

3) между действием (или его результатом) и орудием этого действия: *Их сёла и нивы за буйный набег обрёл он мечам и пожарам* (А. Пушкин) (т.е. «разорению, уничтожению»); *Перо его местию дышит* (А.К. Толстой) (т.е. «письмо, написанное этим пером»);

4) между предметом и материалом, из которого предмет сделан: *Янтарь в устах его дымился* (А. Пушкин) (т.е. «янтарная трубка для курения»);

5) между местом действия и людьми, находящимися на этом месте: *Ложки блещут; партер и кресла — всё кипит* (А. Пушкин) (т.е. «зрители, сидящие в партере и в креслах»).

Синекдоха — это разновидность метонимии, основанная на перенесении значения с одного явления на другое по признаку количественного отношения между ними. Обычно синекдоха — это употребление:

1) единственного числа вместо множественного: *И слышно было до рассвета, как ликовал француз* (М.Лермонтов) (т.е. «французы»);

2) множественного числа вместо единственного: *Мы все глядим в Наполеоны* (А. Пушкин) (т.е. «хотим быть похожими на Наполеона»);

3) название части вместо названия целого: — *Имеете ли вы в чём-нибудь нужду? — В крыше для моего семейства* (А. Герцен) (т.е. «в доме под крышей»);

4) родового названия вместо видового: *Ну что ж, садись, светило* (В. Маяковский) (т.е. «солнце»);

5) видового названия вместо родового: *Пуще всего береги копейку* (Н. Гоголь) (т.е. «деньги»).

Разнообразие значений, присущих метонимии и синекдохе, позволяет широко использовать эти тропы в произведениях разных стилей, главным образом в художественной литературе и в публицистике, где наряду с метафорой они создают живописность и экспрессивность речи. Например: *Детство бегало босиком* (В. Солоухин); *Шутила зрелость, пела юность* (А. Твардовский) — здесь метонимии *детство* в значении «дети, детвора», *зрелость* в значении «взрослые люди» и *юность* в значении «юноши», конечно, выразительнее, чем заменяемые ими слова в прямом значении.

Гипербола — это образное выражение, содержащее непомерное преувеличение размера, силы, значения и т.д. какого-либо предмета или явления: *Редкая птица долетит до середины Днепра* (Н. Гоголь); *В сто сорок солнц закат пылал* (В. Маяковский).

Литота — это выражение, содержащее непомерное преуменьшение размера, силы, значения какого-либо предмета или явления: *Ваши шипцы, прелестный шипцы, не более напёрстка* (А. Грибоедов).

Возможно одновременное использование гиперболы и литоты: *Дивно устроен наш свет... Тот имеет отличного повара, но, к сожалению, такой маленький рот, что больше двух кусочков никак не может пропустить; другой имеет рот величиною в арку главного штаба, но, увы, должен довольствоваться каким-нибудь немецким обедом из картофеля* (Н. Гоголь).

Ирония — это троп, состоящий в употреблении слова или выражения в смысле, обратном буквальному, прямому, что создаёт тонкую насмешку: *Отколе, умная, бредёшь ты, голова?* (И. Крылов) (в обращении к ослу).

Высшей степенью иронии является **сарказм**, т.е. злая насмешка:

За всё, за всё тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей,
За жар души, растроченный в пустыне,
За всё, чем я обманут в жизни был...

(М. Лермонтов)

Умелое использование таких выразительных средств, как гипербола и ирония, оживляют речь, в частности разговорную. Но не забывайте, что их нельзя понимать буквально и что ирония — это тонкая насмешка, а не грубое издевательство.

Аллегория (иносказание) — это троп, заключающийся в иносказательном изображении отвлечённого понятия при помощи конкретного жизненного образа. Аллегория часто используется в баснях и сказках, где носителями свойств людей выступают животные, предметы, явления природы. Например: хитрость показывается в образе лисы, жадность — в образе волка, коварство — в образе змеи.

Сравните принятые художественно-графические аллегории: правосудие — женщина с завязанными глазами, надежда — якорь, свобода — разорванные цепи, мир — белый голубь, медицина — змея и чаша.

Олицетворение — это троп, состоящий в перенесении свойств человека на неодушевлённые предметы или отвлечённые понятия: *Утешится безмолвная печаль и резвая задумается радость* (А. Пушкин); *К ней прилегла в опочивальне её сиделка — тишина* (А. Блок). Подобно аллегории, олицетворение широко используется в сказках, в художественной литературе, особенно в баснях.

Перифраз(а) — это оборот, состоящий в замене названия лица, предмета или явления описанием их существенных признаков либо указанием на их характерные черты: *Ты знаешь край, где всё обильем дышит, где реки льются чище серебра...* (А.К. Толстой) (вместо *Италия*); автор «*Героя нашего времени*» (вместо М.Ю. Лермонтов); *царь зверей* (вместо *лев*

); *царица цветов* (вместо *роза*); *Страна восходящего солнца* (вместо *Япония*). Сравните у А.С. Пушкина: *творец Макбета* (т.е. *Шекспир*), *певец Гяура и Жуана* (т.е. *Байрон*), *певец Литвы* (т.е. *Мицкевич*).

Большой перечень тропов доказывает широкие возможности использования выразительных средств русского языка. Но речь украшают не обилие тропов, не излишняя «цветистость», а простота и естественность. Так понимал хорошую речь и А.С. Пушкин: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат».

Анафоры, антитезы, инверсии...

Большими выразительными возможностями обладают особые синтаксические построения, так называемые стилистические или риторические фигуры. Этих фигур много: анафора, эпифора, параллелизм, антитеза, градация, инверсия, эллипсис, умолчание, риторическое обращение и вопрос, многосоюзие и бессоюзие.

Анафора (единоначатие) — это повторение слов или оборотов (иногда звуков) в начале отдельных частей высказывания. Если повторяются одинаковые слова, то это лексическая анафора:

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди...
Жди, когда наводят грусть
Жёлтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придёт...

(К. Симонов)

Если повторяются однотипные синтаксические конструкции, то это синтаксическая анафора:

Я стою у высоких дверей,
Я слежу за работой твоей.

(М. Светлов)

Эпифора (концовка) — это повторение слов или выражений в конце смежных отрывков (предложений):

Милый друг, и в этом *тихом доме*
Лихорадка бьёт меня.
Не найти мне места в *тихом доме*
Возле мирного огня!

(А. Блок)

Параллелизм — это одинаковое синтаксическое построение соседних предложений или отрезков речи: *Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почёт* (В. Лебедев-Кумач). Примером параллелизма может служить известное стихотворение М.Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива»:

Когда волнуется желтеющая нива
И свежий лес шумит при звуке ветерка, <...>

Когда, росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой, <...>

Когда студёный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон, <...>

Тогда смиряется души моей тревога...

Стилистические фигуры могут совмещаться (например, анафора, эпифора и параллелизм):

*Я не знаю, где граница
Между Севером и Югом,
Я не знаю, где граница
Меж товарищем и другом...*

*...Я не знаю, где граница
Между пламенем и дымом,
Я не знаю, где граница
Меж подругой и любимой.*

(М. Светлов)

Как показывают примеры, названные выше стилистические фигуры используются преимущественно в стихотворной речи. Это объясняется своеобразием стихотворного текста — членением на строфы, на отдельные строчки. Но есть стилистические фигуры, присущие не только поэтической речи, но и прозаической. Они встречаются в текстах художественной литературы и публицистики, где важную роль играет эмоциональность и экспрессивность речи. В частности, для ораторского стиля характерно использование таких фигур, как умолчание, риторическое обращение, риторический вопрос.

Антитеза — это оборот, в котором для усиления выразительности речи резко противопоставляются понятия (антонимы), явления, предметы: *Богатый и в будни пирует, а бедный и в праздник горюет* (пословица).

Градация — это расположение слов в предложении в порядке изменения значения. Градация может быть возрастающей:

*Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдет, как с белых яблонь дым.*

(С. Есенин)

*Не вздумай бежать!
Это я
вызвал.
Найду.
Загоню.
Доконую.
Замучу!*

(В. Маяковский)

Реже встречается нисходящая градация:

Присягаю ленинградским ранам,
Первым разорённым очагам:
Не сломлюсь, не дрогну, не устану,
Ни крупницы не прощу врагам.

(О. Бергольц)

Инверсия — это расположение членов предложения в особом порядке, нарушающем «обычный», так называемый прямой порядок: *Изумительный наш народ* (И. Эренбург); *Душа к высокому тянется* (В. Панова).

Эллипсис — это пропуск какого-либо члена предложения (который подразумевается) с целью придать высказыванию динамичность, интонацию живой речи: *Мужики — за топоры* (А.Н. Толстой); *Офицер — из пистолета, Тёркин — в мягкое итыком* (А. Твардовский).

Умолчание — это оборот речи, заключающийся в том, что автор намеренно не до конца выражает мысль, предоставляя читателю или слушателю самому догадываться о невысказанном:

Нет, я хотел... быть может, вы... я думал,
Что уж барону время умереть.

(А. Пушкин)

Риторическое обращение — это стилистическая фигура, состоящая в подчёркнутом обращении к кому-либо или чему-либо не столько для называния адресата речи, сколько для того, чтобы выразить отношение к тому или иному лицу либо предмету, дать его характеристику: *Шумы, шуми, послушное ветрило, волнуйся подо мной, угрюмый океан* (А. Пушкин); *Тише, ораторы! Ваше слово, товарищ маузер* (В. Маяковский).

Риторический вопрос — это стилистическая фигура, состоящая в том, что вопрос ставится не с целью получить на него ответ, а чтобы привлечь внимание читателя или слушателя к предмету речи: *Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи!* (И. Гоголь);

Советская Россия,
Родная наша мать!
Каким высоким словом
Мне подвиг твой назвать?
Какой великой славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой —
Что ты перенесла?..

(М. Исаковский)

Многосоюзи — это такое построение речи, при котором намеренно повторяются союзы, поставленные между членами простого предложения или между частями сложного предложения (это делается для их логического и интонационного подчёркивания, показа единства перечисляемого): *Нам тошен был и мрак темницы, и сквозь решётки свет денницы, и стражи клик, и звон цепей, и лёгкий шум залётной птицы* (А. Пушкин);

По ночам горели дома, и дул ветер, и от ветра качались чёрные тела на виселицах, и над ними кричали вороны (А. Куприн).

Бессоюзи — это такое построение речи, при котором намеренно пропускаются союзы между членами простого предложения или между частями сложного предложения с целью придать высказыванию динамичность: *Швед, русский — колет, рубит, режет, бой барабанный, клики, скрежет, гром пушек, топот, ржанье, стон...* (А. Пушкин).

Выразителен текст, в котором одновременно используется и бессоюзие, и многосоюзие:

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слёз, без жизни, без любви. <...>

И сердце бьётся в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слёзы, и любовь.

(А. Пушкин)

Но не следует думать, что стилистические фигуры используются только в художественных текстах, где слово выступает прежде всего в своей эстетической функции. Подобно тропам стилистические фигуры находят широкое применение и в других стилях, например в публицистическом.

Познакомившись с изобразительно-выразительными средствами языка мы смогли ещё раз убедиться в богатстве и разнообразии стилистических ресурсов русского языка, его образных средств. Но, как гласит французская поговорка, нередко получаются «хлопоты от богатства», т.е. от неумения разумно пользоваться своим достоянием.

В средствах массовой информации, в письменных работах учащихся, в разговорной речи не так уж редко встречается такое использование изобразительно-выразительных средств языка, которое приводит к результатам, прямо противоположным тем, которых пытался достичь автор: текст производит впечатление искусственности, нарочитости, неправдоподобия.

Например, автор одной газетной статьи утверждал, что «как бы ни злобствовали офашистившиеся вояки, как бы ни бряцали они атомными и водородными бомбами, — дело мира победит». Не говоря уже о сомнительном неологизме «офашистившиеся», следует отметить неуместность употребления в данном контексте выражения «бряцать атомными и водородными бомбами»: ведь *бряцать* — это «издавать металлические звуки ударами твёрдых предметов»; переносное значение сочетания *бряцать оружием* — «грозить войной». Автор, очевидно, и имел в виду переносное значение, но не учёл, что атомные и водородные бомбы мало пригодны для того, чтобы ими бряцали.

Здесь нелишне вспомнить совет А.П. Чехова не злоупотреблять эпитетами-прилагательными и распространить этот совет на использование всех изобразительно-выразительных средств языка вообще: не увлекайтесь ими, а тот их запас, которым вы владеете, расходуйте экономно и разумно.

ПО ПРАВИЛАМ ОРФОЭПИИ

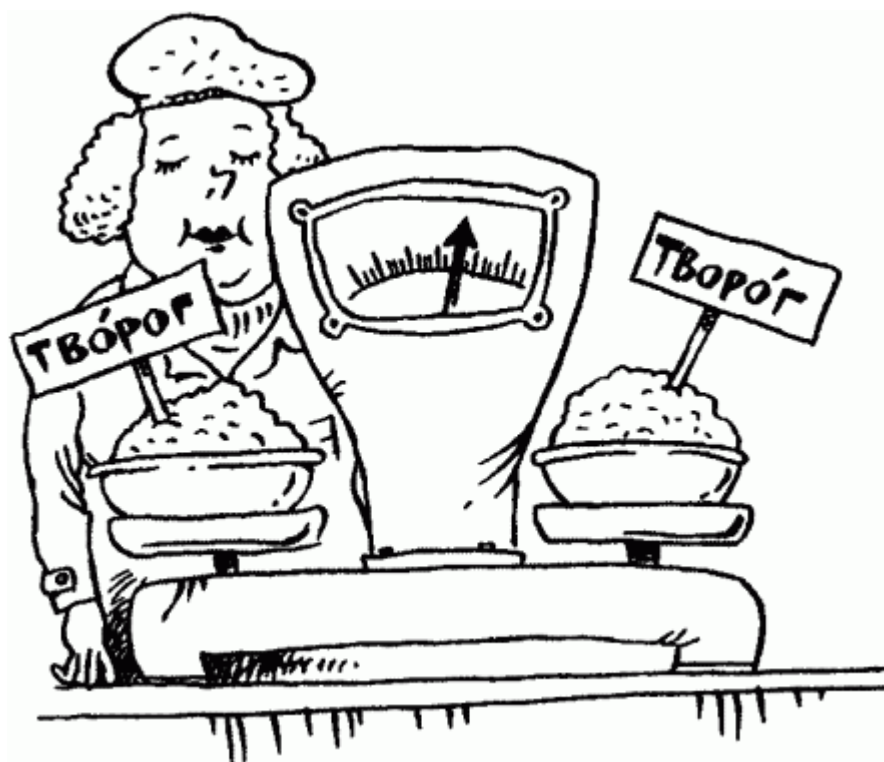
Разговорная речь представляет собой своеобразную систему, существующую параллельно с книжной речью в пределах общенационального языка. Один французский учёный-языковед утверждал (и справедливо!), что «мы никогда не говорим так, как пишем, и редко пишем так, как говорим». А знаменитый английский писатель Б. Шоу был уверен, что «есть пятьдесят способов сказать „да“ и пятьсот способов сказать „нет“ и только один способ это написать». Так или иначе, но противопоставление двух форм языка, устной и письменной, имеет достаточные основания. Не будем останавливаться на особенностях повседневно-обиходной речи; а поговорим о другом — о нормах литературного ударения и произношения, без соблюдения которых не приходится говорить о речи грамотной в полном смысле этого слова.

Орфоэпией называют учение о нормативном произношении звуков данного языка, совокупность правил устной речи, устанавливающих единообразие литературного произношения. Включают сюда и вопросы ударения и интонации, имеющие важное значение для устной речи.

С петлѐй или с пѐтлей ?

На вопрос, заданный в заголовке, все ответят по-разному. Одни произнесут с *пѐтлей* (что считается нормой, закреплённой в большинстве словарей), а другие — (и их большинство) — с *петлѐй*.

Чаще всего колебания в ударении объясняются наличием двух произносительных вариантов — книжного (традиционного) и разговорного: *кѐта* — *кета*, *творо́г* — *твóрог* и др.

Трудности русского ударения связаны, как известно, с двумя его особенностями. Во-первых, оно разноместно, не связано с определённым слогом в слове, как в некоторых других языках. Во-вторых, оно подвижно, т.е. может переходить с одного слога на другой при изменении (склонении или спряжении) слова. Вряд ли нужно напоминать, что навыки правильно ставить ударение являются существенным элементом речевой культуры.

Справиться с русским ударением нелегко, но трудности надо преодолевать. Если ударение в начальной форме многих и многих слов приходится запоминать (или проверять, заглядывая в словари-справочники), то для определения места ударения в производных формах слов тех или иных грамматических разрядов (например *гуся́* или *гуся́*? *реку́* или *реку́*?) существуют свои правила.

Так, многие односложные существительные мужского рода имеют в форме родительного падежа единственного числа ударение на окончании; *бинт — бинта́*, *блин — блина́*, *боб — боба́*, *бобр — бобра́*, *винт — винта́*, *вред — вреда́*, *герб — герба́*, *горб — горба́*, *гриб — гриба́*, *жгут — жгута́*, *зонт — зонта́*, *кит — кита́*, *клок — клока́*, *клык — клыка́*, *ковиш — ковиша́*, *крот — крота́*, *крюк — крюка́*, *куль — куля́*, *льня — льня́*, *пласт — пласта́*, *плод — плода́*, *сери́ — сериа́*, *сиг — сига́*, *скирд — скирда́*, *след — следа́*, *хорь — хоря́*, *цеп — цепа́*, *челн — челна́*, *шест — шеста́* и др.

Что касается *гуся́*, то здесь возможны два варианта ударения — и *гуся́*, и *гуся́*. И таких слов немало: *пруда́* и *пруда́*, *плута́* и *плута́*, *жезла́* и *жезла́*, *груздя́* и *груздя́* и др.

Существительные женского рода в форме винительного падежа единственного числа имеют частично ударение на окончании, а частично на основе:

1) *беду́*, *ботву́*, *броню́* (защитная обшивка), *вдову́*, *весну́*, *графу́*, *десну́*, *длину́*, *дыру́*, *змею́*, *золу́*, *избу́*, *кирку́*, *козу́*, *нору́*, *овцу́*, *ольху́*, *пилу́*, *плиту́*, *полу́*, *росу́*, *скалу́*, *слону́*, *смолу́*, *сову́*, *соху́*, *стопу́*, *страну́*, *строфу́*, *струну́*, *траву́* и др.;

2) *бороду́*, *гору́*, *доску́*, *землю́*, *зиму́*, *пору́*, *спину́*, *сте́ну*, *це́ну*, *ще́ку* и др.

У ряда слов возможны два варианта ударения: *борону́* и *борону́*, *реку́* и *реку́*, *кету́* и *кету́* и др.

С ударением на окончании произносятся некоторые односложные существительные женского рода 3-го склонения при употреблении с предлогами *в* и *на* в обстоятельном значении: *в горсти́*, *на груди́*, *в кости́*, *в крови́*, *в ночи́*, *на печи́*, *в связи́*, *в степи́*, *в тени́*, *на цепи́*, *в чести́* и др. Однако: *на двери́* и *на двери́*, *в клети́* и *в клети́* и др.

Часть существительных 3-го склонения в форме родительного падежа множественного числа произносятся с ударением на основе, а часть — с ударением на окончании:

1) *возвышенностей, глупостей, дерзостей, местностей, пастей, почестей, прибылей, проповедей, прядей, прорубей, радостей, шалостей* ;

2) *ветвей, горстей, должностей, жердей, кистей, крепостей, лопастей, мастей, мелочей, новостей, областей, очередей, плетей, плоскостей, площадей, повестей, ролей, сетей, скатертей, скоростей, степеней, стерлядей, теней, тростей, четвертей, щелей* и др. Однако возможно: *отраслей и отраслей, ведомостей и ведомостей* и др. Иногда предлоги принимают на себя ударение, и тогда следующее за ними существительное (или числительное) оказывается безударным: *час от часу, год от году; до ночи, до полу* и т.п. Чаще всего ударение перетягивают на себя предлоги:

— на: *на ногу, на гору, на руку, на спину, на зиму, на душу, на стену, на голову, на сторону; на берег, на год, на дом, на нос, на угол, на ухо, на день, на ночь, зуб на зуб; на два, на три, на шесть, на десять, на сто* ;

— за: *за ногу, за голову, за волосы, за руку, за спину, за зиму, за душу; за нос, за год, за город; за ухо, за уши, за ночь; за два, за три, за шесть, за десять, за сорок, за сто* ;

— по: *по морю, по полю, по лесу, по полу, по носу, по уху; по два, по три, по сто, по двое, по трое* ;

— под: *под ноги, под руки, под гору, под нос, под вечер* ;

— из: *из носу* ;

— без: *без вести, без толку, без году неделя* .

Однако: *из виду и из виду, из дому и из дому, из лесу и из лесу, на воду и на воду* и др.

Многие краткие прилагательные (без суффиксов в основе или с суффиксами -к-, -л-, -н-, -ок- в большинстве случаев имеют ударение на первом слоге основы во всех формах, кроме формы единственного числа женского рода (где оно переходит на окончание). Но некоторые из этих прилагательных имеют во множественном числе параллельную форму с ударением на окончании: *блѣден, блѣдна, блѣдно, блѣдны; близок, близка, близко, близки; боек, бойка, бойко, бойки; весел, весела, весело, веселы; вреден, вредна, вредно, вредны; глуп, глупа, глупо, глупы; глух (лишѣн слуха), глуха, глухо, глухи; голоден, голодна, голодно, голодны; горд, горда, гордо, горды; горек, горька, горько, горьки; груб, груба, грубо, грубы; густ, густа, густо, густы; дешев, дешева, дешево, дешевы; долог, долга, долго, долги; дорог, дорога, дорого, дороги; дружен, дружна, дружно, дружны; жалок, жалка, жалко, жалки; жив, жива, живо, живы; зелен, зелена, зелено, зелены; крепок, крепка, крепко, крепки; кроток, кротка, кротко, кротки; молод, молода, молодо, молоды; прав, права, право, правы; пуст, пуста, пусто, пусты; редок, редка, редко, редки; светел, светла, светло, светлы; сыт, сыта, сыто, сыты; тесен, тесна, тесно, тесны; туп, тупа, тупо, тупы; холоден, холодна, холодно, холодны* .

Затруднения вызывает постановка ударения у ряда глаголов в форме прошедшего времени. Здесь можно выделить три группы глаголов:

1) с ударением на основе во всех формах: *бить — бил, била, било, били; брить — брил, брила, брило, брили; дуть — дул, дула, дуло, дули; жать — жал, жала, жало, жали; класть — клал, клала, клало, клали; красть — крал, крала, крало, крали; крыть — крыл, крыла, крыло, крыли; мыть — мыл, мыла, мыло, мыли; мять — мял, мяла, мяло, мяли; пасть — пал, пала, пало, пали; ржать — ржал, ржала, ржало, ржали; шить — шил,шила, шило, шили* ;

2) с ударением на основе во всех формах, кроме формы женского рода (в которой ударение переходит на окончание): *брать — брал, брала, бра́ло, бра́ли; быть — был, была́, было́, бы́ли; вить — вил, ви́ла, ви́ло, ви́ли; внять — внял, вня́ла, вня́ло, вня́ли; врать — врал, вра́ла, вра́ло, вра́ли; гнать — гнал, гна́ла, гна́ло, гна́ли; драть — драл, дра́ла, дра́ло, дра́ли; жить — жил, жи́ла, жи́ло, жи́ли; звать — звал, зва́ла, зва́ло, зва́ли; лить — лил, ли́ла, ли́ло, ли́ли; пить — пил, пи́ла, пи́ло, пи́ли; плыть — плыл, плы́ла, плы́ло, плы́ли; рвать — рвал, рва́ла, рва́ло, рва́ли; снять — снял, сня́ла, сня́ло, сня́ли; спать — спал, спа́ла, спа́ло, спа́ли* и

др. Однако: *взять* — *взял, взяла, взяло, взяли*; *дать* — *дал, дала, дало, дали* и др.;

3) с ударением на приставке во всех формах, кроме формы женского рода (в которой ударение переходит на окончание): *донять* — *донял, доняла, доняло, доняли*; *замереть* — *замер, замерла, замерло, замерли*; *занять* — *занял, заняла, заняло, заняли*; *запереть* — *запер, заперла, заперло, заперли*; *нанять* — *нанял, наняла, наняло, наняли*; *начать* — *начал, начала, начало, начали*; *отбыть* (уехать) — *отбыл, отбыла, отбыло, отбыли*; *понять* — *понял, поняла, поняло, поняли*; *прибыть* — *прибыл, прибыла, прибыло, прибыли*; *принять* — *принял, приняла, приняло, приняли*; *проклясть* — *проклял, прокляла, прокляло, прокляли*; *убыть* — *убыл, убыла, убыло, убыли*; *умереть* — *умер, умерла, умерло, умерли*.

Некоторые из глаголов допускают параллельную форму с ударением на корне: *дожить* — *дожил, дожила, дожило, дожили*; *допить* — *допил, допила, допило, допили*; *задать* — *задал, задала, задало, задали*; *нажить* — *нажил, нажила, нажило, нажили*; *отнять* — *отнял, отняла, отняло, отняли*; *отпить* — *отпил, отпила, отпило, отпили*; *подать* — *подал, подала, подало, подали*; *поднять* — *поднял, подняла, подняло, подняли*; *продать* — *продал, продала, продало, продали*; *прожить* — *прожил, прожила, прожило, прожили*; *пролить* — *пролил, пролила, пролило, пролили* и др.

Аналогичное явление наблюдается у некоторых страдательных причастий прошедшего времени: в форме женского рода в одних случаях ударение падает на окончание, в других — на приставку:

1) *взятый* — *взят, взята, взято, взяты*; *витый* — *вит, вита, вито, виты*; *изжитый* — *изжит, изжита, изжито, изжиты*; *начатый* — *начат, начата, начато, начаты*; *принятый* — *принят, принята, принято, приняты*. Однако: *доданный* — *додан, dodана, dodано, dodаны*; *отданный* — *отдан, отдана, отдано, отданы*; *приданный* — *придан, придана, придано, приданы*; *проданный* — *продан, продана, продано, проданы*; *розданный* — *роздан, роздана, роздано, розданы*; *созданный* — *создан, создана, создано, созданы*;

2) *вобранный* — *вобран, вобрана, вобрано, вобраны*; *добранный* — *добран, добрана, добрано, добраны*; *забранный* — *забран, забрана, забрано, забраны*; *задранный* — *задран, задрана, задрано, задраны*; *зазванный* — *зазван, зазвана, зазвано, зазваны*; *избранный* — *избран, избрана, избрано, избраны*; *изодранный* — *изодран, изодрана, изодрано, изодраны*; *набранный* — *набран, набрана, набрано, набраны*; *названный* — *назван, названа, названо, названы*; *отобранный* — *отобран, отобрана, отобрано, отобраны*; *отодранный* — *отодран, отодрана, отодрано, отодраны*; *отозванный* — *отозван, отозвана, отозвано, отозваны*; *подобраный* — *подобран, подобрана, подобрано, подобраны*; *позванный* — *позван, позвана, позвано, позваны*; *прерванный* — *прерван, прервана, прервано, прерваны*; *прибранный* — *прибран, прибрана, прибрано, прибраны*; *призванный* — *призван, призвана, призвано, призваны*; *прозванный* — *прозван, прозвана, прозвано, прозваны*; *собранный* — *собран, собрана, собрано, собраны*; *созванный* — *созван, созвана, созвано, созваны* и др. Однако: *запроданный* — *запродан, запродана, запродано, запроданы*.

В глаголах на *-ировать* выделяются две группы: с ударением на *и* (их большинство) и с ударением на *а*:

1) *баллотировать, бальзамировать, блокировать, гарантировать, дебатировать, дирижировать, дисквалифицировать, дискредитировать, дискутировать, диспутировать, дистиллировать, дисциплинировать, дифференцировать, запланировать, иллюстрировать, инсценировать, информировать, квалифицировать, компрометировать, конкурировать, констатировать, копировать, ликвидировать, маневрировать, манкировать, минировать, оперировать, парировать, ратифицировать, рафинировать, реабилитировать, регистрировать, резюмировать, скальпировать, суммировать, телеграфировать, третировать, транспортировать, утрировать, формулировать, форсировать, фотографировать, цитировать, шокировать, эвакуировать* и др.;

2) *бомбардировать, гофрировать, гравировать, гримировать, группировать, драпировать, запломбировать, лакировать, маршировать, маскировать, меблировать, пломбировать, премировать, формировать* и др. Однако: *газировать, нормировать* и др.

Аналогичные группы выделяются среди страдательных причастий прошедшего времени, образованных от глаголов на *-ировать* : форме на *-ировать* соответствует форма на *-ированный* , форме на *-и́ровать* — форма на *-ированный* :

1) *блоки́ровать* — *блоки́рованный*, *заплани́ровать* — *заплани́рованный*, *иллюстри́ровать* — *иллюстри́рованный*, *инсцени́ровать* — *инсцени́рованный*, *утри́ровать* — *утри́рованный* и т.д. Исключения типа: *дистилли́ровать* — *дистилли́рованный* ;

2) *бомбардиро́вать* — *бомбардиро́ванный*, *лакиро́вать* — *лакиро́ванный*, *пломби́ровать* — *пломби́рованный*, *преми́ровать* — *преми́рованный*, *форми́ровать* — *форми́рованный* и т.д. Соответственно: *газиро́вать* — *газиро́ванный*, *нормиро́вать* — *нормиро́ванный* и др.

В заключение напомним некоторые слова, постановка ударения в которых вызывает трудности.

а́вгустовский
авто́бус
авто́граф
аге́нт
аге́нство
аго́ния
агроно́мия
алкого́ль
алфа́вит
анато́м
ано́ним
апарта́менты и *апартаме́нты*
апосто́роф
арбу́з, *арбу́за*, мн. *арбу́зы*
аргу́ме нт
аре́ ст
аристокра́ тия
асбе́ ст
астроно́ м
а́ тлас (собрание географических карт)
атла́ с (ткань)
атле́т
а́томный
афе́ра

бало́ванный
балова́ть
баржа́ и *баржа́*
безу́держный
без умолку́
беспрецеде́тный
библиоте́ка
блоки́рованный
блоки́ровать, *блоки́руешь*
боя́знь
братание́
брататься́
бредовой́
бро́ня (закрепление чего-либо за кем-либо)

броня́ (защитная облицовка из стали)
буржуазия́
бытие́
бюрократия́

валовой
ваяние
ваятель
верба
вероисповедание
взрывной
видение (способность видеть)
видение (призрак)
волебство
вор, вора́, мн. вору́
ворота́
временщик
вторгнуться

гастрономия
гегемония
гектар
генезис
герб, герба́, мн. гербы́
глиссер
госпитальный
гравёр
грейпфрут
гренадер
грёнки
гусеница

давнийший
двоюродный
демократия
департамент
деспот
дефи́с
дециме́тр
дея́тельность
диагно́з
диало́г
диспансе́р [сэ]
добы́ча
догово́р, мн. догово́ры
договорённость
дозвони́ться, дозвони́шься
докуме́нт
до́ллар
донельзя
доска́, мн. до́ски, до́сок идосо́к, до́скам идоска́м
драматургия́

дремо́та

египтя́нин
еди́нство
ерети́к

железа́, мн.желе́зы, желе́з, железа́м
же́мчуг, мн.жемчу́га
жесто́ко

заброни́ровать (закрепить что-либо за кем-либо)
забронирова́ть (покрыть бронёй)

завидно
завсегда́тай
за́говор
заговори́к
заголо́вок
задо́лго
заём

завзвони́ть, завзвони́шь
заиндеветь изаиндеве́ть
заку́порить
занятой (человек)
за́нятый (дом)
заржа́веть изаржаве́ть
засу́ха
звони́ть, звони́шь
здрáвница
зимо́щик
злоба
знача́мость
зубча́тый

иерогли́ф
избало́ванный
избало́вать
избра́нник
извая́ние
изгна́нник
издавна
изобрете́ние
и́зредка
иконопись
иначе и́наче
инопле́менный
и́мпульс
индустри́я
инструме́нт
инциде́нт
искра
и́скриться и́скриться
и́сподволь

исте́кий
истерия
исчерпать и (разг.)исчерпа́ть

ка́мбала и (разг.)камбала́
камфа́ра икамфо́ра
камфа́рный икамфо́рный
ката́лог
катастро́фа
каучу́к
квартáл (часть города; четверть года)
кедрóвый
ке́та ике́та
ке́товый икетóвый
киломе́тр
кинематогра́фия
кирзо́вый и (разг.)кирзо́вый
кито́вый (ус)
кичи́ться
кладби́ще
кладо́вая
кожу́х
коклю́ш
колле́дж
коло́сс (гигант)
комба́йнер икомбайне́р
компа́с
ко́мплекс
компромети́ровать
красивее
креме́нь
кулина́рия икулина́рия
кухо́нный

лассо́
легкоатле́т
лени́ться
летарги́я
литогра́фия
ломота
ломо́ть

магази́н
манёвры
мастерски́
мастерство́
медикаме́нты
ме́льком и (разг.)мелько́м
металлурги́я и (разг. и проф.)металлу́ргия
метеоро́лог
ми́зерный и (реже)мизе́рный
молоде́жь

моноло́г
монумент
морко́вь
мускулистый и мускули́стый
муштра́
мыка́ться
мыта́рство

на́бело
наве́рное
наверх
нагово́р
наголо́ (остричь)
наголо́ (держатъ шашку)
надоу́мить
наиско́сь
накова́льня
нало́говый
намерение
наотма́шь
недои́мка
некроло́г
немота́
не́нависть
неподалёку
непревзойде́нный
несесе́р [нэсэ́эр]
нефтя́ник
новорожде́нный
нормиро́вать и (разг.) норми́ровать

обезу́меть
обеспе́чение
обесце́нить
обетова́нный
облегчи́ть
обмене́нный
ободрит́ь
обостри́ть
обы́денный
огу́лом
одолжи́ть, одолжи́шь
озлобле́нный
окно́, мн.о́кна, о́кон
олига́рхия
опе́ка
опери́ться
опто́вый
осве́домить
осведомле́нный
отку́порить
отча́сти

па́мятуя
пара́лич
па́ртёр [тэ]
паскви́ль
пахота́
пепели́ще
переведе́нный
пе́ристые (облака)
пе́тля и (разг.) петля́
планёр
плёсневеть
побасёнка
побелённый
побудить
поваре́нная (соль)
погру́женный (на платформу)
погру́жённый (в воду; в мысли)
подари́ть, подарить
подзаголо́вок
подметённый
поедо́м
пои́мка
по́ристый
портфе́ль
пору́чни
поста́мент
поутру́ (есть)
похоро́ны, на похоро́нах
предме́т
премирова́ть
претенде́нт
прецеде́нт
прибли́женный (к чему-либо)
прибли́жённый (близкий)
пригово́р
прида́ное
призы́в
призывни́к
призывно́й (пункт, возраст)
призы́вный (зовущий)
приноро́вленный
принуди́ть
принци́п
приобре́тение
про́клятый (преданный проклятию)
про́клятый (ненавистный)
про́сека и (реже)про́сек
проце́нт
псевдо́ним

разви́той (ребёнок), разви́тая (промышленность)

ра́звитый (ра́звитые в докладе положения)
развитый (локон)
раку́шка и (разг.) ра́кушка
рассерди́ться, рассерди́шься
револьве́р
ремень
ржа́веть и ржаве́ть
роман
рудник
руководи́ть, руководи́шь
ру́сло
рыси́стый

саже́нь иса́жень
салютова́ть, салюту́ешь
санитария́
сантиме́тр
свёкла
сечь, прош. сёк, секла́, секло́, секли́ (рубить)
силён
силос
симме́трия и симметриа́
сирота́, мн.сироты́
сложенный (из деталей)
сложённый (обладающий тем или иным телосложением)
случай
сметли́вый
соболезно́вание
соверше́нный (достигший совершенства)
соверше́нный (сделанный)
совреме́нный
созы́в
сосредото́чение
средство́, мн.средства́
стаби́льный
ста́тус
стату́т
ста́туя
стеногра́фия
столя́р
судно́
счастли́вый, сча́слив [сл]

тамо́жня
танцо́вица
твори́ть и (разг.)твори́ть
теплиться́
терро́р
тефтели́ и тефтели́
тигровый́
тира́ния
топли́вный

тошнота́
трене́р
тя́жба

у́голь, род.у́гля иу́гля
уго́льный (от уголь)
уго́льный (отугол)
украи́нский
уме́рший
упро́чение
усугу́бить иусугу́бить
ути́ль, ути́ля
утолще́нный
уце́ненный

факси́миле
фарфо́р
фейерве́рк
фено́мен ифеноме́н
фети́ш
фила́нтро́пия
фила́тели́я
фо́рум
фунда́мент

ха́нжество
ха́ос (в древнегреческой мифологии)
хаос ихаос (беспорядок)
хиру́ргия
хлопо́к (растение)
хлопо́к (удар)
хло́пковый
хода́тайство
хода́тайствовать, хода́тайствуешь
хозя́ева
холе́ный ихолё́ный
хребе́т
христиа́нин
хроно́граф
хроно́метр

це́мент
цитрусо́вые
цыга́н

чаба́н, чабана́
че́рпать

шасси́
швея́
шофё́р
штабы́ (мн.)

щавель
щеголиха
щегольский
щелочной
щепотка

экскурс
эксперт
экспертный
экспорт
эпиграф
эпилог

юродивый
юрта

языковой (относящийся к словесному выражению мыслей)
языковый (относящийся к органу в полости рта)
ячменный

На диктора равняйся!

Разумеется, речь пойдёт об образцовом литературном произношении дикторов радио и телевидения, профессиональных драматических артистов.

Нормативное произношение играет огромную роль в процессе общения людей. Всякое отступление от нормы в этой области отвлекает слушателя от содержания высказывания, мешает правильному его восприятию, вызывает чувство недовольства. Литературное произношение и ударение — важнейшие слагаемые звучащей речи. Поэтому необходимо знать основные правила произношения безударных гласных, звонких и глухих согласных,

отдельных звукосочетаний и грамматических форм.

Большую роль в нашем языке играют носовые согласные [м] и [н] и плавные согласные [л] и [р], с которых начинается значительная часть слов языка; эти согласные обладают большой звучностью и музыкальностью. Появление в речи множества мягких звуков объясняется такой фонетической особенностью языка, как смягчение согласных, стоящих перед гласными переднего ряда [и] и [е].

В русских словах почти отсутствуют трудно произносимые сочетания звуков, вследствие чего речь приобретает такие ценные качества, как лёгкость и плавность.

Большое значение имеет подвижное разноместное ударение, благодаря чему в сочетании с интонационным разнообразием создаётся ритмичность, музыкальность, выразительность речи.

Несколько слов о путях развития русского литературного произношения. Исторической его основой является московская речь, которая сложилась ещё в первой половине XVII в. К этому времени московское произношение лишилось диалектных черт, объединило в себе особенности произношения и северного и южного наречий русского языка. М.В. Ломоносов считал московское «наречие» основой литературного произношения: «Московское наречие не токмо для важности столичного города, но и для всей своей отменной красоты прочим справедливо предпочитается...»

С развитием русского национального языка московское произношение приобрело характер общенациональных произносительных норм. Выработавшаяся таким образом орфоэпическая система в своих основных чертах сохранилась и в настоящее время в качестве устойчивых произносительных норм литературного языка.

Однако нельзя не учитывать того, что за последнее столетие произошли коренные изменения во всех областях жизни нашего народа, что литературный язык стал достоянием многомиллионных народных масс и тем самым значительно расширился состав носителей литературного языка. Существенно изменился, особенно во второй половине XX в., национальный и социальный состав населения Москвы, — короче говоря, создались условия для «расшатывания» некоторых прежних орфоэпических норм и для появления новых произносительных вариантов, сосуществующих в наши дни со старыми нормами.

Следует учитывать также то обстоятельство, что стили литературного языка отличаются друг от друга не только в отношении лексики и грамматики: различия между ними распространяются и на область произношения. Так, можно говорить о двух разновидностях произносительного стиля — стиле книжном (высоком), который находит своё выражение в публичных выступлениях, лекциях и т.д., и стиле разговорном, проявляющемся в повседневной речи, в бытовом общении. Эти стили соответственно связаны с лексикой — книжной и разговорной. А между этими двумя стилями находится нейтральный стиль произношения.

Если отвлечься от лексики и оценивать только фонетическую сторону речи, то выделяются два стиля: полный, отличающийся чётким произношением звуков, медленным темпом речи, и неполный, характеризующийся меньшей тщательностью произношения звуков, более быстрым темпом речи.

Что может интересовать нас в области произношения? В первую очередь те случаи, которые подчиняются литературной норме. Затем такие случаи, когда допустимы произносительные варианты, из которых один всё же предпочтительнее и может быть рекомендован: имеется в виду выбор между вариантами старым и новым, книжным и разговорным. Короче говоря, решается всё тот же вопрос: «А как лучше сказать?»

Если говорить об основной тенденции развития русского литературного произношения, то таковой является сближение произношения с написанием. Объяснение этого процесса следует искать прежде всего в таких социально-культурных факторах, как всеобщая грамотность населения, широкое распространение средств массовой информации, тяга к книге и т.д. Знакомство с литературным языком (включая и нормативное произношение) начинается в основном в школе. И перед глазами детей с первых дней обучения всё время

стоит графический образ слова, который при цепкой детской памяти прочно запоминается и накладывает свой отпечаток на произношение.

Может быть, вы обратили внимание на двоякое произношение суффикса *-ся/-сь* — с мягкими [с'] и твёрдым [с]? Прежняя московская норма рекомендовала твёрдое произношение (оно в какой-то мере сохраняется на театральной сцене, в речи дикторов радио и телевидения): *боял* [са], *стремим* [са], *бою* [с], *надею* [с]. В настоящее время преобладает произношение с мягким [с']. Объяснить это изменение нетрудно. Ещё в школе дети усваивают, что в буквосочетаниях *ся* и *сь* гласная буква и буква «мягкий знак» указывают на мягкость произношения предшествующего согласного (это иллюстрируется примерами: [с'а]дь, ве [с']). Откуда же школьник может знать, что для глагольных форм это положение не применяется и что в них *-ся* звучит как [са], а *-сь* — как [с]? Гораздо проще запомнить общее правило, и вы смело можете произносить указанные суффиксы (постфиксы) мягко.

По прежней норме (окончательно ещё не утраченной) прилагательные на *-гий, -кий, -хий* (*строгий, далёкий, тихий*) и глаголы на *-гивать, -кивать, -хивать* (*протягивать, отталкивать, замахиваться*) произносились без смягчения заднеязычных согласных [г], [к], [х] и с ослаблением (редукцией) последующего гласного (на месте буквы *и* произносился звук, средний между [а] и [ы]). Но школьник знает, что в словах [г'и]бкость, [к'и]вать, [х'и]трый эти согласные по законам русского произношения звучат мягко, и нет надобности сообщать ему, что в некоторых грамматических формах это правило не выдерживается. Поэтому общее положение он распространяет на частные случаи. В этом случае также можете смело пользоваться новой «мягкой» нормой.

Можно указать и другие изменения в произношении, объясняемые той же причиной — влиянием написания. Так, буквосочетание *жж* по прежней норме произносилось как долгий мягкий [ж']. Но ведь шипящий [ж] по природе твёрдый, и неудивительно, что слова типа *вожжи, жужжать* в настоящее время всё чаще произносятся с твёрдым долгим [ж].

Под влиянием написания изменилось произношение буквосочетания *чн*. Раньше в книжных словах (*бесконечный, вечный, точный* и т.п.) сочетание *чн* произносилось в соответствии с написанием, но в обиходно-бытовых словах — как [шн] (*кори* [шн]евый, *сливо* [шн]ый и т.п.). В наши дни произношение *чн* как [шн] сохранилось в немногих словах: *конечно, скучно, прачечная, пустычный, горчичник, скворечник, яичница* и др.

Остановимся ещё на двух случаях: на произношении двойных согласных и слов иноязычного происхождения. Сопоставляя произношение слов *гамма* — *грамматика, масса* — *массаж*, мы замечаем, что двойные согласные в положении между гласными произносятся как долгий звук, если ударение предшествует двойным согласным (*га́мма, ма́сса*). Если же ударяемый слог находится после двойных согласных, то они произносятся как простой (не долгий) звук (*гра́мматика, ма́ссаж*). Отсюда и различие в произношении слов с двойными согласными:

1) с долгим согласным в корне произносятся слова: *ва́нна, га́мма, гру́ппа, капе́лла, ка́сса, ма́сса, програ́мма, то́нна, труппа* и т.п.;

2) с простым (недолгим) согласным в корне произносятся слова: *анну́лировать, ассисте́нт, гриппо́зный, группиро́вать, корреспонде́нт, суббо́та, терра́са, терро́р, тоннель* и т.п.

Долгий согласный произносится также в начале слова перед гласным (*ссора, ссуда*) и на стыке морфем: приставки и корня (*беззаботный, рассадить*) или корня и суффикса (*глубинный, конный*).

В произношении слов иноязычного происхождения нас интересует произношение безударного *о* и произношение согласных перед *е*.

По правилам русской фонетики на месте буквы *о* в первом предударном слоге произносится [а] (сравните литературное произношение слов *вода, нога, пора* и т.п.). Но в некоторых словах иноязычного происхождения литературная норма рекомендует произношение в соответствии с написанием, т.е. в словах *боа, бордо, колье, отель, фойе,*

шоссе и т.п. на месте *о* произносить [o]. В отдельных словах (*поэт, сонет, фонетика* и др.) на месте *о* наряду с произношением [o] (книжный вариант) встречается произношение [a] (разговорный вариант).

Как известно, в русских словах (а также в заимствованных, но давно вошедших в русский язык) согласный перед *е* произносится мягко: [б']елый, [в']ерить, [д']ень, [л']ето, [м']ена, [н']ет, [п']ервый, [с']ерый и т.д. Однако в словах иноязычного происхождения, недостаточно освоенных русским языком и воспринимаемых как заимствованные, согласный перед *е* не смягчается: например: айс [б]ерг, ан [т]енна, [д]ельта, ка [ф]е, каш [н]е, ку [п]е, резю [м]е, ти [р]е, шимпан [з]е, шоссе [е].

Совсем небольшое заключение

Наше совместное путешествие в мир языка закончилось. Но перед каждым из вас открыты широкие возможности продолжать его самостоятельно: нет пределов изучению родного языка.

Уместно напомнить высказывание знаменитого французского философа и писателя-просветителя Вольтера: «Выучить несколько языков — дело одного или двух лет; а чтобы научиться говорить на своём языке как следует, надо полжизни».

